

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

Г.Н. Макарова
О.Г. Седых

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
В СТРАТЕГИИ УСКОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2008

УДК 338.24.021.8(47)
ББК 65.9(2)
М 15

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р экон. наук, проф. М.П. Рачков
д-р экон. наук, проф. В.П. Горев

Макарова Г.Н., Седых О.Г.
М 15 Государственная собственность в стратегии ускоренной
модернизации национальной экономики.— Иркутск: Изд-во БГУЭП,
2008. — 193 с.
ISBN 978-5-7253-1732-9

В работе углублены исследования содержания государственной собственности и возможностей ее использования в целях осуществления постиндустриальной модернизации экономики. Разработана комплексная характеристика издержек трансформации государственной собственности в России в период реформ. Расширены подходы к функциям, выполняемым государством (государственной собственностью) в условиях глобализации. Представлены комплексные направления повышения эффективности использования государственной собственности в опережающей модернизации России в целях роста ее конкурентоспособности за счет перехода к постиндустриальной стадии развития.

Для специалистов, занимающихся проблемами модернизации экономики и вопросами собственности, экономистов, преподавателей и аспирантов.

ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-7253-1732-9

© Макарова Г.Н., Седых О.Г., 2008
©Издательство БГУЭП, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных причин, обусловивших проведение в России на рубеже XX–XXI вв. качественного реформирования отношений собственности, была осознаваемая обществом неспособность полностью «огосударственной» командной экономики обеспечить прогрессивные сдвиги и рост эффективности производства в масштабах и на уровнях, необходимых для удержания и усиления позиций России в конкурентной борьбе с развитыми странами. Проведенные за годы реформ преобразования в отношениях собственности в России, казалось бы, должны были привести к резкому ускорению темпов экономического роста, прогрессивным структурным сдвигам в экономике, повышению уровня и, главное, качества жизни российского населения. Вместо этого, как известно, экономический рост в стране обеспечивается преимущественно лишь благодаря особо благоприятной мировой конъюнктуре на рынках энергоносителей, доля прогрессивных обрабатывающих отраслей в экономике даже снизилась по сравнению с дореформенным уровнем, жизненный уровень большей части населения, несмотря на его некоторый рост в последние годы, все еще пока не достигает даже рубежа последнего «застойного» дореформенного 1990-го года. Между тем, как показывают реальная обстановка в мире и выводы многих исследований¹, России объективно необходимо осуществить «рывок» в модернизации национальной экономики, т.е. быстрыми темпами провести масштабное и качественное обновление технико-технологической базы отечественной экономики в соответствии с задачами перехода к постиндустриальной стадии, если она не хочет окончательно закрепиться в роли «сырьевого придатка развитых стран» в мировой экономике.

Хотя необходимость очередной модернизации отечественной экономики, как полагают экономисты, теперь можно считать общепризнанной, но не решенным остается вопрос о движущих силах, рычагах и инструментах, с помощью которых в современной России возможно осуществление этого процесса. С одной стороны неудовлетворительные экономические итоги реформ порождают большие сомнения в том, что курс на резкое ускорение модернизации сможет возглавить и реализовать частный российский бизнес. С другой стороны, экономисты либерального направления доказывают, что высокая неопределенность, объективно присущая постиндустриальному экономическому развитию, и сама специфика науки

---

¹ Дементьев В. О характере российской «догоняющей модернизации» и ее институциональном обеспечении / В. Дементьев // Российский экономический журнал. 2005. № 2. С. 21–29; Модернизация: зарубежный опыт и Россия.— М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, «ИНФОРМАРТ», 1994; Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации / Е. Ясин // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 4–30 и др.

как ведущего на этой стадии фактора роста, резко снижают позитивный потенциал государства как движущей силы модернизации¹.

В результате, несмотря на достаточно убедительную практику ряда стран (США, Германии, России, широкого круга стран Юго-Восточной Азии), осуществлявших в разных обстоятельствах стратегии ускоренной модернизации с помощью временного установления в экономике ведущей или особо важной роли государства, в современной России многие экономисты продолжают характеризовать государственную собственность как ненужный рудимент отжившей системы социализма и утверждают, что причиной неудач реформ является все еще слишком значительное присутствие этой собственности в российской экономике².

Высокая стратегическая значимость задачи обеспечения очередного «рывка» модернизации российской экономики в целях преодоления ее отставания от развитых стран, отсутствие четких позиций относительно возможной роли государства и государственной собственности в осуществлении предстоящей модернизации российской экономики обусловили выбор темы исследования.

Различным аспектам исследований отношений государственной собственности уделяли внимание экономисты многих школ, начиная с классиков (Дж. С. Милль, А. Смит, Д. Рикардо), марксистской школы (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин), маржинализма (Л. фон Мизес, Э. Бароне, Ф.М. Тэйлор), неоклассиков (Ф. Хайек), до институционализма (Т. Веблен, Д. Стиглиц, О. Уильямсон, Я. Корнай, А.А. Алчиан, Х. Демзец, Д. Лавуа, Р. Коуз).

Среди отечественных экономистов наибольший вклад в исследования государственной собственности внесли Л. Абалкин, Е. Балацкий, С. Глазьев, Н. Дорогов, Б.А. Ерзнкян, К. Зоидов, Р.И. Капелюшников, Г. Клейнер, Н.Д. Колесов, Р. Левита, Д. Львов, Г. Мальгинов, Р. Новрузов, А. Олейник, В.А. Останин, Н. Попадюк, Д. Петросян, А. Радыгин, В. Свирчевский, В. Тамбовцев, К. Хубиев, В. Чеботарев, А. Шаститко, А. Юдин, К. Яновский, Е. Ясин и др. Проблемам взаимосвязи предстоящего «рывка» модернизации и государственной собственности уделяют внимание в своих исследованиях В. Дементьев, Б.А. Ерзнкян, К. Зоидов, Т. Субботина, Е. Ясин и др.

Несмотря на наличие глубоких и обстоятельных работ по многим аспектам экономических отношений государственной собственности, целый ряд проблем, в особенности связанных с эволюцией государственной соб-

---

¹ Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития / В. Мау // Вопросы экономики. 2002. № 7. С.5, 14.

² Свирчевский В.Д. Госсобственность: достояние страны или источник обогащения менеджмента / В.Д. Свирчевский // Собственность и рынок. 2004. № 3. С.11; Гаврилин Е.В. Методические подходы к организации управления государственной собственностью в условиях рыночных преобразований / Е.В. Гаврилин // Финансы и кредит. 2005. № 16. С. 38.

ственности при переходе к постиндустриальной стадии развития, с возможными издержками трансформации государственной собственности, которые национальная экономика может нести в связи с импортом чужих институтов собственности, с определением целесообразных направлений и форм использования государственной собственности в процессе модернизации экономики, требуют дальнейшего изучения.

Цель работы состоит в углублении концептуальных направлений обеспечения эффективного использования государственной собственности в интересах осуществления постиндустриальной модернизации и роста конкурентоспособности отстающей национальной экономики.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения. Список используемой литературы включает 263 наименования.

Во *введении* обоснована актуальность темы, проанализирована степень ее научной проработки.

В *первой главе* — «Государственная собственность: понятие и функции» — проведено углубленное изучение понятия «государственная собственность». Обобщены теоретические подходы, уточнена формулировка понятия государственной собственности, проанализированы ее основные функции, как инструмента макроэкономического регулирования, даны обоснования выделения функции государственной собственности по обеспечению ускорения модернизации национальной экономики.

Во *второй главе* — «Кризис отношений государственной собственности в современной России» — представлена характеристика изменений доли и роли государственной собственности в российской экономике. Проанализированы основные виды издержек трансформации государственной собственности в период рыночных реформ. В связи с особой актуальностью институциональных издержек в главе рассмотрены проблемы нарушения траектории институционального развития в условиях реформирования государственной собственности в России и возможные последствия реализации разных вариантов осуществления «глобализационного контракта» России со странами-экспортерами общественных институтов.

В *третьей главе* — «Основные концептуальные направления повышения эффективности использования государственной собственности в процессах ускорения модернизации и роста конкурентоспособности российской экономики» — уточнены критерии эффективности государственной собственности и характеристики модернизации, ради которой можно или нужно сейчас мобилизовать российскую экономику и население, определены основные необходимые направления, по которым целесообразно использовать государственную собственность в целях модернизации российской экономики. В главе разработан общий алгоритм формирования варианта концепции использования государственной собственности для уско-

рения модернизации и роста конкурентоспособности российской экономики, и предложены характеристики основных типов моделей «человека институционального», с наличием которых необходимо считаться российскому государству и обществу при осуществлении предстоящей модернизации.

В *заключении* обобщены результаты исследования. Сформулированы основные выводы, определены перспективные направления возможного применения полученных результатов.

1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ

1.1 Эволюция исследований государственной собственности в экономической литературе

Одним из важных, базовых элементов любой экономической системы является собственность на факторы производства, созданный продукт и доход. От характера собственности, ее структуры во многом зависят как текущее состояние экономики в той или иной стране, так и возможности прогрессивных изменений в области производства, распределения, обмена и потребления в данной стране. Государственная собственность является составным элементом отношений собственности, формировавшихся в процессе развития цивилизации. Поэтому ее исследование выступает, прежде всего, как составная часть исследований собственности в целом.

Собственность является настолько многоаспектной категорией, что она изучается не одной, а целым рядом наук, например, философией, историей и психологией, экономикой, юриспруденцией, каждая из которых характеризует различные аспекты явления собственности¹. Однако, из всех сложившихся направлений знаний, исследующих собственность, базовая, решающая роль отводится экономической теории и праву.

Выявление содержания собственности как экономической категории является теоретической и методологической проблемой экономической теории, которую экономисты решают в течение многих эпох². Так как различные экономические школы по-разному определяли собственность и ее сущность, то к настоящему времени существуют неоднозначные определения понятия «собственность».

В современном экономическом словаре дана следующая формулировка: «Собственность — принадлежность вещей, материальных и духовных ценностей определенным лицам, юридическое право на такую принадлежность и экономическое отношение между людьми по поводу принадлежности, раздела, передела объектов собственности»³.

Что касается экономистов, то они, судя по дошедшим до нас источникам, начали исследовать собственность с первых шагов становления элементов экономических знаний, хотя на протяжении долгих столетий, предшествовавших становлению развитых форм экономического общества, понятие «собственность» еще использовалось в значениях, весьма да-

---

¹ Веснин В.Р. Собственность: научная категория, политические мифы и реальность / В.Р. Веснин // Социально-гуманитарные знания. 2002. №3. С. 126.

² Экономическая энциклопедия / Гл. ред. Л.И. Абалкин. — М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1999.— С. 172.

³ Радыгин А. Институциональные проблемы развития корпоративного сектора: собственность, контроль, рынок ценных бумаг / А. Радыгин, Р. Энтов.— М.: ИЭПП, 1999.— С. 321.

леких от принятых сегодня (см. Приложение 1). Так, Аристотель, рассматривая проблему щедрости, говорил об имуществе и о владении им, но не о собственности, что можно рассматривать как самые первые подходы к исследованию собственности¹.

В римскую эпоху был достаточно широко распространен термин *proprietas*, происходящий от слова *proprius*; с его помощью принадлежавшая кому-либо вещь противопоставлялась другим объектам, которые находились в общем владении. В то же время в «Дигестах Юстиниана» уже выделялось понятие «владение», позволяющее различать, что «вещи человеческого права» могут либо находиться в чем-то личном распоряжении, либо принадлежать всей совокупности граждан. Именно с помощью этого термина понятие собственности определялось в ранних источниках по европейской юриспруденции. Согласно римской традиции собственность не разделялась на «частную» и «общественную», поскольку сам термин *proprietas* четко указывал на принадлежность соответствующего объекта тому или иному лицу².

В современном своем значении понятие «собственность» возникло в XVII в., в период быстрого распространения идей естественного права. Эта эпоха породила два направления развития научной мысли, исследующих явление собственности.

В рамках одного из них обосновывалось отделение собственности, происходящей из коммерческой деятельности граждан, от собственности государя, выступавшей в средневековье в качестве универсальной формы собственности и обычно именовавшейся *publicus*, или *publicare*. Таким образом, определение «частная» (например, в английском языке — «*private*») появилось вне связи с термином «собственность» и служило для противопоставления самостоятельной экономической деятельности человека и деятельности в рамках политических структур.

В рамках второго направления предпринимались попытки отделить собственность человека, естественным образом возникавшую из самого акта создания той или иной вещи или приобретения ее у других людей, от собственности, по природе своей находящейся в коллективном владении граждан. В данном случае понятие собственности рассматривалось в абсолютном, если можно так выразиться, смысле. Именно в этом контексте Дж. Локк указывал, что «каждый человек имеет собственность в своем личном владении, ...мы можем сказать, что результаты труда его тела и работы его рук принадлежат ему»³. Дж. Локк (1632–1704 гг.) разработал законченную естественно-правовую концепцию собственности, определившую во мно-

¹ Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. 2000. №12. С. 3.

² Там же. – С. 4.

³ Locke J. The Second Treatise of Government. Chap. V. 27. 2–4.

гом развитие экономической науки, правоведения и этики. По мнению некоторых исследователей, дальнейшая история этих областей состояла в основном в развитии или опровержении идей Локка.

Хотя с XVII в. развитие исследований собственности заметно активизировалось, но почти до середины XIX в. собственность как экономическая категория вовсе не привлекала особого внимания экономистов.

Например, в трудах классиков политической экономии А. Смита и Д. Рикардо, фактических основателей современной экономической науки, нет зачатков анализа собственности. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» А. Смита можно найти характеристики и капитала, и труда, и фондов, и процента, и стоимости, и спроса, т.е. весьма широкий арсенал экономических понятий, но нет и следов собственности. И это не было упущением, а лишь объективно отражало положение вещей, «положения идей» с позиций А. Смита. Создатели классической школы в экономической теории как бы молчаливо исходили из предпосылки: собственность есть данность, не подлежащая обсуждению¹.

Вышесказанное относится не только к экономистам того времени, но и к исследователям других направлений знаний, анализировавшим состояние и развитие общества. Вопрос, что представляет собой собственность, считался решенным раз и навсегда. Собственность рассматривалась либо как правовая категория, либо как богатство, а, скорее всего, воспринималась как то и другое одновременно. Не внесли в этом отношении ничего нового и другие представители классической школы, хотя у некоторых из них появились определенные формулировки, имеющие отношение к собственности. Так, в знаменитой книге французского последователя Смита Ж.-Б. Сэя «Трактат по политической экономии» есть упоминание о собственности, которое с некоторой натяжкой можно рассматривать как ее определение, в контексте определения богатства. «Люди пользуются известными благами, которые природа доставляет им даром, как, например, воздухом, водой, светом солнца; но это не те блага, которые обыкновенно принято называть богатством. Это название дается только тем предметам, которые имеют собственную, им присущую ценность и которые сделались исключительной собственностью владельцев, как, например, земли, металлы, монеты, хлеб, ткани и вообще товары всякого рода»². По-прежнему собственность отождествляется с богатством как материальным объектом владения.

Поворот в истолковании собственности как экономической категории связан с П.-Ж. Прудоном, а именно с его нашумевшей книгой «Что такое

¹ Левита Р.Я. Эволюция категории «собственность» в экономической теории / Р.Я. Левита // Экономика и математические методы и модели. 2002. том 38. № 3. С. 30.

² Сэй Ж.-Б. Трактат по экономической теории / Ж.-Б. Сэй.— М.: Дело, 2000 – С. 29.

собственность?», в которой было сформулировано впервые, прозвучавшее вначале как выстрел, очень оригинальное и смелое утверждение: «Собственность — это кража»¹. Таким образом, Прудон впервые предложил рассматривать собственность не как имущество как таковое, не как богатство (запас), а как действие, отношение между людьми по поводу имущества.

У К. Маркса собственность выступает как система отношений между людьми. Эти отношения характеризуют присвоение средств производства и потребительских благ.

При этом марксистская точка зрения определяет собственность, прежде всего, как результат объективных экономических отношений, возникающих между людьми по поводу присвоения материальных благ, и различает эти отношения и право собственности, которое предполагает правомочия собственника: владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом. Имущество может находиться в частной, коллективной или государственной собственности. В концепции К. Маркса отношения собственности играют ведущую роль в экономических системах любых типов. Именно эти отношения определяют характер и способ соединения средств производства и работника. «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает различные эпохи общественного строя»².

Вернемся, однако, в XIX в. Развитие промышленного капитализма было бы невозможно без расширения правовой и имущественной основы собственности. Постепенно, вначале интуитивно, а потом и концептуально, происходило постижение связи между ценностью имущества и будущими результатами экономической деятельности. Ограниченность традиционного понимания имущества как совокупности материальных объектов или вещей стала неприемлемой, когда в получении будущих результатов, в первую очередь доходов, все большую роль стала играть ликвидность имуществ и, как следствие, обращение объектов невещественного характера: долговых и долевого обязательств, коммерческих бумаг и т. п. Распространение на них статуса имущества окончательно состоялось во второй половине XIX в., уже после того, как английский экономист и юрист Г. Д. Маклеод ввел в оборот понятие невещественного (нематериального) имущества и собственности на него. Поскольку и с правовой, и экономической

¹ Левита Р.Я. Эволюция категории «собственность» в экономической теории / Р.Я. Левита // Экономика и математические методы и модели. 2002. том 38. № 3. С. 31.

² Маркс К. Сочинения. Изд. 2. Т. 24 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Госполитиздат, 1961.— С. 43–44.

точки зрения будущие экономические результаты образуются через последовательность трансакций, т. е. через оборот имуществ и прав на них, без чего невозможно осуществление производственного процесса, а также транспортных и сбытовых операций, то собственно экономической ролью имущества становится роль активов делового предприятия. Именно это определяет его экономическую ценность.

У теоретиков возникшей одновременно с марксизмом немецкой исторической школы собственность выступала как воплощение этико-правовых начал, т.е. рассматривалась как категория, базирующаяся на морально-правовом фундаменте. Историческая школа, таким образом, представляла собой зеркальное отражение марксистского подхода. Если у Маркса право рассматривалось как надстройка над экономикой, право собственности как юридическое оформление экономических отношений собственности, то с позиций лидеров исторической школы В. Рошера, Б. Гильдебранда, К. Кинса, Г. Шмоллера и других экономика характеризовалась как надстройка над этико-правовым базисом.

В других немарксистских экономических теориях собственность либо вообще не включалась в состав сущностных элементов экономических систем, или рассматривалась поверхностно, когда внимание уделялось лишь юридической стороне данного явления. Действительно, если судить по основным работам наиболее видных экономистов неоклассического направления или по западным вузовским учебникам, то в них мы не найдем специальных разделов или глав, посвященных собственности, раскрытию сущности данного явления. В библиографиях экономистов-неоклассиков также практически нет специальных монографий по данной теме.

Как известно, в отличие от представителей классической и марксистской теории, рассматривающих экономическую реальность как бы извне, глазами внешнего наблюдателя, познающего действия «невидимой руки», не зависимо от воли и сознания отдельных людей, маржиналисты воспринимали экономическую действительность с точки зрения отдельного индивидуума, активно вовлеченного в хозяйственную жизнь, самостоятельно принимающего решения. Т.е. для маржиналистов экономическая реальность субъективна, ограничена сознанием и волей «экономического человека», преследующего свои цели. При принятии решений он сталкивается с многочисленными и постоянно меняющимися ограничениями, которые заставляют его оценивать свои возможности, учитывать и выбирать в соответствии с этим наиболее выгодные для него варианты действий.

Среди исследователей данной школы наибольший интерес, на наш взгляд, представляет подход к собственности К. Менгера, т. к. он связывает характеристику собственности с особо важным для современных экономистов исходным методологическим положением экономических исследо-

ваний о факторе редкости благ. «И человеческое хозяйство, и собственность,— отмечал К. Менгер — имеют общее хозяйственное происхождение, так как и то, и другое своим конечным основанием имеют существование благ...; вместе с тем собственность, как и хозяйство людей, является не произвольным изобретением, а наоборот, единственным практически возможным разрешением проблемы, навязываемой нам природой вещей...»¹. Лидеры неоклассической школы «первой волны», т.е. периода до Кейнса, также не внесли каких-либо существенных новаций в понимание собственности. Можно сказать, что категория собственности вообще была вне поля их исследований. Поскольку неоклассики занимали ведущее положение в экономической науке конца XIX—начала XX вв., такая ситуация может быть охарактеризована как типичная для экономической теории в то время в целом (если не считать марксистского направления).

Единственным экономистом данного направления, уделявшим внимание понятию собственности, был Л. Вальрас, но он весьма противоречиво характеризовал содержание данной категории. С одной стороны, Л. Вальрас в строгом соответствии с постулатами маржинализма связывал собственность (отождествляя ее с богатством) с полезностью для человека и с редкостью, и отмечал, что редкость порождает три следствия: блага могут быть присвоены, они имеют ценность и могут быть размножены промышленным способом. Отсюда Л. Вальрас считал целесообразным выделять три группы (в терминологии Вальраса — серии) особых фактов: собственность, меновая ценность и индустрия. Но, с другой стороны, Л. Вальрас фактически выводил собственность из предмета экономической науки и утверждал, что теория собственности образует науку о морали, которую можно назвать социальной экономикой. Под последней имелся в виду анализ распределения, опирающегося на справедливость. Попыток анализа категории собственности хотя бы под этим углом зрения Л. Вальрас не предпринимал. Если для Л. Вальраса категория собственности относится к этике, то подавляющее большинство экономистов того времени молчаливо признавали категорию собственности сферой правовой науки.

Единственным немарксистским направлением экономической теории, в котором собственность занимала существенное место, был сформировавшийся в США институционализм. О взаимодействии собственности и индустрии много писал Т. Веблен. Он, по существу, ввел в широкий научный оборот понятие абсентистской собственности как приносящей доход владельцу, к производству отношения не имеющему. Несомненной заслугой Т. Веблена является акцент на эволюции собственности. В частности, по мнению Т. Веблена, приход на смену частным индивидуальным фир-

¹ Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. — М.: Экономика, 1992.— С. 79.

мам крупных корпораций привел к тому, что собственность на материальные блага оказалась отнесенной на задний план собственностью на неосязаемые активы¹.

Ученик Веблена Дж. Коммонс также уделял категории собственности серьезное внимание. Он считал игнорирование собственности существеннейшим пороком маржиналистских учений. Однако категория собственности имела у Дж. Коммонса преимущественно юридическую окраску и толковалась как совокупность определенных прав и обязанностей, без четкой фиксации которых общество не может функционировать. При этом, сами эти права и обязанности не следует рассматривать как фундамент экономики — наоборот, с переменой экономических условий они изменяются.

Бурный взрыв интереса экономистов к проблемам собственности произошел в 20–30 гг. XX в. Первой причиной было появление на практике системы хозяйства, построенной на государственной собственности. Сравнительная характеристика преимуществ и недостатков частной и общественной собственности заняла страницы множества монографий и журнальных статей. На долгие годы эта тема стала одной из главных в дискуссиях экономистов марксистской и немарксистской школ.

Из представителей немарксистских школ ведущую роль в этих дискуссиях играл Л. Мизес, чья монография «Социализм. Экономический и социологический анализ» выдержала множество изданий на разных языках (русский перевод по понятным причинам вышел в свет только в 1991 г.²). Книги этого автора примечательны не только острой и во многом обоснованной критикой общественной собственности. Л. Мизес был одним из немногих экономистов XX в., кто дал развернутое толкование категории собственности как общественного явления: «Собственность означает полный контроль над услугами, которые можно извлечь из некоего блага...»³.

Собственность в экономическом смысле, по Л. Мизесу, это актив. Но как актив она выступает лишь в руках тех, кто знает, как наилучшим образом использовать ее на удовлетворение нужд потребителя. С такой точки зрения собственность — это социальная функция. Теория хозяйства исследует не юридические аспекты собственности, а управление собственностью как активом. Различие между частной собственностью и общественной лежит именно в этой плоскости: в первом случае направление использования факторов производства определяется отдельными лицами или группами лиц, а во втором — государством.

Хотя Л. Мизес и не сформулировал тезис о праве управления активом

¹ Левита Р.Я. Эволюция категории «собственность» в экономической теории / Р.Я. Левита // Экономика и математические методы и модели. 2002. том 38. № 3. С. 33.

² Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. — М.: Экономика, 2000. — 878 с.

³ Там же. С 640.

как праве собственности, по существу такое представление, несомненно, присуще его концепции. В то же время им прямо сформулировано другое касающееся прав собственности положение. Права собственника он трактует не как некие законные установления, а как признанные обществом за лицом или группой лиц притязания на результаты использования ими благ и ответственность за это использование¹. Таким образом, у Л. Мизеса представление о праве собственности в экономическом смысле четко отграничено от юридического понимания права собственности.

Второй причиной взрыва внимания к собственности послужило установление безусловного господства корпораций, базирующихся на акционерной собственности. Исследования в этой области связаны, прежде всего, с именами А. Берли и Г. Минза, чья совместная работа² положила начало многочисленным теориям трансформации капитализма. Современный капитализм, по мнению этих авторов, уже совсем не та модель хозяйства, которую анализировал Маркс. Корпорации концентрируют огромные капиталы, но собственность на эти капиталы расплывлена между множеством акционеров. Происходит отделение собственности на факторы производства от контроля над их использованием, т.к. реальный контроль над корпоративной собственностью оказывается в руках управляющих, деятельность которых вовсе не служит интересам акционеров. Отсюда данные авторы делали вывод о том, что необходимо изменение точки зрения на сущность собственности, поскольку классический набор правомочий собственника в условиях акционерной собственности не реализуется даже формально. Об этом свидетельствует, в частности, распространение акций без права голоса и голосование по доверенности. А. Берли и Г. Минз не формулируют это прямо, но из всего хода их аргументации вытекает, что за акционером-собственником остаются крайне урезанные управляющими корпорацией право на получение дохода и право на отчуждение своей собственности.

Мы придерживаемся мнения многих экономистов, отмечающих, что экономическое содержание категории собственность наиболее полно рассмотрено в работах институционалистов. Самыми яркими представителями данной экономической школы, на наш взгляд, были: Т. Веблен, Р. Коуз и Д. Норт. «Старый» институционализм получил дальнейшее развитие в первой половине XX в. как альтернатива неоклассическому направлению. У первых институционалистов институты характеризовались как самостоятельные предметы изучения. Человек, с позиций старой институцио-

---

¹ Левита Р.Я. Эволюция категории «собственность» в экономической теории / Р.Я. Левита // Экономика и математические методы и модели. 2002. том 38. № 3. С. 34.

² Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: The Commerce Clarnig House, 1932.

нальной школы, следует не только своему интересу, но и привычке; его предпочтения сменяются с течением времени¹.

Основателем новой институциональной теории считается Р. Коуз, работы которого публиковались с 30-х гг. XX в., но нашли признание значительно позже — в 70-х гг. XX в. К тому периоду необходимость решения многих проблем, обозначившихся на стыке институционального и неоклассического подходов, вызвала к жизни новое, во многом еще противоречивое, но вместе с тем перспективное направление экономических исследований, известное под названием экономическая теория прав собственности, породившее, в свою очередь, целое семейство концепций, названных неоинституционализм или трансакционная экономика. Несомненной заслугой неоинституционалистов является объяснение феномена организации в экономике, который данная школа характеризует с позиций выделенных и исследованных в рамках институционального направления трансакционных издержек.

К наиболее известным исследователям неоинституциональной теории прав собственности относятся А. Алчиан, Т. Эггертссон, Х. Демзец, С. Чен. Российскую научную школу теории прав собственности представляют работы Р.И. Капелюшникова, А.Е. Шаститко, А.Н. Нестеренко и др.

Права собственности понимаются как санкционированные обществом поведенческие отношения между людьми, возникающие в связи с существованием ограниченных благ и касающиеся их использования. Другими словами, эти отношения определяют нормы поведения, формальные и неформальные правила игры, в соответствии с которыми регулируется доступ к ограниченным производственным ресурсам и осуществляется экономическая деятельность в обществе.

Из этого определения можно сделать следующие принципиально важные выводы, характеризующие особенности экономической теории прав собственности:

- явление собственности трактуется не как отношение «человек-вещь», а как общественное отношение. Следовательно, в центре внимания оказываются не ресурсы или блага сами по себе, а сложные системы правил общественного взаимодействия;
- ресурсы как таковые не оказываются вне поля зрения, поскольку сторонники экономической теории прав собственности подчеркивают связь прав собственности с проблемой ограниченности ресурсов;
- характеристика прав собственности как санкционированных обществом, но не обязательно государством, указывает на необходимость учета при их анализе не только формальных нормативных правил, исхо-

---

¹ Елькин В.А. Реформа собственности и ее последствия / В.А. Елькин, Е.Н. Невзорова, Н.С. Хохлова.— Иркутск: Из-во ИГЭА, 2000.— С. 7.

дящих от государства, но и неформальных установлений (неписаных законов, традиций);

– выделение институционалистами поведенческого аспекта прав собственности подчеркивает их прямую связь с проблемами мотивации экономической деятельности;

– в рассматриваемой теории особое значение придается тому, что права собственности представляют собой совокупность, а именно, сложную комбинацию, или пучок правомочий по использованию ресурсов, «пучок отношений, существенно различающихся по своему характеру и последствиям»¹. Такой подход к собственности позволяет рассматривать любой акт обмена в теории прав собственности как обмен пучками правомочий.

Большое значение придают институционалисты четкому определению прав собственности. По их мнению, права должны быть определены так, чтобы исключался свободный доступ других лиц к тем или иным ресурсам. Четкое определение прав собственности, обеспечивающее исключение других из свободного доступа к ресурсам, предполагает спецификацию прав собственности на эти ресурсы. Смысл и цель спецификации состоит в том, чтобы создать условия для приобретения прав собственности на различные виды ресурсов теми, кто ценит их выше, кто способен извлечь из них большую пользу. Поведение всех хозяйствующих субъектов в соответствии с приобретенными правами позволяет строить его на основе эффективного использования ресурсов, минимизации альтернативных издержек, полной ответственности за положительные и отрицательные результаты осуществляемой ими деятельности. Как известно, экономическая теория прав собственности привела к формированию целого ряда новых направлений знаний. Несомненно, подобные представления обогащают общую теорию собственности. Особо ценным представляется связь данной теории с проблемой эффективности.

В трактовке неинституционалистов особо выделяется роль собственности как регулятора экономического поведения, т.е. то обстоятельство, что в рыночном хозяйстве «правила игры» не навязывают каждому субъекту его действий, но через права (и соответственно, через запреты) стимулируют (или не позволяют) осуществление тех или иных действий².

Если предшественники неинституционализма молчаливо исходили из того, что в экономической системе правомочия собственности четко определены и — по крайней мере, теоретически — безусловно защищены, то неинституционалисты отвергают этот постулат. Они утверждают, что точ-

¹ Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности / Р.И. Капелюшников. — М.: ИМЭМО АН СССР, 1990.— С. 10.

² Игнатовский П. Собственность, ее истоки в настоящем и будущем / П. Игнатовский // Экономист. 1999. № 11. С. 45.

ное определение прав собственности отсутствует, и требуются существенные усилия и издержки для такого определения (спецификации). Без спецификации хозяйственные решения субъектов рискуют быть ошибочными или малоэффективными, так что благосостояние субъектов поставлено под угрозу. От спецификации прав зависит и возможность их защиты. Но полная спецификация или вообще не доступна, либо обходится чрезмерно дорого, так что в принципе речь может идти не об абсолютной максимизации эффекта экономического поведения, а об оптимизации прав при заданных ограниченных затратах на спецификацию. В этом контексте экономическая теория прав собственности как бы дополняет другое направление неинституционализма — экономическую теорию информации, согласно которой эффект экономической деятельности ограничен информационными возможностями субъектов этой деятельности¹.

Таким образом, в качестве общих выводов экономических исследований собственности, представляется необходимым выделить следующие. Наибольшее внимание изучению собственности уделено тремя крупными теориями — марксизмом, неоклассической школой и институционализмом. Именно в рамках этих школ, специфические взаимодействия, складывающиеся в том или ином обществе, прослеживаются, прежде всего, через призму данного явления. Это значит, что фактически собственность во всех данных школах рассматривается, во-первых, как общественное отношение, во-вторых, как явление, характеризующее те или иные способы организации экономической деятельности, в-третьих, как категория системообразующая. Связанным с проблемой собственности, таким образом, оказывается и находящийся в центре внимания всех экономических теорий вопрос о том, какие факторы позволяют увеличивать благосостояние как общества в целом, так и отдельных его членов. Среди таких факторов оказывается и сама структура общественно-экономических взаимодействий, разделяющая посредством тех или иных отношений собственности общество на слои, группы, классы, различающиеся по функциональным ролям в организации хозяйственного процесса. Степень достижения «общественной пользы» фактически во всех данных школах выступает в качестве основного критерия для оценки качества перспектив той или иной хозяйствующей системы.

Каждая из выше перечисленных школ отмеченные аспекты интерпретирует по-разному. Различия заключаются не столько в том, что неодинаково оцениваются или объясняются одни и те же факторы, сколько в том, что зачастую в этих факторах выявляются свойства и качества разного рода. Здесь точнее будет сказать, что каждая из школ обладает определенными

---

¹ Игнатовский П. Собственность, ее истоки в настоящем и будущем / П. Игнатовский // Экономист. 1999. № 11. С. 43.

ми сравнительными преимуществами в раскрытии тех или иных сторон проблемы собственности.

Так, например, применение познавательных методов и категориального аппарата *марксистской политэкономии*, совершенно очевидно, как мы считаем, полезно в исследовании экономических, объективных основ отношений собственности, в анализе закономерностей существования и развития и самой собственности и общества в целом как системы, включающей в себя отношения собственности.

В *неоклассических подходах* бесспорную значимость представляет принцип методологического индивидуализма, в соответствии с которым во главу угла ставится поведение отдельного индивида, его восприятие действительности, восприятие им собственных целей и возможностей, ограниченных материальными факторами и деятельностью других индивидов. Эта школа, таким образом, заложила основы психологизации экономического анализа отношений собственности.

Из методов, применяемых *институционалистами*, наиболее ценными представляются те, которые предполагают учет «несовершенств» человеческого поведения и анализ тех форм организации общественной деятельности, которые позволяют данные «несовершенства» нейтрализовать или даже использовать во благо. Метод междисциплинарного подхода, являющийся одним из основных в институционализме, многими экономистами сегодня также причисляется к тем, которые должны способствовать совершенствованию теоретических разработок собственности.

Институт собственности представлен разными формами. Как правило, экономисты исследуют особенности и эволюцию частной собственности. С позиций нашего исследования особый интерес представляет изучение государственной собственности, тем более, что в последнее время наблюдаются противоречивые тенденции в плане усиления (или ослабления) роли госсобственности под влиянием перехода к постиндустриальной стадии развития и формирования глобализационных процессов.

Поначалу, в период возникновения, государственная собственность формировалась для того, чтобы обеспечивать возможность существования государственной власти. Например, для того, чтобы обеспечить должную концентрацию рабов, от которых требовалось выполнять огромные объемы общественно значимых физических работ: по строительству ирригационных, оборонительных сооружений, величественных зданий, мемориальных комплексов и т.д. В средние века главным объектом государственной собственности стала земля.

Как известно, представители только первой экономической школы — меркантилизма считали, что государство должно играть активную роль в экономике (в развитии торговли и промышленности). В последующем в

течение длительного времени экономисты не уделяли особого внимания государственной собственности. В эпоху классического капитализма в странах европейской ветви цивилизации роль государственной собственности в экономике была относительно невелика. В этой связи экономисты классической школы доказывали, что государство в экономике не должно выходить за рамки функций «ночного сторожа», т.е. лишь косвенно и очень ограниченно влиять на развитие экономических процессов. Идея об ограниченной роли государства в экономике весьма глубоко обоснована А. Смитом в «Богатстве народов», где он доказывал, что экономика, направляемая как бы невидимой рукой рыночного механизма, способна наилучшим образом распределять ресурсы и обеспечивать общество желаемыми товарами по сравнению с любым другим типом экономического устройства.

Как известно, Дж. М. Кейнс осуществил «революционный переворот» в экономической теории, доказав необходимость активного вмешательства государства в регулирование экономики. Но Кейнса интересовали проблемы не государственной собственности как таковой, а государственное регулирование экономики (в первую очередь — совокупного спроса). Для обеспечения эффективного государственного регулирования в тех направлениях, которые исследовал Кейнс, совсем не обязательно было предполагать повышение доли и роли государственной собственности в экономике. Поэтому само по себе кейнсианство не может быть рассмотрено, на наш взгляд, как главное теоретическое направление, обосновывающее необходимость развития государственной собственности в странах с рыночным типом экономики.

Со второй половины XIX в. государственной собственностью всерьез заинтересовалась марксистская школа. Во-первых, эта школа выступила с резкой критикой частной собственности, провозгласив фактически в «Манифесте коммунистической партии» необходимость ее уничтожения. Соответственно марксисты не могли не исследовать государственную собственность как альтернативу частной. Во-вторых, в процессе разработки теории государственно-монополистического капитализма В.И. Ленин доказывал неизбежность сращивания государства с монополиями, и в этой связи марксисты стали уделять внимание характеристикам особенностей государственной собственности в зависимости от того, чьи интересы с ее помощью реализуются. В-третьих, развернутые исследования государственной собственности марксистской школой были связаны с определением путей становления и развития предполагавшейся коммунистической формации. Согласно марксистской концепции конца XIX – начала XX вв., государственная собственность рассматривалась как необходимая «предшественница» будущей общенародной коммунистической собственности при

условии, что государство будет выступать в форме диктатуры пролетариата и использовать эту государственную собственность для развития производительных сил в интересах трудящихся. В соответствии с таким подходом, в течение всего периода существования СССР исследования государственной собственности были направлены на обоснования более высокого уровня зрелости государственной собственности по сравнению с колхозно-кооперативной (и тем более с частной) и для доказательств того, что с ростом доли государственной собственности в экономике повышается уровень реального обобществления производства. Именно обобществление, как предполагалось, должно со временем привести экономику к высшей фазе коммунистической формации, где «все источники общественного богатства польются полным потоком».

Среди немарксистских направлений экономических исследований государственной собственности представляется необходимым выделить, прежде всего, исследования в рамках теории смешанной экономики. Согласно ей, государственная собственность рассматривается с позиций компенсации государством «несостоятельности» или «фиаско» рынка, т.е. с позиций преодоления при помощи государства недостатков рыночного механизма регулирования экономики и обеспечения решения тех проблем, с которыми «рынок не справляется адекватным образом»¹. В рамках данного подхода выделяется широкий круг так называемых «общественных благ», создание которых чаще других товаров обеспечивается предприятиями, находящимися в государственной собственности. Имеются в виду государственные медицинские учреждения и учреждения сферы образования, автомобильные и железные дороги, коммунальные службы и т.п. Как отмечает Дж. Ю. Стиглиц, характеризуя ситуацию с государственной собственностью в европейских странах в конце XX в., «сто лет назад существовали частные шоссе и все железные дороги находились в частной собственности. Сегодня нет частных главных автомагистралей, и большинство железнодорожных пассажиров страны путешествуют благодаря... компании, созданной и субсидируемой государством. Именно потому, что смешанные экономики постоянно сталкиваются с проблемой определения соответствующих границ между государственной и частной деятельностью, наука о государственном секторе в этих странах становится и столь важной и столь интересной»².

Хотя теоретики смешанной экономики стали уже уделять большее внимание государственной собственности по сравнению с классиками, все же эта собственность исследуется ими не как самоцель, а лишь постольку,

---

¹ Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора / Дж. Ю. Стиглиц / Пер. с англ. — М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997.— С. 16.

² Там же. С 12.

поскольку они признают необходимость присутствия государства в экономике и учитывают, что государство иначе, чем частный сектор, осуществляет финансирование и регулирование производства общественных и частных благ.

Более предметно, чем другие экономические школы, государственной собственностью занимаются в настоящее время, на наш взгляд, институционалисты. Институционализм — единственная школа, в рамках которой государственная собственность изучается не «попутно», по ходу рассмотрения каких-либо других проблем, а как самостоятельный объект исследований. В отличие от других школ, институционалисты наоборот, изучают другие вопросы (например, природу самого государства) для того, чтобы более глубоко понять особенности государственной собственности.

С позиций институционального подхода государственная собственность рассматривается прежде всего как право этой собственности. При этом, по мнению институционалистов «права государственной собственности должны существовать там, где, с одной стороны, возможно обеспечить режим исключительности, а с другой — сравнительные преимущества частной или коммунальной собственности выражены слабо»¹.

Институциональная школа имеет свои позиции относительно взаимосвязи государственной собственности и производства общественных благ. С позиций сторонников этой школы, государство совсем не обязательно считать единственно возможным производителем общественных благ, так же, как частный сектор — производителем только лишь частных благ. В частности, общеизвестен пример Р. Коуза о маяках, который используется в качестве иллюстрации того, что общественные блага вполне могут быть произведены частными производителями². С другой стороны, частные блага вполне могут производиться на предприятиях, находящихся в государственной собственности, как это было, например, в СССР во всех отраслях производства в период использования плановой модели организации экономики.

Большое внимание институционалисты уделяют анализу возможных расхождений между правом государственной собственности де-юре и де-факто. Согласно их подходу, тот факт, что ресурсы находятся в государственной собственности, отнюдь не является гарантией реализации данной собственности на деле. Как отмечает А.Е. Шаститко, «если формально ресурсы находятся в государственной собственности, то фактически вполне может осуществляться режим свободного доступа, коммунальной или частной собственности. Данная ситуация будет лишь определять: (а) набор правомочий, которые могут реализовать экономические агенты; (б) осо-

---

¹ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко.— М.: ТЕИС, 2002.

² Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз / Пер. с англ.— М.: Дело, 1993.— С. 169–192.

бенности технологии передачи правомочий от одного экономического агента к другому»¹. Процесс фактической трансформации правомочий государственной собственности в правомочия частной или коммунальной при неизменных формальных правах государственной собственности получил название спонтанной приватизации. Возможность спонтанной приватизации обуславливается, по мнению институционалистов, высокими издержками защиты права государственной собственности, которые могут быть тем выше, чем больше доля государственной собственности в экономике и, соответственно, чем больше затрат требуется для организации системы контроля за соблюдением данных прав. Например, согласно исследованиям Л. Алстона, Дж. Лайбкэпа и Р. Шнайдера об эволюции прав собственности на землю в Бразильской Амазонии, хотя земля в этом регионе формально является объектом государственной собственности, но фактически издержки обеспечения данного права за пределами высоки для населения. Поэтому часть земли находится в режиме свободного доступа, часть (и очень значительная) — в режиме неформального права, формирующегося в пределах сообществ первопроходцев. Лишь тогда, когда по мере освоения земель чистая ценность формальных прав (возможность получить защиту от государства, возможность использования участков в качестве обеспечения под кредиты) начинает превышать чистую ценность неформальных, возникает потребность в смене государственного права на формальное (официальное) право частной собственности на отдельные земельные участки.

Хотя институционалисты не являются сторонниками государственной собственности, они, в то же время, не считают оправданными выводы неоклассиков о неизбежной неэффективности этой собственности. Например, с позиций институционального подхода, есть целый ряд механизмов, с помощью которых могут быть если не исключены, то существенно снижены основания для оппортунистического поведения государственного аппарата (одного из главных факторов, обуславливающих меньшую эффективность государственной собственности по сравнению с частной). В этой связи институционалисты выделяют, прежде всего, возможность сменяемости политиков, что позволяет обеспечить их обратную связь с избирателями (т.е. — механизм голосования «руками»). Эта форма контроля может быть, по мнению сторонников институционального подхода, тем эффективнее, чем лучше будут отлажены механизмы объективных оценок результативности деятельности государственных чиновников и обеспечение избирателей необходимой объективной информацией.

---

¹ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко.— М.: ТЕИС, 2002.— С. 333.

Кроме голосования «руками» выделяется также и такой «способ» снижения уровня оппортунистического поведения государственного аппарата, как конкуренция со стороны других государств. Она может привести к эмиграции, т.е. голосованию «ногами», а также к установлению экономической и политической зависимости данного государства от других стран, или даже к полному поглощению данной страны странами-конкурентами в буквальном смысле слова. Возможны также такие способы и механизмы поддержания эффективности госсобственности, как распространение идеологии, препятствующей оппортунистическому поведению государственных чиновников и совершенствование внутригосударственной системы контроля, осуществляемого не только государственными служащими, но и общественными организациями.

Одним из доводов в пользу сохранения в рамках любых национальных экономик той или иной доли государственной собственности институционалисты считают также неизбежность несения значительных затрат (транзакционных издержек) в случае реализации решений о замене «неэффективной» государственной собственности частной. Делая вывод о том, что только приватизация может обеспечить рост эффективности функционирования экономики, необходимо, по мнению институционалистов, оценить, во что обойдется обеспечение спецификации и защиты прав собственности, чтобы избежать синдрома «революции ожиданий». Учет возможных издержек может привести к выводу о предпочтительности сохранения статус-кво¹.

В последние годы значительный вклад в исследования государственной собственности вносят, на наш взгляд, отечественные экономисты. Сложности и проблемы, с которыми столкнулась Россия в процессе своих «рыночных» реформ, происходящее прямое разрушение устоявшихся отношений фактической абсолютной монополии государственной собственности во всех звеньях, подсистемах и «порах» российского общества, огромные экономические, стратегические и моральные потери, которые несет Россия в связи с переходом к частной собственности, чрезвычайно усилили интерес отечественных экономистов к выявлению природы государственной собственности и перспектив дальнейших изменений ее роли в российской экономике.

В результате за годы реформ в России появился чрезвычайно широкий круг работ, посвященных исследованиям различных аспектов проблематики государственной собственности, изучающих ее роль на микро- и макроуровнях, обосновывающих необходимость сохранения и даже упрочнения этой собственности в новых условиях хозяйствования, или, напротив,

---

¹ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко.– М.: ТЕИС, 2002.– С. 337–338.

доказывающих ее неэффективность и несостоятельность как рудимента бывшей плановой экономики.

Так, например, Р. Калашников является одним из первых российских экономистов, изучающих теоретические аспекты института собственности и изменения ее доли и роли на уровне российских субъектов микроэкономики. Академики Л.И. Абалкин, Д.С. Львов, В.Д. Свирчевский, Н. Абдуллаев и широкий круг других экономистов обосновывают несостоятельность ультралиберального подхода к реформированию российской экономики, Е. Балацкий, В. Коньшев отстаивают идеи «разумного присутствия» в ней государственной собственности, изучают доказательства низкой эффективности государственной экономики по сравнению с частной (см. рис.1.1).

Отражением ведущейся полемики являются, например, встречающиеся в отечественной экономической литературе утверждения: «Мировой опыт свидетельствует, что при любом политическом режиме госсектор служит ключевой экономической опорой страны и составляет важнейшую область государственного управления... Вопрос о том, в каких отраслях участие государства наиболее целесообразно, решается в рамках конкретной модели, предполагающей определенные отраслевые приоритеты и «национальный» взгляд на роль госсектора»¹.

В то же время, по мнению ряда авторов, «государство не должно заниматься производством стоимости, а феномен государственного предпринимательства представляет собой следствие неэффективных решений, принимаемых властями при распределении собранных налогов между различными направлениями деятельности и, будучи по замыслу средством компенсации этой неэффективности, лишь усугубляет ее»².

При этом подчеркивается, что государство, понимая, что пополнение казны без усиления налоговой нагрузки бесперспективно, чтобы увеличить доходы, часто использует часть собираемых средств непосредственно для производства стоимости. Таким образом, вместо того, чтобы содействовать производству стоимости, государство само занимается ее производством.

---

¹ Балацкий Е. Государственный сектор в системе макроэкономического регулирования / Е. Балацкий // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С.62.

² Маршев В. Власть и бизнес: новое осмысление старого / В. Маршев, М. Крупцева // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 5. С.115.

Рис. 1.1 Обзор категории государственной собственности в отечественной экономической литературе (с выделением тематических подгрупп)

Дискуссии и полемика идут также и по множеству других теоретических аспектов проблем госсобственности: о соотношении понятий государственная собственность и национальное имущество¹, об особенностях в России «революции менеджеров»², о соотношении эффективности государственных и частных российских предприятий³ и т.п.

Несмотря на наличие весьма широкого круга источников, посвященных проблемам государственной собственности, тем не менее, далеко не все, связанные с ней аспекты получают, на наш взгляд, достаточное освещение в современной экономической литературе. Прежде всего, остаются пока недостаточно разработанными характеристики самой главной и центральной категории — государственной собственности.

Из ряда отечественных публикаций создается впечатление, что многие авторы вообще предпочитают обходиться без определения категории государственной собственности. В частности, есть немало источников, где понятие государственной собственности заменяется понятием «государственный сектор» в экономике, а определение понятия госсектора сводится фактически к констатации круга его субъектов или объектов. Так, например, В.Д. Свирчевский отмечает, что под государственным сектором понимается «совокупность юридических лиц, управление которыми осуществляется государством через федеральные органы власти и органы власти субъектов федерации»⁴.

Среди приводимых в экономической литературе определений самой государственной собственности также, на наш взгляд, преобладает пре-

¹ Радыгин А. Российская корпоративная экономика: сто лет одиночества / А. Радыгин, И. Сидоров // Вопросы экономики. 2000. № 5. С. 45–61; Управление государственной собственностью: Учебник / Под ред. В.И. Кошкина, В.М. Шупыро.— М.: ИНФРА-М, 1997.— 496 с.

² Государство и собственность: новый смысл доверительного управления // Рынок ценных бумаг. 2001. № 14. С.8–10; Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности / Р.И. Капелюшников. — М.: ИМЭМО АН СССР, 1990; Капелюшников Р. Крупные и доминирующие собственники в российской промышленности / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. 2000. № 1. С.99–108; Капелюшников Р. Собственность и контроль в российской промышленности / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. 2001. № 12. С. 103–124; Капелюшников Р. Влияние характеристик собственности на результаты экономической деятельности российских промышленных предприятий / Р. Капелюшников, Н. Демина // Вопросы экономики. 2005. № 2. С. 53–68.

³ Балацкий Е. Особенности государственного сектора промышленности / Е. Балацкий // Экономист. 2002. № 6. С.3–7; Балацкий Е. Взаимодействие государственного и частного секторов России: проблемы достижения равновесия / Е. Балацкий, В. Коньшев // Общество и экономика. 2004. № 1. С. 3–17; Балацкий Е. Критерии и приоритеты приватизации государственной собственности / Е. Балацкий, В. Коньшев // Общество и экономика. 2002. № 12. С.147– 166; Балацкий Е. Новые инструменты в технологии принятия решений о приватизации / Е. Балацкий, В. Коньшев // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 1. С. 34–40; Уильямсон О. Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка. В кн.: Теория фирмы / О. Уильямсон.— СПб.: Экономическая школа, 1995.— С. 411–442; Фоминых А. Сопоставление эффективности государственного и негосударственного секторов экономики: статистический подход / А. Фоминых // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 64–75; Широков Г.К. Запад-Восток: Эволюция форм собственности в XX веке / Г.К. Широков // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 137–153.

⁴ Свирчевский В.Д. Госсобственность: достояние страны или источник обогащения менеджмента / В.Д. Свирчевский // Собственность и рынок. 2004. № 3. С.12.

имущественно не сущностный («качественный»), а поверхностный («количественный») подход. Имеется в виду, что большинство авторов сводят определение понятия государственной собственности не к характеристикам ее внутреннего социально-экономического содержания, а к тем или иным уточнениям количественных параметров, т.е. границ государственного имущества. Так, например, по мнению отдельных исследователей, государственная собственность может быть определена как «все материальное и нематериальное имущество, принадлежащие государству»¹. Согласно мнению Н. Абдуллаева, государственная собственность представляет собой «отношения по поводу присвоения результатов функционирования... объектов собственности государством»². Есть определения, в которых главное внимание уделяется фактически характеристике иерархических уровней, продвижение по которым позволяет охватить различных участников отношений госсобственности. Так, согласно подходу Э.Х. Браевой, государственная собственность определяется как многообразные отношения, построенные по следующим уровням:

- 1) внутри органов законодательной и исполнительной власти, которые связаны с владением, пользованием и распоряжением государственным имуществом, утверждением бюджета;
- 2) между центральными и региональными органами государственной власти и местного самоуправления;
- 3) между аппаратом государства и государственными предприятиями как реальными товаропроизводителями»³.

Как видим, данные определения отражают трактовки государственной собственности фактически с юридических, а не с экономических позиций и подходов к данному явлению. К сожалению, многие экономисты при характеристиках государственной собственности, тем не менее, ограничиваются именно юридическими подходами, не развивая и не углубляя представлений о государственной собственности как экономической категории. Немаловажную роль в этом играет, очевидно, определение государственной собственности, представленное Гражданским кодексом РФ. Согласно п. 1 ст. 214 этого кодекса, государственной собственностью в РФ является имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность) и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам Российской Федерации — республикам, краям,

---

¹ Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова.— М., 1998.— С. 309.

² Абдуллаев Н. Государственная собственность и ее структура / Н. Абдуллаев // Журнал для акционеров. 2004. № 6. С. 13; Мазаев В.Д. Публичная собственность в России. Конституционные основы / В.Д. Мазаев.— М., 2004.

³ Браева Э.Х. Правовое регулирование государственной собственности в Российской Федерации/ Э.Х. Браева // Автореферат на соискание ученой степени канд. юрид. наук.— М., 1998— С. 14–15.

областям, городам федерального значения, автономным областям, автономным округам (собственность субъекта РФ)¹. Не говоря уже о нечеткости представленной формулировки государственной собственности даже с юридических позиций, это определение ни как не может заменить понятие государственной собственности в качестве экономической категории.

Среди экономических определений категории государственной собственности наиболее глубоким, на наш взгляд, являются определения (или, точнее, характеристики), представленные в трудах экономистов Финансовой академии при Правительстве РФ и в трудах академика Д.С. Львова.

Представители Финансовой академии при характеристике государственной собственности подчеркивают, что ее роль и величина различны в различных экономических системах, но в любых случаях она представляет собой систему отношений, обеспечивающих жизнеспособность всей экономики. Кроме того, подчеркивается, что при принятии решений в рамках государственной собственности учитываются интересы нации в целом².

Академик Д.С. Львов прежде всего исходит из того, что «понятие государственная собственность имеет множество различных значений». Он отмечает, что термин «государственная собственность» используется и для обозначения принадлежащего государству имущества — объекта собственности, и для выделения особой, отличающейся от частной, формы собственности — государственной, и для констатации факта исключения какого-либо объекта из гражданского оборота³. При этом автор уделяет особое внимание возможным различиям в природе самого государства как субъекта исследований. Он отмечает, что государство может выступать и как «синоним общества», и как самостоятельный по отношению к обществу субъект права. Если государство отождествляет себя с обществом, то возможна подмена интересов общества интересами государства как субъекта власти. В этом случае, учитывая монополию государства на принуждение, вполне возможным становится вариант, когда государство из «слуги» общества превратится в хозяина. Если же государство и общество не тождественны друг другу, то надо признать существование двух разных субъектов права собственности — государство и общество, и двух разных имущественных комплексов — государственного (казенного) имущества и общественного (национального) имущества. «Определение *казенное*, — отмечает Д.С. Львов, — используется нами для обозначения имущества, закрепленного за государством как субъектом права для реализации вмененных ему функций. *Национальным имуществом* мы называем имущество, право собственности на которое принадлежит обществу. Государство

---

¹ Гражданский кодекс РФ.

² Экономика / Под ред. А.Г. Грязновой, И.П. Николаевой, В.М. Кадыкова.— М., 2001.— С.88.

³ Львов Д.С. Экономика развития / Д.С. Львов. — М: Экзамен, 2002.— С. 224.

может от лица и по поручению общества осуществлять управление или распоряжение этим имуществом. Однако данная функция не является имманентной государству»¹. По мнению Д.С. Львова, если общество отождествляется с государством, то доходы от использования национального имущества будут являться доходами государства, и только от государства будет зависеть, сколько и чего получит от этих доходов население. Чтобы граждане страны могли обладать реальными имущественными правами на доход от использования национального имущества, государство должно иметь полномочия, схожие с полномочиями своеобразного «агента», «наятого» обществом для реализации функций общенационального управления и регулирования. В этом случае общество сможет иметь механизмы контроля над действиями государства, а государство будет подотчетно обществу. Население будет получать доход от национального имущества не по милости государства, а на правах совладельцев, собственников данного имущества.

Если попытаться обобщить в одном определении наиболее важные признаки или черты государственной собственности как экономического понятия, то, очевидно, следовало бы, прежде всего, подчеркнуть, что эта собственность объективно необходима в рамках любых стран для решения задач, которые связаны с обеспечением и поддержанием общих для всех граждан условий ведения хозяйственной деятельности, и предполагают выработку обязательных для всех правил и принципов поведения. Данная собственность нужна также для обеспечения развития отраслей и производств, необходимых с позиций интересов нормального хода общего воспроизводства, но непривлекательных (по объемам возможных прибылей) или «неподъемных» (по затратам материально-финансовых ресурсов или организационным усилиям) для частных собственников.

Кроме того, в определении понятия государственной собственности необходимо также, на наш взгляд, отразить такое важное обстоятельство, как то, что эта собственность может иметь качественно разное социально-экономическое содержание в условиях разных экономических систем. Имеется в виду, что конкретное «наполнение» содержания внешне одинакового для всех стран и во все времена понятия — государственная собственность — может быть существенно различным в зависимости от того, в рамках какого типа экономической системы происходит функционирование данной страны, и, соответственно, какого типа государство формирует и использует эту собственность. Ведущую роль среди факторов, определяющих различные типы экономических систем, типы государства и, соответственно, содержание государственной собственности, может играть, на наш взгляд, принадлежность экономической системы к разным ветвям ци-

---

¹ Там же. С. 225.

визации — азиатской или европейской. Как отмечают исследователи, изучающие историю возникновения государственной собственности, далеко не везде и не всегда она формировалась в целях реализации общественно значимых задач, т.е. как инструмент выполнения «заказа» общества государством. В рамках азиатской ветви цивилизации эта собственность формировалась, прежде всего, в результате концентрации политической и военной власти в руках государства и служила средством для укрепления этих типов власти с помощью экономической власти в обществе. «Когда в начале VI в. до н.э. после известных реформ Соломона,— отмечает Н. Попадюк,— в Древней Греции впервые появилась частная собственность, во всем мире господствовала другая базовая экономическая структура — власть-собственность»¹, когда «собственность рождается как функция владения и власти»². Так как азиатская ветвь цивилизации сформировалась раньше европейской и абсолютная деспотичная власть правителей древних восточных империй была ведущим общественным институтом того времени, то и государственная собственность выступала, прежде всего, «результатом» этой власти и инструментом ее дальнейшего упрочнения. Объективированной (имущественной) формой выражения этой власти-собственности выступали запасы золота в государственной казне, государственные военные флоты, дворцы правителей и.п.

Существенную эволюцию претерпела государственная собственность в рамках европейской ветви, за период от средневековья до новейшего капитализма, особенно за период, связанный с переходом от доиндустриальной и индустриальной стадий к стадии постиндустриального развития. Внешне эта эволюция проявилась в изменениях вещественной структуры государственной собственности. Хотя атрибутика древних времен — золотой запас и дворцы — отнюдь не исчезла в структуре государственного имущества, но «в дополнение к ней» на индустриальной стадии развития капитализма в составе данного имущества сначала прочно утвердились также казенные заводы, рудники и шахты, а теперь — при переходе к постиндустриальной экономике — стали преобладать элементы национальной инфраструктуры, организации и учреждения сфер образования, культуры, национального информационного сектора. (Разумеется, во все времена постоянно пополняется и качественно изменяется такая составная часть государственной собственности, как государственные арсеналы оружия и военной техники).

По мере того, как совершенствовался сам капитализм, и особенно — после того, как на смену классическому капитализму пришла смешанная

---

¹ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 147.

² Васильев Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. — Т. 1.— М.: Высшая школа, 2001.— С. 42.

экономика, качественно изменилось социально-экономическое содержание государственной собственности. А именно, вместо института, предназначенного сначала для упрочения государственной власти, затем власти лишь одного, ведущего, класса — буржуазии, государственная собственность в развитых странах все более настоятельно стала позиционировать себя в качестве общенационального института, способствующего решению общенациональных воспроизводственных задач, росту национального благосостояния, преодолению социального неравенства, решению экологических проблем и т.п. Таким образом, в рамках западной ветви цивилизации государственная собственность стала выступать, в конце концов, как правило, и в первую очередь, в качестве государственного инструмента (рычага) реализации социально-экономического «заказа» общества государству.

Своеобразный вклад в развитие внутреннего содержания государственной собственности внесла, на наш взгляд, плановая социалистическая экономика, которую, очевидно, можно характеризовать как сочетавшую в себе влияние элементов и западной (по внешней атрибутике), и азиатской (по внутреннему фактическому «наполнению») ветвей цивилизации. В результате в социалистическом обществе государственная собственность по своей социально-экономической природе воплощала и «власть-собственность», и элементы «заказа» общества государству. Власть-собственность обеспечивалась, например, имуществом, обслуживающим потребности вооруженных сил и органов правопорядка. «Заказ» общества государству обеспечивался фактически всеми звеньями централизованно управляемой экономики, но только этот заказ определялся не «снизу» (от множества разрозненных экономически самостоятельных хозяйствующих или общественных субъектов), а «сверху» в процессе разработок центральными идеологическими и политическими органами перспективных направлений и стратегий развития народного хозяйства, в заданиях народно-хозяйственных планов как составная часть ведущих экономических, социальных и, главное, политических задач общества в рамках тех или иных временных периодов.

Учитывая разное социально-экономическое содержание государственной собственности в разные эпохи и в разных странах, представляется, что определение категории государственной собственности неправомерно ограничивать констатацией принадлежности того или иного имущества государству. Исходя из всего отмеченного выше, на наш взгляд, правомерным было бы следующее определение.

Государственная собственность — это одна из основополагающих экономических категорий, базирующаяся на принадлежащем государству имуществе, размеры и структура которого, а также характер, круг и методы решаемых с его помощью задач, зависят от достигнутого уровня соци-

ально-экономической зрелости общества, особенностей исторического пути развития данной страны, сформировавшегося в данной стране типа государства, специфики стоящих перед этим государством целей и задач, степени политической воли руководителей государственного аппарата и доверия к нему со стороны общества.

С позиций макроэкономики государственную собственность можно рассматривать не только как экономическую категорию и общественный институт, но и как своеобразный инструмент в руках государства, с помощью которого оно в различные эпохи и в разных обстоятельствах может оказывать регулирующие воздействия на национальные экономики.

Недостаточное внимание современных экономистов к исследованиям государственной собственности как инструмента регулирования экономики является, на наш взгляд, результатом преобладания в современной экономической теории позиций представителей неоклассической школы. Хотя развитые страны, вплоть до 60–70-х гг. XX в., весьма активно опирались на помощь своих государств в развитии национальных экономик, теперь многие представители этой школы усиленно рекомендуют бывшим социалистическим странам, в том числе и России, минимизировать участие их государств в экономике, доказывая преимущества рыночного механизма, свободной конкуренции в решении макроэкономических проблем. Между тем, постепенно расширяется круг экономистов, которые приходят к выводу о том, что «в реальной жизни легальная, собственно экономическая конкуренция не играет главной определяющей роли... Она действует обычно лишь под крышей сильного государства, которое... выращивает конкурентоспособные предприятия»¹.

Как и любой другой инструмент регулирования экономики, государственная собственность имеет свои недостатки и достоинства, причем в определенных условиях эти недостатки и достоинства могут трансформироваться друг в друга. Если в стабильной и благоприятной обстановке преимущественно административный характер методов государства, используемых на предприятиях и организациях государственного сектора, возможность применения прямого принуждения расцениваются как порок, то в критически и стратегически опасных ситуациях эти особенности государственного воздействия могут оказаться предпочтительными или даже единственными гарантами решения необходимых задач. Имеются в виду ситуации, когда перед страной встают задачи, требующие неотложных действий, и в то же время национальный частный сектор оказывается недостаточно экономически сильным, слабо заинтересованным или неоперативным в их решении. Государство в таких случаях может использовать

---

¹ Волконский В.А. Современная многоярусная экономика: монополизм и государство / В.А. Волконский, Т.И. Корягина // Экономическая наука современной России. 2005. №4. С.25.

государственную собственность (государственные предприятия и организации) как своеобразные «опорные точки», помогающие «вытягивать» всю экономику из кризиса или перестраивать какие-либо направления ее развития.

К преимуществам государственной собственности как инструмента обеспечения макроэкономического регулирования можно, на наш взгляд, отнести, большие, чем у частного сектора, возможности государства обеспечивать необходимые мероприятия достаточными объемами финансирования, привлекать для реализации поставленных задач более значительный, чем частный сектор, круг субъектов, использовать более широкий круг методов, осуществлять более строгий контроль за ходом проводимых преобразований.

Разумеется, государственная собственность может быть достаточно эффективно использована для решения макроэкономических задач только тогда, когда соблюдается ряд условий, к которым на наш взгляд, необходимо отнести:

- использование государственной собственности в разумно ограниченных масштабах и временных периодах;
- наличие у государства достаточно оправданной и четкой цели, политической воли при введении дополнительных элементов государственной собственности в экономику;
- максимальная опора на пути и способы объединения усилий государства, частного бизнеса и населения в решении общественно важных задач;
- минимизация явлений коррупции и бюрократизма, гибкость и мобильность государственных структур управления;
- сохранение необходимых демократических форм контроля общества за работой государственных органов и госсектора экономики.

В соответствии с этим определением, в структуре государственной собственности правомернее, на наш взгляд, выделять не отношения по уровням административной иерархии, а, прежде всего, те ее элементы, которые связаны с задачами упрочения «власти-собственности» и с задачами выполнения общественного «заказа». Соответственно, необходимо, прежде всего, различать государственную собственность:

- предназначенную для обслуживания потребностей государственного аппарата, выполнения государством монопольных функций централизованного управления, поддержания общественного порядка и обеспечения обороноспособности;

– предназначенную для обеспечения поддержания и эффективного развития различных сфер и подсистем национальной экономики и общего прогресса в обществе.

В объемах и структуре государственной собственности данной второй части за последние десятилетия происходят весьма важные и ускоренные (по сравнению с предыдущими эпохами) изменения, которые позволяют предполагать серьезное усиление интереса экономистов к государственной собственности в развитии национальной экономики и общественном прогрессе отдельных стран в связи с переходом к постиндустриальной стадии развития и формированием глобализационных процессов.

1.2 Расширение круга функций современного государства и роль государственной собственности в решении стратегических макроэкономических задач

Присутствие государственной собственности в экономике является отражением существования различного рода функций, которые либо являются исключительной прерогативой государства, либо, по общественному признанию, выполняются государством более эффективно по сравнению с частным сектором. Экономисты по-разному трактуют содержание данных функций.

Например, по мнению К. Яновского, в основе характеристики функций государства должна лежать степень соответствия производимых государством благ и услуг понятию общественных благ. В этой связи данный автор предлагает различать следующие функции государства¹:

– *Исключительные функции государства* — чистые общественные блага. Это прежде всего оборона и безопасность, правосудие (уголовная и большая часть гражданского) и регулярные правоприменительные практики.

– *Общественные блага*, предоставляемые государством наряду с частными некоммерческими и (или) коммерческими поставщиками — выборочный контроль реализации требований закона о страховании различных видов гражданской ответственности; защита семьи и прав ребенка (возможна приватизация некоммерческими организациями, частными благотворительными фондами и т.п., т.к. частные приюты и детские дома семейного типа финансово прозрачнее и поставляют более качественные услуги); образование, наука, культура (здесь возможна частичная приватизация — коммерческие отделения в вузах, коммерческие музеи); здравоохранение (в отдельных случаях допустимы коммерческие поставки спе-

---

¹ Яновский К. Размеры государственного сектора экономики / К. Яновский // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 26–27.

циальных услуг здравоохранения); пенсионное обеспечение; инфраструктура (транспорт, связь); денежное обращение, банки и банковская деятельность (в данной сфере возможна частичная или полная приватизация).

– *К спорным функциям государства* можно отнести как некоторые из выше перечисленных функций, не обладающие признаками чистых общественных благ, так и функции, связанные с демпфированием «провалов рынка» и отрицательных внешних эффектов. Их «спорность» обусловлена возможностью приватизации этих функций некоммерческими организациями, а также неналоговыми решениями.

– *Функции, категорически противопоказанные государственной власти* — владение и управление СМИ за исключением официальных печатных изданий для публикации нормативных актов и объявлений о торгах (приватизация, закупки для государственных нужд); предпринимательство, управление хозяйствующими субъектами, участие в ориентированных на прибыль проектах бюджетными средствами, даже если они являются компонентом производства таких благ, как оборона и безопасность.

Недостатком такой классификации является, на наш взгляд, главным образом то, что под общественными благами автор понимает лишь такие блага, которые традиционно выделяются в современной экономической литературе, т.е. блага, обеспечивающие полноценное развитие национального человеческого капитала, национальной науки, поддержание окружающей среды и обороноспособности страны. Между тем, круг этих благ в современных условиях можно трактовать гораздо более широко.

Более развернутый и близкий к задачам практики вариант характеристики функций современного государства представлен, на наш взгляд, Г. Клейнером, Д. Петросяном и А. Беченовым. Согласно позиции данных авторов, государство является своего рода «стабильной несущей конструкцией» для соответствующей страны. В соответствии с этим главной миссией государства в отличие от рынка, ориентирующегося на максимизацию дохода «здесь и сейчас», выступает «обеспечение неограниченно продолжающегося функционирования общества и экономики на данной территории», защита и гарантирование территориальной и временной целостности страны¹.

В качестве функций государства, непосредственно вытекающих из такой его специфической миссии, отмеченные авторы выделяют:

– *интеграционную*, т.е. связанную с организацией деятельности субъектов данной страны в пространстве и во времени, с производством общественных благ и воспроизводством используемых для этих благ ресурсов, формированием и поддержанием общих условий деятельности, не-

¹ Клейнер Г. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике / Г. Клейнер, Д. Петросян, А. Беченов // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 32–33.

обходимых для бесперебойного функционирования общества, экономики и самого государства;

- *институциональную*, т.е. связанную с созданием (заимствованием, переносом, закреплением) различных формальных и неформальных законов, правил и норм общественной жизни. В рамках данной функции выделяются нормотворческая, запретительная, эталонобразующая, антикризисная и стабилизирующая подфункции;

- *бенчмаркетинговую*, связанную с разработкой методик и критериев выявления и выделения наилучших образцов поведения (функционирования) объектов материальной, интеллектуальной или художественной сфер общества;

- *кастинговую*, связанную с целенаправленным формированием элиты общества, отвечающей требованиям государства, т.е. элиты, достойной привлечения к работе в органах государственной власти, где особо важны такие личные качества, как честность, патриотизм, социальная ответственность, высокий интеллектуальный уровень;

- *охранительную*, направленную на обеспечение целостности территории страны и ее безопасности, поддержание правопорядка, сохранение контроля над стратегическими материальными, финансовыми, энергетическими и информационными ресурсами, защиту прав социальных и экономических субъектов;

- *функцию предотвращения чрезвычайных происшествий* и ликвидации их последствий¹.

Примерно такого же плана классификация функций государства, только более подробная, приводится Е. Ясиным².

Из характера перечисленных функций государства, конечно, не следует, что выполнение всех их требует обязательного использования государственной собственности как инструмента реализации. Вместе с тем, эти функции не могут быть совсем не связаны с государственной собственностью, т.к., по утверждению этих же авторов, именно «государственная собственность является *стержневым элементом деятельности государства* в процессе регулирования национальной экономики»³.

На наш взгляд, государственная собственность чаще всего должна и может быть использована в целях реализации таких отмеченных функций, как интеграционная, бенчмаркетинговая и охранительная, т.к. именно эти функции невозможно (или сложнее других) эффективно выполнять без

---

¹ Клейнер Г. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике / Г. Клейнер, Д. Петросян, А. Беченов // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 33–35.

² Ясин Е. Экономика наполовину не бывает / Е. Ясин // Деловые люди. 2004. № 162. С. 4–5.

³ Клейнер Г. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике / Г. Клейнер, Д. Петросян, А. Беченов // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 31.

опоры на полное владение и распоряжение государством определенными объектами имущества.

При всей положительной оценке выделяемых авторами государственных функций представляется, что ими не исчерпывается фактический круг сфер деятельности современного государства. Исходя из реальностей целого ряда последних десятилетий представляется целесообразным выделить также в качестве особо важной в современных условиях *функцию активного участия государства и государственной собственности отставшей страны в опережающей постиндустриальной модернизации*. Роль этой функции становится все более важной в условиях ужесточения межстрановой конкуренции, в рамках которой используются все более агрессивные технологии, вплоть до технологий развязывания различных геополитических и информационных войн на территориях стран-конкурентов. Предлагаемая нами функция может в ряде случаев частично совпадать с выделяемой отмеченными выше экономистами «охранительной» функцией государства (Г. Клейнер и др.) и функцией «содействия развитию экономики» (Е. Ясин). Вместе с тем, выдвигаемая нами функция предполагает не просто «содействие государства развитию экономики», а активное участие государства (в том числе и государственной собственности) в модернизации, причем не в модернизации вообще, а в опережающей постиндустриальной модернизации экономики как наиболее адекватной задачам усиления конкурентных позиций страны в условиях глобализации. Е. Ясин, выражая позиции экономистов либерального направления, полагает, что на стадии постиндустриальной модернизации политика активного участия в ней государства «чревата высокими рисками из-за неопределенности и быстрой смены приоритетов»¹. На наш взгляд, именно необходимость осуществления постиндустриальной модернизации с присущими ей высокими рисками в условиях фактической нищеты отечественной науки и преобладающей части российского частного производственного сектора предопределяет неизбежно активизацию роли государства в экономике. В таких условиях государство должно обеспечить и расширение сети передовых государственных научных центров, и финансирование принципиально новых направлений развития науки и технологий, и страхование неизбежных рисков научных и производственных государственных и частных структур, занятых поисками нововведений и инноваций.

Вместе с тем, в предлагаемой нами функции речь идет не просто об участии государства в процессах модернизации экономики страны, а об

---

¹ Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации / Е. Ясин // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 21.

использовании процесса ускорения модернизации для решения каких-либо стратегических задач упрочнения конкурентных позиций страны. При этом имеются в виду такого рода задачи, решение которых жизненно необходимо для страны, т.е. самым непосредственным образом определяет возможность ее выживания и развития в определенных стратегически опасных условиях и обстоятельствах (например, в связи с развертыванием военных действий на территории страны или ощущением формирования прямой угрозы существованию страны). Т.к. Е. Ясин является одним из ведущих идеологов и сторонников максимальной либерализации российской экономики, то он, естественно, не касается таких опасных для России реальностей в условиях сложившейся модели глобализации, как угроза утраты ею экономической и политической самостоятельности в рамках стратегической экономической конкуренции, развернувшейся между различными странами в XX–XXI вв.

Между тем, характер, цели и методы этой конкуренции таковы, что для сколько-нибудь успешного участия в ней странам приходится мобилизовать все «составляющие» своих национальных воспроизводственных потенциалов, и государства соответствующих стран играют фактически все более активную роль в этой борьбе, «помогая» национальным фирмам и другим национальным экономическим субъектам отстаивать и укреплять их позиции во внешнем мире, опираясь на весь арсенал своих экономических, административных, политических и силовых ресурсов¹.

В экономической литературе ближе всего к выделяемому нами направлению стоят экономисты, исследующие стимулирующую роль государства в реализации концепции «догоняющего развития». Эта концепция была разработана в конце XIX в. немецким экономистом Ф. Листом, а в середине XX в. к идеям этой концепции обратился также такой известный специалист в области исследований эволюции экономической теории, как А. Гершенкрон². Основатели и сторонники концепции «догоняющего развития» базируются свои выводы и рекомендации, опираясь, прежде всего, на опыт США, Германии и России. Они доказывают, что у стран, которые в силу тех или иных причин оказываются в положении догоняющих, нет иного способа сокращать образовавшееся отставание от обогнавших их

---

¹ В вопросе о содержании современной межстрановой конкурентной борьбы в современном мире мы придерживаемся позиции тех экономистов, которые считают, что это — развивающаяся в связи с глобализацией борьба между странами за сохранение, выживание и развитие, обусловленная все более очевидным курсом стран-лидеров на максимальное расширение своего жизненного экономического пространства, усиление экономической власти и влияния в мире с целью перераспределения в свою пользу как можно большей доли мировых ресурсов и мирового дохода. (См. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук М.А. Балашовой «Защитная функция национального информационного капитала в условиях межстрановой конкуренции». — Иркутск, 2005. — С. 11).

² Gerschenkron C. A. The Early Phases of Industrialization in Russia and their Relationship to the Historical Study of Economic Growth. N.Y., 1963

стран, кроме как опереться на силу и мощь государства. На наш взгляд, при этом неизбежно встает вопрос об использовании государственной собственности. Так как государство может наиболее полно и четко реализовать решаемые задачи, опираясь на такое преимущество, как нахождение в его полном владении, распоряжении и пользовании необходимого для выполнения поставленной задачи имущества, то отсюда и получается, что одной из причин формирования государственной собственности может быть стремление государства срочно и/или максимально «полно» обеспечить преодоление отставания в технико-технологических параметрах экономики или в каких-либо других направлениях, которые оказались на данный момент достаточно значимыми для государства в плане упрочнения или улучшения положения страны с позиций межстрановой конкуренции. Формируя государственную собственность для решения задач модернизации в целях упрочнения позиций в конкурентной борьбе, государство получает возможность опереться на такие главные преимущества, обеспечиваемые этой собственностью, как: возможность добиться от исполнителей наиболее быстрого по срокам и четкого следования задачам, определенным государством; возможность обеспечить достаточно полное финансирование выполняемых задач за счет средств госбюджета и других привлекаемых средств; возможность осуществлять наиболее полный и эффективный контроль за исполнителями относительно целевого использования выделенных финансовых ресурсов, в первую очередь — относительно характера, объема и сроков выполняемых поставленных задач.

Выделяемая нами функция государственной собственности в настоящее время практически не рассматривается в современной западной экономической литературе. С одной стороны, это вполне естественно, т. к. в современной экономической теории наиболее активную роль играют экономисты-неоклассики, причем из самых развитых ведущих европейских стран и США, а именно этими странами усиление роли государства в данной функции в наименьшей мере афишируется. Институт частной собственности в данных странах характеризуется как настолько зрелый и высококоразвитый, что позволяет решать большую часть проблем и задач, даже стратегически важных задач модернизации в целях роста конкурентоспособности, с помощью и на основе, прежде всего, частного сектора, а не государственного.

С другой стороны, при всей «нелюбви» развитых стран к государственной собственности как к инструменту решения макроэкономических задач, связанных с модернизацией и межстрановой конкуренцией, неправомерным было бы утверждать, что государственная собственность в данных странах совсем не выполняет рассматриваемую функцию. Во-первых, традиционно сильна роль государственной собственности в реализации

этой функции при решении срочных стратегических задач конкурентной борьбы, связанных с военно-промышленными комплексами любых «рыночных» стран, хотя бы потому, что, как отмечают специалисты, «функции обороны вообще, в любой их части... ни в одной стране не исполняются на организационной основе коммерческого предприятия»¹. Во-вторых, из истории известны случаи, когда государственная собственность в развитых странах формировалась для обеспечения ускорения сроков и повышения качества решения задачи восстановления разрушенных военными действиями экономик целого ряда стран Европы после окончания Второй мировой войны с тем, чтобы не допустить ослабления их конкурентных позиций по отношению к СССР. К государственной собственности прибегают иногда развитые страны для решения задач, связанных с преодолением внезапно обнаруживавшегося отставания в отдельных направлениях НТП. Весьма характерной является ситуация, когда в 1957 г. СССР первым запустил на околоземную орбиту искусственный спутник Земли. Данная неожиданность была расценена в США как «второй Пирл-Харбор», и для исправления сложившегося положения США уже в 1958 г. развернули в различных штатах и регионах страны на государственные средства 30 крупнейших в истории этой страны федеральных научных центров, оснастив их за счет средств госбюджета новейшими лабораториями и экспериментальными базами, с тем, чтобы обеспечить ускоренное и более целенаправленное развитие НТП, не допустить лидерства СССР в таком сверхпрестижном направлении, как освоение космоса.

По мере перехода экономики США на рельсы информационных технологий и построения «новой экономики» государственная собственность стала активно использоваться в качестве инструмента ведения межстрановой конкурентной борьбы в таких специфических формах, как информационные войны. Для этих целей доля и роль данной собственности стала очевидным образом увеличиваться в рамках информационного сектора страны, причем в первую очередь, по таким направлениям, которые непосредственно обеспечивают целенаправленное информационное воздействие США на страны, обладающие ресурсами, привлекательными для этой страны с позиций эффективного развития экономики США. В этих целях, начиная с 90-х гг. XX в., в информационном секторе США был создан целый ряд государственных «учреждений», которые обычно не рассматриваются как «государственные предприятия», увеличивающие долю государственной собственности в экономике данной страны, но фактически должны, на наш взгляд, включаться в круг таковых. Такой вывод напрашивается, если учесть, что назначением данных учреждений является произ-

---

¹ Яновский К. Размеры государственного сектора экономики / К. Яновский // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 27.

водство самых эффективных на сегодня продуктов, выступающих в качестве главных видов «оружия» в межстрановой (и межфирменной) конкурентной борьбе. Имеются ввиду, во-первых, такие специфические продукты современной информационной сферы, как информационные технологии, предназначенные для обработки сознания населения чужих стран, а также — информационные продукты, обеспечивающие эту обработку, т.е. различные варианты дезинформаций общественного мнения, применяемые в целях использования самого населения подвергаемых информационным провокациям стран для реализации нужных разработчикам сценариев ведения конкурентной борьбы. В результате к «информационным предприятиям», созданным за последние годы государством США в целях ведения конкурентной борьбы с помощью самых эффективных информационных продуктов, можно, на наш взгляд, отнести, прежде всего, сформированный США в начале 90-х гг. XX в. Центр информационной стратегии и политики, задачей которого является изучение возможностей использования информационных технологий и разработка стратегий их применения в различных вооруженных конфликтах; Национальный университет обороны в Вашингтоне, который с 1995 г. осуществляет выпуск специалистов в области информационных войн (наступательно и оборонительной); Информационное агентство США, действующее в составе Государственного департамента и осуществляющее значительную (если не преобладающую) долю информационных провокаций в мире. Особо в этой связи можно выделить созданное еще в 1953 г. и действующее в составе исполнительной ветви власти (главным образом за рубежом через посольства США), самостоятельное федеральное агентство ЮСИА. Директор и руководство этого агентства, играющего одну из главных ролей в информационно-психологических воздействиях США на зарубежные аудитории, назначаются Президентом США. Штат сотрудников ЮСИА в его штаб-квартире в Вашингтоне составляет 4200 человек. Еще несколько тысяч сотрудников находятся в 142 странах мира¹.

Очень велика также роль государственной собственности США в сфере СМИ. В круг радио- и телевещательных служб американского правительства входят такие известные радиостанции, как «Голос Америки», который вещает на 53 языках 660 часов в неделю, теле- и кино-служба «Уорлднет», Радио и ТВ Марти, техническое управление, которое обеспечивает работу вещательного оборудования и всю деятельность Бюро международного вещания. Совет директоров радио- и телевещания США назначается Президентом и утверждается Сенатом. С 1994 г. на основе закона о международном вещании в США работает государственный Совет управляющих по вопросам вещания, а с 1999 г. существует специальная органи-

---

¹ Панарин И. Технология информационной войны / И. Панарин.— М., 2003.— С. 185–189.

зация для ведения информационной войны под названием International Public Information Group (IPI). В задачи данной организации входит профессиональное использование разведывательной информации в целях оказания «влияния на эмоции, мотивы, поведение иностранных правительств, организаций и граждан»¹.

Таким образом, широко распространенное мнение о том, что развитые страны совсем не нуждаются в госсобственности для решения стратегических проблем модернизации своих экономик для укрепления своих позиций в конкурентной борьбе, является в определенной степени мифом. Государственная собственность весьма активно используется в данных странах в стратегических целях, но только преимущественно не в сфере традиционного материального производства, а в сфере, не всегда должным образом воспринимаемой экономистами и в то же время — особо важной на постиндустриальной стадии развития, а именно, — в нематериальном секторе высоких технологий, способных разрушать главное богатство чужих стран — сознание и мировоззрение их граждан.

Если развитые западные страны в относительно малых масштабах прибегают к государственной собственности при решении задач модернизации экономики в целях роста ее конкурентоспособности, то отстающие и развивающиеся страны, как правило, добиваются принципиальных «прорывов» в преодолении своего отставания от стран-конкурентов при очень активном использовании государственной собственности. Для этого здесь так же, как и в США, государственная собственность не «вводится» официально во всех ведущих отраслях производственной сферы, но очень большое значение придается этой собственности в нематериальных отраслях. Только в отличие от развитых стран к таким отраслям относится в первую очередь не информационный сектор, а сфера денежного обращения отдельных стран. Такой подход к использованию государственной собственности представляется также очень важным и оправданным, т.к. в современных условиях высокоразвитого разделения труда именно денежное обращение лежит в основе любых сколько-нибудь значимых регулирующих мер макроэкономического характера. Целенаправленное распределение государственных денег и жестко контролируемое их использование могут обеспечивать достаточно слаженное взаимодействие различных элементов национальной воспроизводственной системы не худшим образом, чем официальное установление государственной собственности на традиционную материальную часть воспроизводственного комплекса.

Весьма поучительным представляется пример использования монополии государственной собственности в кредитно-финансовой сфере Южной Кореи, как одной из развивающихся стран, продемонстрировавших миру

---

¹ Панарин И. Технология информационной войны / И. Панарин.— М., 2003.— С. 190–191.

за период второй половины XX в. «экономическое чудо» преобразования примитивной полукOLONиальной экономики в современные широкодиверсифицированные народнохозяйственные комплексы, обгоняющие весь мир по темпам роста, по эффективности и целенаправленности проводимых структурных преобразований.

Установление в послевоенный период государственной монополии в кредитно-финансовой сфере Южной Кореи означало, что не только центральный банк, но и все другие финансово-кредитные учреждения страны находились в собственности государства, которое, соответственно, имело возможность в любых условиях держать под контролем состояние госбюджета, инфляционные процессы и использовать данную монополию в целях реализации жизненно важных макроэкономических задач. Государство держало в полной своей собственности всю национальную кредитно-финансовую сферу с 50-х до 80-х гг. XX в.¹, и на ее основе реализовывало признанную наиболее жизненно важной для того периода стратегию максимальной интеграции Южной Кореи в мировое хозяйство, причем не в качестве пассивного поставщика сырьевых ресурсов и импортера чужого готового «ширпотреба» и технических средств, а в качестве страны, способной занять и удерживать самые высокие рубежи в экспорте продукции ведущих обрабатывающих отраслей.

Для того, чтобы надежно защитить корейскую экономику от особо опасных в условиях открытых моделей атак иностранных валют (т.е. от долларизации и «йенизации»), все экономические субъекты страны жестко принуждались к порядку «держания» своей иностранной валюты только на специальных счетах в центральном (государственном) банке страны.

Обеспечив себе концентрацию всех финансовых, включая валютные, ресурсов, государство получило эффективные рычаги прямого воздействия на формирование в экономике именно тех пропорций, которые соответствовали избранному курсу на всемерное поощрение экспорта и модернизацию отраслевой структуры экономики. Экспортный сектор стал получать огромные кредиты, доля которых в отдельные годы достигала 30–46% от ВВП страны, и экспортные субсидии, которые в 70-е годы XX в. поглощали ежегодно не менее 1/10 ВВП². При этом кредиты и субсидии не просто вливались в экономику, а концентрировались в потенциально наиболее эффективных ее направлениях и конкретных точках. К тому же, предоставление кредитов жестко корректировалось в зависимости от изменений позиций экспортера на мировом рынке. «Если в течение строго ограниченного времени экспортеру не удавалось занять рыночную нишу и (или) на-

---

¹ Жуков С. Роль государства в сотворении «южнокорейского чуда» / С. Жуков // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 98–99.

² Там же. С.99.

растить свое присутствие на том или ином товарном рынке, он автоматически терял доступ к квотам и субсидиям»¹.

Что касается отраслей производственной сферы в Южной Корее, то хотя официально они развивались на основе частной собственности, но государство настолько активно и жестко регламентировало и направляло всю их деятельность, что, по мнению некоторых исследователей, государство и частный сектор Южной Кореи можно было рассматривать в тот период как нечто целое, т.е. как «квазиединую» организацию. В этой организации главную роль играло государство, благодаря чему развитие частных фирм обеспечивалось не стихийной игрой рыночных сил, а на основе прямого и активного государственного централизованного планирования с использованием средне- и долгосрочных планов и целевых программ, с установлением порой детализированных производственных заданий и сроков их выполнения, со строгой системой мониторинга хозяйственной деятельности и безжалостной экономической, а при необходимости и административно-командной, отбраковкой неудачников»². Исходя из такой практики, представляется, что так же, как иногда различают государственную собственность де-юре и де-факто, следует, может быть, иногда рассматривать и частную собственность де-юре и де-факто. Если государство полностью распоряжается деятельностью частных фирм, то, может быть, можно считать, что их собственность была частной только де-юре, а фактически представляла собой в тот период своеобразную форму государственной собственности, доведенной до низовых звеньев хозяйствования без изменения их официальных юридических статусов.

Хотя в настоящее время стало модным давать лишь негативные оценки всего семидесятилетнего периода абсолютного господства государственной собственности в условиях планового ведения хозяйства в России, все же даже самые «недоброжелательно» настроенные исследователи социализма вынуждены признавать, что именно в тот период, т.е. именно при том механизме хозяйствования, Россия (в лице СССР) смогла осуществить грандиозный рывок в плане ускоренной модернизации и повышения конкурентоспособности своей экономики. Так, например, В.Д. Свирчевский и В.П. Чеботарев, совершенно необъективно, на наш взгляд, характеризуя государственную собственность на средства производства в СССР лишь как форму «корпоративной собственности бюрократии» и административно-командную экономику как экономику, «в рамках которой реализовывались интересы бюрократии», вынуждены, тем не менее, отметить, что на основе этой государственной собственности и этой административно-

---

¹ Жуков С. Роль государства в сотворении «южнокорейского чуда» / С. Жуков // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С.99.

² Там же.

командной экономики страна смогла решить жизненно важные задачи своего развития. Как отмечают авторы, характеризуя социализм, «этот строй при всех очевидных недостатках смог просуществовать три четверти века потому, что обеспечил решение основной цивилизационной задачи России в тот период: переход из аграрной цивилизации в индустриальную... монополизм власти определил ту непомерно высокую цену, которую пришлось заплатить обществу за индустриализацию и качество результатов... Тем не менее задача была выполнена...»¹. Остается только удивляться, почему экономика, в которой реализовывались лишь «интересы бюрократии», смогла осуществить грандиозный по затратам и результатам процесс индустриализации. Зачем это все потребовалось бюрократии, которая, по определению, стремится заменять дела лишь их видимостью, заниматься кручкотворством и волокитой.

Таким образом, мы предлагаем выделять в структуре функций государственной собственности применительно к современному этапу развития института функцию активного участия государства в ускорении модернизации национальной экономики, т.к. полагаем, что многие страны на тех или иных этапах своего развития так или иначе используют в необходимых случаях государственную собственность в качестве своеобразного инструмента выполнения государством данной функции.

Особенно актуальным представляется выделение данной функции государственной собственности в современных условиях и на перспективу в связи с развитием глобализационных процессов. По мнению многих исследователей, в условиях глобализации более востребованным, чем ранее становится сам институт государства. Как отмечают, например, авторы капитального труда по проблемам глобализации Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон, «современная глобализация связана с возрождением государственной власти в развитых капиталистических странах. Те кумулятивные последствия глобализации, которые проявляются в этих странах, свидетельствуют о том, что они переживают процесс глубокой трансформации... Такие метафоры, как «утрата», «сужение» или «размывание» государственной власти дают иногда искаженное представление об этой перестройке или трансформации»².

Как видим, по мнению данных авторов, в настоящее время государственная власть в высокоразвитых капиталистических странах отнюдь не ослабела, а стала даже гораздо мощнее, чем когда бы то ни было. При этом усиление государственной власти данные авторы связывают, прежде всего, и именно с обострением межстрановой конкурентной борьбы. «Появление

---

¹ Свирчевский В.Д. Госсобственность: достояние страны или источник обогащения менеджмента / В.Д. Свирчевский // Собственность и рынок. 2004. № 3. С.4.

² Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон — М., 2004.— С.522.

системы мировой торговли и развитие мировых производственных структур,— подчеркивают авторы, — превратили глобальную конкуренцию в новый критерий национальной и корпоративной экономической эффективности и способствовали реорганизации государственного и частного секторов, призванной максимизировать преимущество отдельной страны в конкурентной борьбе, разворачивающейся в условиях глобального экономического порядка»¹. Если признать, что усиление «востребованности» института государства и реорганизации государственной собственности в современных условиях определяется, прежде всего, потребностями эффективного участия стран в конкурентной борьбе, то, следовательно, рост этой потребности предполагается в первую очередь именно в связи с выделяемой нами функцией обеспечения упрочнения позиций страны в конкурентной борьбе.

Весьма показательной в этой связи представляется приводимая в экономической литературе некоторыми авторами характеристика функций «догоняющего развития» государственной собственности в современном Китае и реакции США на реализацию китайским государством данной функции. «Государство в КНР, — отмечает А.Н. Анисимов, — не вытеснено из сферы финансирования. Но это самая обычная вещь в условиях экономик, решающих задачи модернизации и ускоренного развития. В целом финансовая система КНР... аналогична финансовой системе Японии в 50-е годы, Тайваня и Южной Кореи в 1950–1970 гг., т.е. в тот период, когда эти страны решали задачи модернизации и догоняющего развития. Этот тип финансовой системы, ориентированный на решение задач форсированного экономического развития, поэтому может быть назван дальневосточным. США вынудили сначала Японию, а затем и Южную Корею с Тайванем отойти от этого варианта финансовой и, соответственно, экономической политики (вторая половина 80-х–начало 90-х гг. XX в.) именно по той причине, что он делает возможным «чрезмерно» быстрое развитие и рост конкурентоспособности»².

Как видим, с позиций А. Н. Анисимова, США для ослабления конкурентоспособности Японии, Тайваня и Южной Кореи принимали меры, направленные на лишение их государств возможности монопольно (или хотя бы существенно) распоряжаться финансовыми источниками для регулирования экономических процессов и обеспечения ускоренного догоняющего развития их национальных экономик.

Если исходить из выделяемых выше функций государства, то представляется целесообразным несколько по-иному, чем принято в современ-

---

¹ Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон — М., 2004.— С.522.

² Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы.— М., 2001.— С. 291.

ной литературе, подойти к структуре государственной собственности. Как уже отмечалось, согласно сложившимся к настоящему времени подходам, в структуре государственной собственности выделяются обычно лишь такие элементы, которые обусловлены их большей или меньшей связью с производством общественных благ.

На наш взгляд, исходя из рассмотренных выше характеристик функций современного государства в экономике (значительно более широких, чем производство традиционного набора общественных благ), целесообразнее выделять в качестве основных структурных элементов или подгрупп государственной собственности такие, которые предназначены:

- для обеспечения работы государственного аппарата и выполнения им традиционных функций общенационального регулирования (т.е. собственность, обслуживающую государственные учреждения и организации и другие государственные структуры, которые обеспечивают государству выполнение общих регулирующих функций);

- для производства и воспроизводства тех общественных благ, которые необходимы для развития человеческого капитала, науки, поддержания обороноспособности страны, а также — для развития тех необходимых экономике материальных отраслей, которые являются либо слишком высокочрезвычайными, либо слишком малоприбыльными с позиций частного сектора (собственность государства в сферах образования и здравоохранения, в топливно-энергетическом комплексе, металлургии и т.п.);

- для решения стратегических макроэкономических задач, связанных с ускорением развития наиболее жизненно важных для данной страны направлений модернизации экономики и усилением ее позиций в конкурентной борьбе на мировых рынках, в мировой политике и идеологии.

Предлагаемую нами структуру государственной собственности можно представить в виде следующей схемы (см. рис.1.2).

При этом, государственная собственность в рамках первой выделяемой нами подгруппы не представляет, на наш взгляд, какого-либо особого интереса с позиций экономической теории, т.к. ее содержание и назначение функционально во многом схожи с содержанием аппарата любой частной фирмы или членов домашнего хозяйства. В объект исследований, требующий сколько-нибудь значительного общественного внимания, данная собственность может превратиться только в случаях чрезмерного разбухания административного аппарата и (или) чрезмерного роста запросов чиновников относительно условий комфорта при выполнении чиновничьих функций, но и в этих случаях внимание потребуется им в большей степени со стороны юридических служб, а не экономистов.

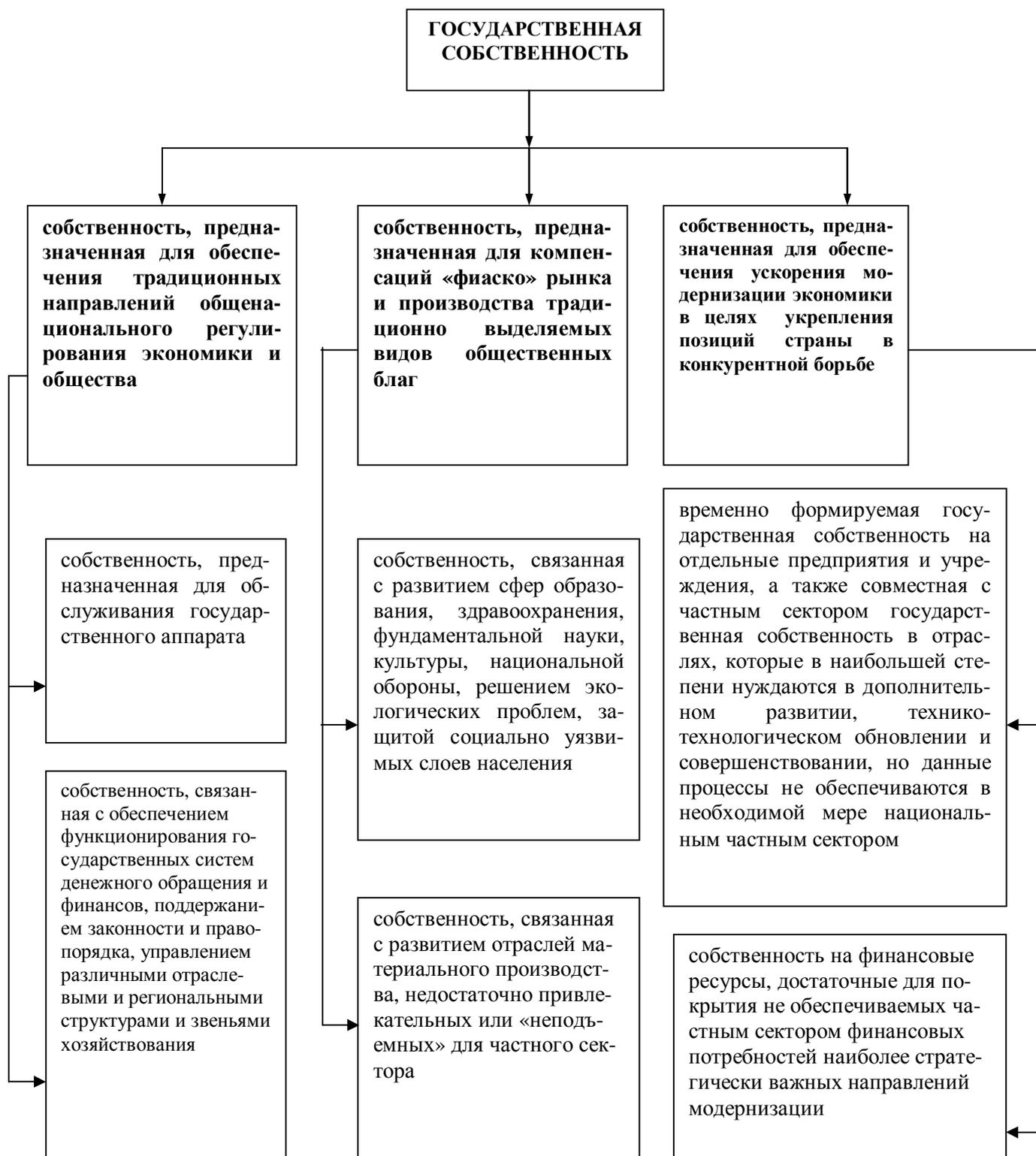

Рис.1.2 Предлагаемая структура государственной собственности с позиций специфики выполняемых ею функций

Роль второй подгруппы элементов государственной собственности весьма велика, но эти элементы уже давно и подробно исследуются и рассматриваются в экономической литературе.

Что касается выделяемой нами третьей подгруппы — государственной собственности, предназначенной для решения стратегических макроэкономических задач ускоренной модернизации в целях повышения уровня конкурентоспособности экономики, то она, как правило, бывает особо (или достаточно) важной для большинства стран далеко не всегда, а лишь в некоторых ситуациях. Имеется в виду ситуации, когда произошло, например, неожиданное «разовое» отставание по каким-то отдельным направлениям (или частным вопросам) или когда имел место длительный и серьезный «сбой» всего ритма экономической жизнедеятельности общества, приведший к очевидной угрозе национальной безопасности соответствующей страны. В зависимости от масштабов отставания могут быть разными и масштабы государственной собственности, необходимые для преодоления сложившейся ситуации.

В течение длительного периода времени государственная собственность не была объектом особо пристального внимания экономистов большинства школ за исключением марксизма. Реальное усиление внимания к государственной собственности началось лишь в условиях перехода развитых стран к смешанной экономике, когда основным аспектом исследований данной собственности стало ее влияние на производство «общественных благ». Наиболее глубокий вклад в исследования государственной собственности вносят институционалисты, которые рассматривают эту собственность в качестве одного из необходимых ведущих институтов общества.

В современных исследованиях при определениях государственной собственности преобладает юридический подход и недостаточно внимания уделяется характеристикам государственной собственности как экономической категории.

С позиций макроэкономики государственную собственность можно рассматривать не только как экономическую категорию и общественный институт, но и как своеобразный инструмент в руках государства, с помощью которого оно в различные эпохи и в разных обстоятельствах может оказывать регулирующие воздействия на национальные экономики.

Влияние государственной собственности на экономику и общество проявляется через ее функции. Хотя экономисты уделяют значительное внимание характеристике данных функций, не все они четко выделены и определены. Исходя из реальностей целого ряда последних десятилетий, представляется целесообразным выделить в качестве одной из важных в

современных условиях функцию активного участия государства в ускорении модернизации национальной экономики в целях усиления конкурентоспособности страны. Роль этой функции становится все более важной в условиях ужесточения межстрановой конкуренции, в рамках которой используются все более агрессивные технологии, вплоть до технологий развязывания различных геополитических и информационных войн на территориях стран-конкурентов. Предлагаемая нами функция призвана отразить деятельность современного государства, направленную на преодоление образовавшихся ограничений и (или) отставаний в прогрессивных изменениях экономики страны с позиций межстрановой конкурентной борьбы, т.е. с позиций решения задачи сохранения и упрочнения положения данной страны относительно других стран. Так как государственная собственность является главным «инструментом» государства в решении стратегических задач, то выполнение государством выделенной нами функции неизбежно предполагает участие в ней (наряду с другими факторами) государственной собственности.

2. КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1 Реформы отношений государственной собственности и их социально-экономические последствия в экономических системах разных типов

В экономическом росте и страны, и предприятия роль собственности, ее использования весьма важна. Правильный подход к эффективному задействию собственности, которая может приносить доход, и является основой экономической динамики.

Опыт многих стран, проводивших радикальные экономические реформы, показывает, что эти реформы осуществляются успешно лишь тогда, когда им сопутствуют оправданные изменения в структуре собственности¹. Государственная собственность занимает одну из важнейших позиций в определении направления экономического развития страны, в частности, через контроль государственных предприятий, сдачу своих зданий в аренду и прочее. Аналогично и собственность граждан, распоряжающихся своей способностью к труду, и собственность юридических лиц участвуют в производстве и иной деятельности, создавая и приумножая имущество за счет доходов. Данную позицию в отношении собственности легко отследить путем оценки эффективности использования данного объекта, что непосредственно отражается на национальной экономике и ее эффективности в целом.

Эффективность сегодня — одна из главных характеристик человеческой деятельности. Она является важнейшей категорией экономической науки. Простейшее представление об экономической эффективности можно получить в результате сопоставления полезного эффекта (результата) и затрат. Повысить эффективность — значит добиться сокращения затрат на единицу эффекта (единицу продукта, объем производства и т.д.) или увеличить эффект на прежнюю величину затрат (материальных, финансовых и трудовых)². Экономическая эффективность характеризует результативность всего общественного производства. С точки зрения национальной экономики, эффективным будет считаться такое состояние, при котором наиболее полно удовлетворены потребности всех членов общества при данных ограниченных ресурсах.

В экономической литературе прошлого и настоящего ведется горячая полемика по поводу соотношения различных форм собственности. Обще-

---

¹ Экономика: Учебник / Под ред. доц. А.С. Булатова. 2-е изд.; перераб. и доп. — М.: Издательство БЕК, 1997.— С. 569.

² Бакалавр экономики. Хрестоматия в 3 томах. Рос. экон. академия им. Г.В. Плеханова. Том 2. — М.: Информационно-издательская фирма «Триада», 1999.— С.96–98.

ственное мнение времен перестройки заключалось в том, что частная собственность — залог эффективности. Одной из причин того, что российские реформы в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века были начаты правившими тогда верхами и поддержаны большинством населения, выступало массовое убеждение и правителей, и граждан в том, что государственная собственность, в отличие от частной, не в состоянии обеспечить высокую эффективность использования ресурсов. Действительно, в то время сравнение стран с преобладанием либо государственной, либо частной собственности по конечным результатам функционирования их экономик, т.е. по уровню благосостояния населения, вполне естественно подтверждало правоту упомянутого убеждения.

Более того, и экономическая теория в лице критиков социализма Л. Мизеса, Ф. Хайека, О. Ланге, начиная с 30-х г. XX в., утверждала то же самое. Централизованное планирование в масштабах всей экономики, возможное лишь на основе владения государством всеми основными производственными ресурсами и предприятиями, порождает такие трудности своего практического осуществления, что на деле ведет не к высшей, а к низшей производительности труда¹.

Таким образом, и наиболее известные положения экономической теории, и простые практические наблюдения однозначно свидетельствовали о том, что корень всех зол, с которыми столкнулась отечественная экономика — «неправильная» структура собственности. Напрямую ставился вопрос о том, что именно конкретный тип собственности являлся причиной эффективности.

Чем дольше Россия не может выбраться из трансформационного спада, тем больше внимание исследователей обращается к последствиям приватизации. И чем больше появляется публикаций по проблемам приватизации, тем острее идут дискуссии: насколько она была адекватна российской действительности? Что необходимо, чтобы в России появилась эффективная частная собственность? Какие «правила игры» должны быть созданы? Такие вопросы все чаще и чаще возникают в зарубежной и отечественной литературе. Может быть, необходимо вернуться назад, осуществив деприватизацию отдельных предприятий, подотраслей, отраслей или даже целых секторов экономики? И действительно, что же нужно сделать, чтобы, наконец, заработал механизм частной собственности, без которого настоящий рынок существовать не может? По-прежнему стоят традиционные российские вопросы — «кто виноват?» и «что делать?». Среди проблем, связанных с приватизацией, одна из наиболее интересных — выяснение причин и истоков этого явления, которое по степени воздействия на на-

---

¹ Тамбовцев В.Л. Собственность и эффективность / В.Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С.30.

циональные экономики и мировое хозяйство относится, без преувеличения, к числу наиболее значимых событий последней четверти XX в.

Первоначально смена парадигмы экономического мышления, повлекшая за собой изменение соотношения сил в системе «государство–рынок», произошла едва ли не одновременно (в историческом масштабе времени) в ряде ведущих стран, определяющих тенденции развития мировой экономики. В дальнейшем, в течение 80–90-х гг. XX в., приватизация в той или иной форме, в тех или иных масштабах затронула более 100 национальных экономик мира с разным экономическим укладом, разными политическими и социальными системами, разными хозяйственными традициями.

Пожалуй, никогда прежде за всю мировую экономическую историю приоритеты экономического курса в различных странах не смещались в одном направлении с такой синхронностью и в таких масштабах, как это произошло в последние два десятилетия XX в. Ключевым фактором, обнажившим к середине 70-х гг. прошлого века несостоятельность концепции «большого государства», явился выход мирового цивилизационного процесса на новый виток технологического развития.

Именно революция в технологиях дала в конечном счете импульс переоценке сложившихся в предыдущие десятилетия представлений о масштабах участия государства в предпринимательской деятельности и в доле совокупного общественного богатства, открыв дорогу приватизации, которая стала наиболее ярким символом «новой рыночной динамики» сначала в странах Запада, а потом и в остальном мире.

Зародившись в Великобритании, «вирус» приватизации стал стремительно распространяться, заражая собой все новые национальные экономические «организмы»¹.

Непосредственные цели и стимулы приватизации формулировались в каждой стране по-разному:

— укрепление финансовой базы центральной и местной власти за счет освобождения бюджетов от балласта, связанного с необходимостью поддержки неэффективных госпроизводств товаров и услуг;

— улучшение экономических показателей отдельных предприятий, находившихся в собственности государства, путем их передачи частному капиталу, и повышение эффективности экономики в целом;

— переориентация на преимущественно косвенные методы регулирования рыночных пропорций; рассредоточение прав собственности с целью расширения социальной опоры политического курса.

Первоначально достижение этих и других, в определенном смысле частных, целей должно было способствовать в конечном счете большей гибкости, мобильности, приспособляемости национальных экономических

---

¹ Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 435.

систем к новой воспроизводственной динамике в условиях приобретшего кумулятивный характер научно-технологического развития.

Однако постепенно, по мере того как приватизация превращалась в феномен глобальной экономической политики, она обрела новое измерение. К середине 80-х гг. XX в. приватизация оказалась одним из основных инструментов формирования транснациональной рыночной среды, обеспечивающей унификацию мирового экономического пространства в интересах транснациональных корпораций и международных финансовых институтов.

Не секрет, что во многих развивающихся странах с низким уровнем развития, активным государственным сектором и слабым национальным капиталом, столкнувшихся с серьезными трудностями структурного характера и экономического роста, приватизация проводилась под давлением могущественных международных структур, за спиной которых просматриваются транснациональные корпорации. В отношении этих стран требования приватизации и обеспечения максимального простора для действий частного капитала (не в последнюю очередь иностранного) были выдвинуты в качестве обязательного предварительного условия получения кредитов и иных видов экономической помощи.

Функции «группы поддержки» приватизации в этих странах выполняла небольшая прослойка представителей местной знати и части среднего и высшего чиновничества, стремившихся получить непосредственный доступ к владению и распоряжению государственным имуществом и конституировать в процессе приватизации свои права собственности наряду с иностранным капиталом.

Социальная база приватизации в большинстве развивающихся стран оказалась достаточно узкой из-за отсутствия мощных социальных групп, которые бы настаивали на радикальной реформе бюрократической экономики. Это явилось одной из причин серьезных трудностей, на которые натолкнулась приватизация во многих странах с развивающейся экономикой. Сказанное выше во многом относится и к характеристикам приватизации, развернувшейся на постсоветском пространстве и в странах бывшего социалистического лагеря.

Глобальные перемены в общественных отношениях, начавшиеся в XX в. и более четко определившиеся к его концу, с одной стороны, обуславливают необходимость изменений структуры собственности, а с другой стороны — сами развиваются под воздействием последней. Изменения в отношениях собственности, в зависимости от характера, могут ускорять и углублять наметившиеся тенденции социально-экономической трансформации или, наоборот, сдерживать их, вызывать их отклонения и деформации.

Рассмотрение проблем регулирования отношений собственности логично осуществлять с использованием мирового опыта. По мнению многих исследователей, 80–90 гг. XX в. можно назвать «двадцатилетием приватизации». Пожалуй, прежде национальные приоритеты различных стран в сфере экономической политики не были так синхронны. Именно в этот период времени четко обозначились тенденции к уменьшению прямого государственного вмешательства в сферу производства, к сокращению государственной собственности, и соответственному расширению частного сектора.

Хронологические процессы приватизации в мировой экономике выглядят следующим образом. В течение 80-х – первой половины 90-х гг. XX в. вслед за Великобританией, по оценкам экспертов, более чем в ста странах мира были приватизированы более 10 000 крупных промышленных предприятия, около 10 000 ведущих организаций торговли, услуг и аграрного сектора¹.

Во всех странах в стратегически важных отраслях было сохранено государственное управление. По итогам институциональных преобразований в различных странах в течение последних десятилетий можно сделать вывод о том, что нормы, регламентирующие отношения собственности, используются как важнейший инструментарий регулирования развития экономики.

В большинстве стран, где имели место институциональные преобразования, снижение правительственного вмешательства в экономику привело к росту доходов инвесторов, улучшению конкурентоспособности отечественной продукции, увеличению производительности в промышленности, развитию ценообразования, снижению тарифов, увеличению заработной платы. Обобщая, можно отметить, что здесь использовались рыночные методы перераспределения собственности, т.е. продажа.

Крупномасштабное применение нерыночных методов (например, в России и Чехии) привело к значительному ухудшению экономического климата. К нерыночным методам относятся безвозмездная передача или продажа имущества по мизерным ценам. Перераспределение собственности в этих странах оказалось неэффективным (по крайней мере, в краткосрочном периоде).

Большинством стран были получены значительные средства от приватизации, которые были использованы в нескольких целях: для покрытия внутреннего и внешнего долга, для увеличения капитала для государственных предприятий. Подавляющее большинство стран получили положи-

---

¹ Виноградов В. Приватизация: опыт Франции на фоне глобальных тенденций / В. Виноградов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 30.

тельные макроэкономические результаты: рост ВВП, оптимизация капитальных вложений и т.д.

Основной проблемой тех стран, где приватизация не принесла ожидаемого положительного результата, стало отсутствие эффективно работающих рыночных механизмов перераспределения собственности. Номинально объявленный рыночный курс экономики не существовал в действительности. Многие государства для привлечения инвестиций (внутренних и внешних) в экономику периодически объявляют курс на приватизацию. Существует мнение, что «целесообразно определить круг отраслей, в основном эффективных монополий, которые нуждаются в том, чтобы их время от времени переводили из общественного сектора в частный, и обратно». Следует отметить, что большая часть ВВП этих стран производится не в добывающей промышленности (как исключение можно привести в пример Саудовскую Аравию).

В Арабских странах процессы приватизации связаны с изменениями в спросе на мировом рынке нефти. Падение доходов от продажи нефти в течение последних десяти лет продемонстрировало необходимость экономической либерализации. В плане развития Саудовской Аравии делается акцент на частный сектор как источник будущего экономического роста. Но правительства ближневосточных государств проводят очень осторожную политику институциональных преобразований в сфере отношений собственности. Это связано с их страхом перед безработицей, поскольку новые владельцы с целью превращения компаний в прибыльные должны будут уволить значительную часть рабочей силы: аналитики приводят цифры — от 25% до 85%. Частные инвестиции планируется направить на строительство новых объектов и техническое перевооружение.

Часто сравнивают экономические реформы, проводимые в экономической жизни России и Китая. И это сравнение оказывается не в пользу России. По мнению большинства отечественных и зарубежных исследователей институциональных взглядов, проблема России — в радикальном отказе государства от вмешательства в экономику. В экономической литературе встречаются следующие высказывания по этому поводу: «Неудача экономических реформ в России связана с применением подхода «стабилизация, либерализация, приватизация». Эффективность используемого в Китае подхода — «институционализация, конкуренция, управление». Государство в ходе рыночных преобразований должно играть ведущую роль» (М. Интрилигейтор). Но существуют и другие суждения по данной проблеме. По мнению ученых, имеющих либеральные взгляды (А. Илларионов), основной причиной китайских успехов является глубина реформ. По сравнению с китайскими реформами российские он называет непоследовательными. «Степень государственного вмешательства в экономику России

была и остается несопоставимо более высокой, чем в Китае»¹. «Результатом воплощения на практике либеральной экономической модели стало беспрецедентное сокращение масштабов государственной нагрузки по всем направлениям, обеспечившее китайской экономике рекордные темпы роста»². В ходе реформы хозяйственной системы в рыночном направлении в 1978–1996 гг. среднегодовой прирост ВВП Китая составил 9,9%, что на 3,8% выше, чем в предшествующие реформе годы (1953–1978 гг.). При этом в отдельные годы прирост превышал 13% (1984 г. — 15,2%, 1985 г. — 13,2%, 1992 г. — 14,2%, 1993 г. — 13,5%). По мнению автора, успех китайских реформ, по сравнению с российскими, был обусловлен тем, что экономическая политика была направлена на обеспечение максимальной занятости населения при открытости экономики для иностранных инвестиций. В решении вопроса о радикальности реформирования экономики автор придерживается градуалистической (постепенной) политики. Это объясняется тем, что приживаемость новых, искусственно создаваемых институтов в странах с традиционным или близким к нему способом хозяйствования очень медленная, и радикальные реформы могут привести к тотальной сырьевой переориентации страны.

Как пример успешных институциональных преобразований собственности в части государственных корпораций можно привести Великобританию. Цель очередной волны английской приватизации (1990–е гг. XX в.): «дать возможность крупным английским предприятиям, определяющим «лицо» экономики, получать необходимые инвестиции»³. Доля государственного сектора (в которой наиболее важную роль играли государственные корпорации) в экономике страны значительно сократилась. В результате проведенной приватизации за период с 1979 по 1992 гг. доля государственной корпорации в ВВП Великобритании сократилась с 10,9 % до 3,5%, в общем числе занятых — с 9,0% до 3,5%⁴. За счет проведения приватизации здесь удалось повысить конкурентоспособность продукции разгосударствленных предприятий на мировом, особенно угля и стали. К настоящему времени в британской экономике приватизирована основная часть государственной собственности. Приватизация охватывает главным образом корпорации и компании, занятые в сфере промышленности и инфраструктуры. Следует отметить, что волны приватизации–национализации уже не первый раз коснулись Великобритании. Основной целью приватизации здесь является привлечение инвестиций.

---

¹ Илларионов А. Секрет китайского экономического «чуда» / А. Илларионов // Вопросы экономики. 1998. № 4. С. 25.

² Там же. С.26.

³ Хашутогов А.С. Проблемы и опыт приватизации государственной собственности в Великобритании / А.С. Хашутогов // БИКИ. 2000. 7 сент. (№104). С. 4–5.

⁴ Там же.

Аналогичные институциональные преобразования проводятся и в других высокоразвитых странах:

– Франция — национализация: 1936 г., 1945 г., 1982 г.; приватизация: конец 60-х – пер. пол. 70-х гг., 1986–1988 гг., 1993–1996 гг.¹;

– Германия — национализация: 1948 г.; приватизация: 50–60-е гг., 80-е гг. XX в., 1996–2000 гг.²;

– Канада — приватизация: 1993–1998 гг.³.

В США приватизации как таковой не проводилось, это связано с ограниченным вмешательством государственных институтов США в экономические процессы⁴. Значительное увеличение доли государственных закупок в ВВП, имевшее место в 40-е гг. XX в., связано с участием США во Второй Мировой войне. Учитывая, что доля государственного сектора в США довольно мала, основные изменения, происходившее в сфере собственности, связаны со слиянием, поглощением и дроблением корпораций. При этом самой большой группой управленческих активов обладают пенсионные фонды рабочих.

Помимо привлечения инвестиций приватизация может служить инструментом повышения качества отечественной продукции и конкурентоспособности предприятий. Так, в некоторых странах Латинской Америки проводилась частичная приватизация предприятий черной металлургии, в первую очередь наиболее крупных и технологически совершенных заводов. Эта политика органов государственного управления ускорила процесс модернизации предприятий, что обеспечило прирост объемов производства, повышения качества и конкурентоспособности предприятий.

Кроме экономических целей, институциональные преобразования структуры собственности могут служить и политическим целям. Приватизация, происходящая в странах Восточной Европы, связана, прежде всего, с изменениями в мировой политике, переносе акцента с военного соперничества на экономическое сотрудничество, интеграцию в мировое сообщество, и, кроме того, направлена на ликвидацию внутренних диспропорций планового хозяйства.

---

¹ Виноградов В. Приватизация: опыт Франции на фоне глобальных тенденций / В. Виноградов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 24–40; Завгородняя М. Выкуп предприятия работниками во Франции / М. Завгородняя // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7. С. 118–122.

² Вильд К. Концепция и результаты приватизации в Восточной Германии / К. Вильд // Политэконом. 1996. № 3. С. 20–24; Кляйн В. Приватизационная политика Попечительного ведомства с позиций конкурентной политики / В. Кляйн // Политэконом. 1996. № 3. С. 28–31; Люфт К. Итоги приватизации, осуществленной Попечительским ведомством: оно вело себя как орган власти, а не как собственник / К. Люфт // Политэконом. 1996. № 3. С. 25–27.

³ Комлев С. Экономика Канады — радикальные перемены / С. Комлев // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 8. С. 68–75.

⁴ Супян В. Роль государства в экономике: американский опыт / В. Супян // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 4. С. 14–17.

Так, органы государственного управления в Польше¹, Румынии, Венгрии² и Болгарии добились положительных результатов посредством приватизации. Причем, можно сделать вывод, что в этих странах были реставрированы исторические традиции в сфере распределения собственности. Институциональные преобразования прошли практически безболезненно.

Приватизация в Чешской республике, как и в России, прошла по «купонной» технологии, которая представляла возможность за символическую плату передать государственную собственность гражданам. Таким образом, около 40% общенациональной собственности было передано в частные руки³. В результате реформ в Чехии произошел резкий спад промышленного производства, стремительное повышение потребительских цен, рост безработицы.

Подводя итоги проведенного обзора процессов приватизации в зарубежных странах, можно сделать следующие выводы. Радикальность реформ — это еще не гарантия их успеха. Важное значение имеют национальные условия и социокультурные традиции.

Совершенствование структуры собственности в России ассоциируются чаще всего с приватизацией. Однако приватизация является только одной из форм преобразований собственности. Другие формы предполагают как перераспределение прав в рамках одной и той же формы собственности, так и переход от одних форм собственности к другим. Изменение форм собственности ведет к изменению распределения экономической власти только в случае особой концентрации правомочий в одних руках⁴.

Отличие экономического и юридического подходов к преобразованию собственности отчетливо обнаруживается по следующим основным направлениям. Право фиксирует переход прав собственности от одних субъектов к другим. Вопрос о том, насколько эффективно объекты собственности использовались прежде и чем вызвана необходимость смены собственников, не является предметом специального внимания при правовом подходе. Для экономического же подхода вопрос об эффективном использовании имущества, переходящего от одного собственника к другому, является главным. Поэтому именно экономические критерии преобразования структуры собственности являются важнейшими для определения соответствия конкретных путей и форм преобразования собственности историческому и экономическому прогрессу.

Другое отличие экономического подхода к преобразованиям собственности от юридического состоит в том, что в рамках одной и той же юриди-

---

¹ Хучек М. Приватизация польских предприятий / М. Хучек // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 73–78.

² Балог А. Приватизация в Венгрии / А. Балог // Экономические науки. 1991. № 3. С. 69–75.

³ Седлак М. Экономическая реформа и приватизация в Чехии и Словакии / М. Седлак // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 1. С. 35–40.

⁴ Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 480.

ческой формы собственности могут произойти существенные преобразования в процессе присвоения. Допустим, например, что физическое лицо обладает правом собственности на земельный участок. Независимо от того, обрабатывает оно этот участок или нет, его права собственности не изменятся, хотя по экономическому содержанию это две совершенно различные ситуации. Не изменяется его право собственности и в случае, если земельный участок будет обрабатываться наемными работниками. Однако это уже третья и принципиально иная ситуация с точки зрения реального экономического процесса присвоения при одном и том же праве частной собственности. Подобные примеры можно привести и применительно к общественной собственности.

Подход к экономическим преобразованиям с позиций критериев экономической эффективности характерен для всех основных направлений экономической теории. Теория эффективного и рационального распределения ресурсов, обосновывая критерии перемещения ресурсов из негосударственного (частного) сектора в государственный (общественный), выдвигает следующее требование: преобразование собственности путем перемещения средств и ресурсов из одного (частного) сектора в другой (общественный) возможно и экономически оправдано, если потери от изъятия ресурсов из частного сектора меньше дополнительных выгод в государственном (общественном) секторе¹. Иначе говоря, преобразование частной собственности в общественную оправдано лишь в том случае, если это приводит к росту производительности (отдачи) ресурсов. Этот экономический критерий, с некоторыми уточнениями, может универсально применяться ко всем иным формам в структуре собственности и перераспределяемым правам собственности.

Однако принимаемые решения о преобразованиях собственности в переходной экономике зачастую, как показывает опыт, и отмечают многие авторы, могут диктоваться и иными обстоятельствами: политическими интересами теневого и криминального капитала, избранным вариантом преобразований (радикальным или реформаторским). Все это может существенно повлиять на выработку рациональных экономических решений, что может привести к потерям времени.

Вместе с тем следует учитывать краткосрочные и долгосрочные последствия преобразований структуры собственности. В этой связи существует проблема взвешивания краткосрочных потерь и долгосрочных выгод для общества от преобразований собственности. Ее решение требует целого ряда экономических расчетов. В любом случае преобразованиям собственности в государственном масштабе должен предшествовать тщательный экономический анализ.

---

¹ Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 481.

Выбор направлений и форм преобразований в переходной экономике России осуществляется в ходе острых дискуссий, которые велись по следующим основным направлениям¹:

- разгосударствление с сохранением государственной собственности на крупных предприятиях и приватизация в сфере малого бизнеса, создание коллективных предприятий как с неделимой, так и с коллективно-долевой собственностью;
- бесплатное распределение государственного имущества среди населения (через специальные приватизационные счета, государственные ценные бумаги и др.);
- акционирование предприятий и продажа с аукциона акций и самих предприятий.

Приватизация в России была осуществлена в наиболее радикальном варианте по характеру, масштабам, темпам, срокам и методам. В экономической литературе многие авторы отмечают следующие особенности российского процесса приватизации².

1. Директивность. Решение о приватизации принималось не трудовыми коллективами или руководителями (менеджерами), знавшими специфику финансового и технологического состояния предприятий, а Госкомимуществом. Регионам директивно предписывались даже количественные масштабы приватизации с разбивкой по отраслям.

2. Приоритетность одной формы. В качестве приоритетного направления было выбрано превращение государственной собственности в частную. Недооценивались и даже игнорировались другие формы преобразований госсобственности, связанные с перераспределением прав собственности. В результате российская модель была жестко нацелена на перераспределение экономической власти между социальными слоями общества.

3. Приоритет социально-политических целей над экономическими. Российская модель приватизации не учитывала критерии экономической эффективности, осуществления приватизации в краткосрочном и среднесрочном аспектах, что неизбежно приводило к расточительности. Имущество государственных предприятий, преобразованных в открытые акционерные общества в порядке приватизации, оценивалось по остаточной стоимости на основе оптовых цен 80-х гг. XX в. Рабочие комиссии по подготовке предприятий к приватизации, состоявшие из руководства и членов трудовых коллективов, были заинтересованы в сведении к минимуму стоимости выкупаемого имущества государственных предприятий и стоимости уставного капитала акционируемых предприятий.

---

¹ Щербаков А. Приватизация собственности в России: последствия и перспективы / А. Щербаков // Приватизация в России. 2002. № 7. С. 54.

² Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 483.

4. *Форсирование развития фондового рынка.* Результаты приватизации по российской модели не сводятся к изменениям в структуре собственности. Поскольку основная масса средних и крупных предприятий директивно приватизировались путем превращения государственных предприятий в открытые акционерные общества, сам процесс приватизации явился сильным фактором развития фондового рынка.

Следует отметить, что акции приватизированных предприятий и образуемый ими фондовый рынок существенно отличаются от их классических аналогов. Особенность состоит в том, что если классические (обычные) акции являются порождением реального инвестиционного процесса и обмена акций на реальные активы, то акции приватизированных предприятий образовались в результате обмена на фиктивные активы в виде ваучеров; поэтому за ними не было реального инвестиционного процесса. Указанные обстоятельства существенно влияют на формирование фондового рынка и движение акционерного капитала.

Если рассматривать приватизацию в динамике, то можно выделить следующие основные ее этапы:

Этап 1 — номенклатурная приватизация (1987–1991 гг.). Фактическое растаскивание государственной собственности происходило еще в рамках советской институциональной системы власти-собственности.

Разгосударствление приобрело вид спонтанной приватизации в форме передачи имущества отдельным предприятиям (а реально их директорам) на основе нрава полного хозяйственного ведения. В результате директора фактически получили право бесконтрольно управлять финансовыми потоками предприятий, в том числе самостоятельно принимать решения о направлениях использования прибыли. Отпала необходимость согласовывать свои решения с формальным собственником имущества (за исключением вопросов, связанных с распоряжением недвижимым имуществом). Ключевым моментом стало то, что широкими правами руководители государственных предприятий были наделены вне всякой связи с ответственностью за результаты деятельности. С ослаблением и последующим фактическим разрушением централизованной партийно-хозяйственной вертикали управления (выполнявшей функции, как сейчас принято говорить, системы инфорсmenta) общеноменклатурная собственность все больше начала превращаться в частнобюрократическую. На ранних этапах особое место в этом процессе занимало так называемое кооперативное движение, позднее стали развиваться арендные предприятия. В подавляющем большинстве (более 80%) кооперативы были образованы при государственных предприятиях, а число занятых в таких кооперативах превышало 90% занятых в кооперативном секторе. Как отмечают Р. М. Нуреев и А. Б. Рунов, причин

«аффелированности» к государственным предприятиям можно выделить несколько¹:

- жесткое административное давление госпредприятий в тех случаях, когда кооперативы подрывали монополию госсектора.
- монополия госсектора на материально-сырьевые ресурсы, возможность без содействия заинтересованного предприятия получить помещение в аренду и т.д.

Следует добавить, что «создание кооперативов при госпредприятиях — с одним и тем же менеджментом — явилось одной из ключевых форм «спонтанной» приватизации». Она осуществлялась в виде перекачки денежных средств, передачи имущества на основе права полного хозяйственного ведения, внесения паев из средств (активов) предприятий и др.

В результате первого этапа приватизации возникает своеобразная частно-государственная (номенклатурная) собственность, которую можно трактовать как форму проявления власти-собственности в период ослабления «деспотического» государства.

Этап 2 — попытка создания системы частной собственности (1992–1996 гг.). Пытаясь создать частную собственность не только по форме, но и по существу, администрация Б. Ельцина решила сделать процесс приватизации формальным и массовым. Тем самым была предпринята попытка остановить бесконтрольное усиление экономической власти бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры и создать институциональные предпосылки для развития рыночной мотивации у производителей. В соответствии с программой приватизации, принятой в конце 1992 г., любой желающий, имеющий достаточный капитал, мог приобрести государственное имущество. Главная цель данного этапа, по мнению организаторов, состояла в создании институциональных условий для становления и развития системы частной собственности по образцу западных демократий. Приватизация здесь рассматривалась как средство, необходимое и достаточное для подкрепления либеральных реформ и стабилизационных мер. Импорт западных институтов прикрывал российское содержание.

Между тем появлению «эффективных собственников» с самого начала мешали ряд обстоятельств:

- многие крупные промышленные предприятия были проданы по чрезмерно низким ценам (нередко путем преступных сделок);
- их новые владельцы не были заинтересованы вкладывать значительные суммы денег в техническое обновление производства;

---

¹ Нуреев Р.М. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности / Р.М. Нуреев, А.Б. Рунов // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 8.

– 3/4 акционированных промышленных предприятий находились в собственности трудовых коллективов, которые имели контрольный пакет акций и не собирались продавать его какому-то постороннему лицу;

– большое количество акции приобрели бесплатно за ваучеры мелкие собственники. Они были заинтересованы лишь в получении наибольших дивидендов и не давали акционированным предприятиям никаких денежных средств.

В итоге сложилось явно ненормальное экономическое положение. Приватизация не принесла обществу и государству сколько-нибудь существенного положительного результата.

В приватизации не менее других были заинтересованы теневые владельцы номенклатурно-государственного капитала («новые старые собственники»). Ведь в условиях размытости старой и неупорядоченности новой системы прав собственности над ними постоянно витала угроза изъятия приобретенной собственности. Из потенциальной она легко могла превратиться в реальную по мере ослабления их связи с федеральным или региональным руководством. Начало положила массовая ваучерная (чековая) приватизация. Ее основным содержанием стало преобразование государственных предприятий в акционерные общества открытого типа и продажа, как правило, малых предприятий по конкурсу и на аукционе. От 50 до 80% стоимости пакетов акций и выкупаемого имущества оплачивалось приватизационными чеками.

За чековым этапом последовал этап залоговых аукционов и инвестиционных конкурсов. Государство с целью покрытия дефицита государственного бюджета отдавало в залог под кредиты коммерческих банков пакеты акций крупнейших предприятий, акционированных в порядке приватизации.

1996 г. ознаменовал начало денежного этапа, и, хотя он продолжается и поныне, пик приватизации приходится на 1993–1994 гг. Его основным содержанием была продажа как самих предприятий (на аукционах и по конкурсу), так и акций акционированных в порядке приватизации предприятий за деньги. На этот этап возлагались не оправдавшиеся пока надежды на появление «стратегических» инвесторов¹. К началу 2001 г. на долю государственной собственности приходилось только 42% основных фондов в экономике (по сравнению с 91% в 1991 г.), в частной собственности находилось более 80% от общего числа предприятий. Приватизация государственной и муниципальной собственности затронула все без исключения отрасли экономики. В результате не только в общем числе предприятий, но и в общем объеме производства и численности работников государственная собственность стала занимать подчиненное место.

---

¹ Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 485.

Этап 3 — институционализация новой власти-собственности (1996–2002 гг.). После хаоса, возникшего в ходе второго этапа, к концу 1990-х гг. стало очевидно, что система власти-собственности в конкурентной борьбе с новым институциональным устройством не сдала своих позиций. Опыт приватизации не может не рассматриваться вне контекста значимости от предшествующего развития. Приватизация всегда выступала как временный отход от главной линии развития, как подготовка нового витка централизации (централизация (власть-собственность) — упадок (номенклатурная приватизация) — разложение (массовая приватизация) — новая централизация (власть-собственность))¹.

Хотя многие законопроекты о национализации в существующем варианте в 2002 г. отклонены Государственной думой, идеи централизации и усиления государственного вмешательства в экономику набирают силу. Правда, проявляются они больше не в призывах к национализации, а в пересмотре некоторых итогов приватизации. Среди основных направлений перехода частной собственности в руки государства можно выделить:

- *деприватизацию* (частичное восстановление или усиление государственного контроля над уже приватизированными предприятиями);
- *реприватизацию* (повторную приватизацию предприятий, в которых предыдущие собственники не выполнили инвестиционные условия и программы).
- *национализацию*.

Особую роль с 1998 г. играет институт банкротства. Его нормативные функции — защита прав кредиторов и вывод с рынка неэффективных предприятий. По данным Госкомстата РФ, в среднем 45% просроченной задолженности промышленных предприятий приходится на налоговые платежи и обязательные платежи во внебюджетные фонды. Данное обстоятельство делает чиновников (особенно в регионах) фактическими обладателями важных правомочий собственности. Что касается второй функции, то в настоящее время институт несостоятельности свою миссию не выполняет. Банкротство в России используется как один из основных инструментов передела собственности и в этой связи чаще применяется в отношении потенциально прибыльного бизнеса.

Итак, возможность значительного усиления государства как собственника витает в воздухе. Во всяком случае, в качестве возможного сценария развития его не исключают экономисты, придерживающиеся разных взглядов. Однако в каком направлении оно пойдет и к каким последствиям приведет?

---

¹ Плышевский Б. Частный капитал: образование и особенности / б. Плышевский // Экономист. 2004. № 1. С. 11.

Выше отмечалось, что приватизация является особой, но не единственной формой преобразования собственности. Возможно перераспределение прав собственности без перераспределения экономической власти¹. Саму приватизацию можно проводить радикально, подчиняя ее политическим целям, или эволюционно, подчиняя ее целям экономической эффективности. В переходной экономике России наблюдаются и тенденции обратных преобразований собственности — из частной в государственную (кооперативную, муниципальную). Примерами могут служить многочисленные факты возвращения приватизированного жилья в муниципальную собственность; объединение паев акционированных сельскохозяйственных предприятий и др.

В последние годы приватизация приобрела вялотекущий характер и, можно сказать, почти проведена. Однако более пристальный анализ показывает, что в этой сфере имеется еще много проблем.

Во-первых, на балансе у государства продолжает «висеть» большое число государственных унитарных предприятий, с которыми надо что-то делать.

Во-вторых, в результате массового акционирования хозяйственных структур государство оказалось собственником приличного портфеля акционерного капитала, который требует значительных «управленческих издержек» и не дает почти никакой отдачи.

В-третьих, на очереди к приватизации стоят государственные учреждения, многие из которых продолжают обременять государственный бюджет без серьезных на то оснований.

Утверждение П.-Ж. Прудона, что «собственность — это кража», полностью подтвердилось в России. Собственность была украдена у народа в прямом смысле слова.

Несмотря на то, что в России пройдены крупные этапы в процессе приватизации, перераспределение прав собственности еще не завершено. Не найден пока оптимальный уровень концентрации правомочий физических и юридических лиц, обеспечивающий наиболее эффективные формы функционального движения собственности. Поэтому в дальнейшем процессе перераспределения прав собственности на первый план должен выдвинуться экономико-стратегический критерий.

В полном соответствии с отмеченными выше убеждениями приватизация государственных предприятий рассматривалась всеми как необходимое звено проводимых реформ, и после принятия соответствующего законодательства, она состоялась как массовое явление в течение 1993–1995 гг., продолжаясь в «штучном порядке» и в последующие годы. В результа-

---

¹ Балацкий Е. Критерии и приоритеты приватизации государственной собственности / Е. Балацкий, В. Коньшев // Общество и экономика. 2002. № 12. С.148.

те на конец 2000 г. большинство отечественных предприятий принадлежало частным лицам. Однако, несмотря на продолжающийся уже несколько лет экономический рост, в целом российская экономика еще далека от достижения тех рубежей, на которых она находилась в конце 1980-х гг.

В XX в. Россия стала первой страной в мире, приступившей к кардинальному, революционному преобразованию всех общественных отношений, и, прежде всего, отношений собственности. Приватизация в нашей стране обернулась не просто сокращением доли государственной собственности и государственного хозяйства, но и фактическим разрушением и деградацией, небывалыми масштабами падения производства¹.

Соотношение различных форм собственности, главным образом, частной и государственной, отражает важные пропорции и явления жизни общества. Прежде всего, указанное соотношение характеризует пропорции между теми частями общественных и личных потребностей, которые лучше удовлетворяются той или иной формой владения средствами производства. В экономической литературе многие ученые, рассуждая о проблемах структуры собственности и экономической эффективности, останавливаются на вопросах конкретной деятельности государственных и частных предприятий.

Наиболее весомые аргументы в пользу частной собственности, с точки зрения обеспечения высокой эффективности работы предприятий, связаны со структурой стимулов для менеджеров и возможными механизмами их обеспечения со стороны собственника. На государственном предприятии его формальный собственник, как и любой собственник, является получателем конечного дохода. Однако этот доход не потребляется непосредственно служащими государственного ведомства, осуществляющего контроль за предприятием, а поступает в бюджет. Итак, государственным служащим достается лишь малая часть полученной прибыли в форме некоторого увеличения заработной платы, повышения по службе и др. Таким образом, прямая связь между эффективностью работы государственного предприятия и доходами отсутствует². Напротив, для частного предприятия остаточный доход непосредственно повышает благосостояние его владельцев. Следовательно, у последних имеются мощные стимулы так организовать деятельность менеджеров, чтобы они стремились обеспечить владельцам наибольшую прибыльность, т.е. хозяйствовать наиболее эффективным образом. У государственных же служащих, отвечающих за работу предприятия, подобных стимулов нет.

---

¹ Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 418.

² Там же. С. 420.

Кроме этого положения, более низкая экономическая эффективность работы государственных предприятий, по мнению многих авторов, может быть обусловлена еще несколькими обстоятельствами.

Во-первых, меньшая эффективность нередко объясняется тем, что госпредприятия изначально в рыночной экономике создавались для того, чтобы компенсировать провалы рынка, т.е. действовать в ситуациях, когда рынок не в состоянии обеспечить производство требуемых обществу товаров. Подобная социальная направленность деятельности государственных предприятий означает, что вопросы экономической эффективности для них не основные. На передний план выходят проблемы качества и объема производимой продукции.

Во-вторых, на деятельности государственных предприятий негативно сказывается их подверженность влиянию со стороны политиков. Преследуя свои цели, политики могут потребовать от находящихся под их контролем предприятий то, что им удобно. В частности, достижения чрезмерной занятости, производства не самой эффективной продукции, использования выделяемых инвестиций на полезные для достижения политических целей, но экономически неэффективные проекты, и т.п.

Как дальше будет развиваться отечественная экономика, в первую очередь будет определяться тем, сохранит ли частная форма владения собственностью свое превосходство в отношении экономической эффективности. Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать, как изменится и будет изменяться экономическая эффективность той или другой форм собственности под влиянием процессов происходящих в обществе.

Таким образом, представляется, что в ближайшем будущем сохранится ведущая роль частной формы собственности в тех отраслях, секторах и конкретных производствах, где она обеспечивает более высокую производительность труда¹. Вместе с тем, со временем доля этой собственности, хотя и медленно, может начать уменьшаться в пользу государственной, если будет пересмотрен сложившийся механизм глобализации. Соответственно, стратегические интересы развития национальных экономик должны диктовать им линию поведения, направленную на постоянную корректировку формирующихся структур собственности с учетом обеспечения возможностей эффективного решения как текущих экономических задач, так и задач оптимального развития в экономическом, социальном и политическом отношении в будущем. От того, на сколько эффективно та или иная страна сумеет «подстраивать» структуру своей собственности под требования и возможности внутринациональной и внешней экономической и

---

¹ Тамбовцев В.Л. Собственность и эффективность / В.Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 7.

социально-политической среды, во многом будет зависеть место и роль данной страны в мировых экономических и политических процессах.

Поскольку собственность играет ведущую, ключевую роль в экономической системе, постольку вся совокупность производственных отношений, их специфика и динамика развития предопределяются отношениями собственности. Данная зависимость изучается политической экономией. В силу этого основным вопросом политической экономии является вопрос о главном, сущностном отношении, свойственном экономической системе, т.е. об отношении между собственниками условий производства и непосредственными производителями по поводу факторов и результатов общественного производства (более упрощенно его формулируют как вопрос об отношении между собственностью и трудом, или просто как вопрос о собственности). Разумеется, на каждой ступени общественного развития этот вопрос решался в соответствии со всей совокупностью сложившихся производственно-технических и социально-экономических условий.

Что же касается качественных преобразований отношений собственности в современной России, то они осуществлялись в русле проводившейся политики «шоковой терапии» с целью созидания капиталистически ориентированной (либерально-рыночной) многоукладной экономики. Основными элементами «шоковой терапии» являлись:

- либерализация цен, приватизация;
- макроэкономическая стабилизация.

По замыслу реформаторов, практическая реализация этой политики должна была обеспечить¹:

- создание условий для возникновения различных форм собственности и появления многомиллионного класса собственников;
- формирование конкурентной среды и развертывание предпринимательской деятельности;
- запуск рыночного механизма, позволяющего ликвидировать товарный дефицит;
- возникновение и развитие рыночной экономики как саморегулирующейся системы, важнейшим компонентом которой должно стать свободное ценообразование;
- солидные поступления в бюджет страны в виде доходов от приватизации; реструктуризацию народного хозяйства, что позволит снизить бремя оборонных расходов, подорвавших советскую экономику и эффективно провести конверсию;
- либерализацию внешнеэкономической деятельности и интеграцию российской экономики в мировую хозяйственную систему, получить за счет этого крупные инвестиции.

¹ Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 111.

Реформаторы не скрывали, что достижение указанных целей будет сопрягаться с вышеуказанными издержками. Предполагалось, что первоначально население ощутит определенные тяготы и лишения, связанные с падением темпов экономического, развития и ростом цен. Но уже через несколько месяцев якобы произойдет стабилизация, начнется бурный экономический подъем. Однако реальные результаты оказались совершенно иными, прямо противоположными тем, которые намеревались достигнуть.

Об этом красноречиво свидетельствуют следующие факты. Экономический потенциал страны фактически был наполовину разрушен. Подобного разрушения не наблюдалось даже за годы Второй мировой войны. Произошел колоссальный спад промышленного производства — более, чем на 50% (для сравнения во время «Великой депрессии» 1929–1933 гг. в США он составил 35%). Огромный ущерб нанесли также и сельскому хозяйству. Это выразилось в разрушении материально-технической базы последнего, резком снижении объема производимой сельскохозяйственной продукции и, как следствие, в возникновении угрозы национальной безопасности в продовольственной сфере (доля импортируемого продовольствия, в общем объеме потребления продуктов питания превысила 60%). В результате Россия из индустриально-аграрной страны превратилась в сырьевую. Положение усугубляется тем, что реальных инвесторов, заинтересованных в возрождении былой мощи отечественной экономики и, соответственно, в ее неуклонном росте в настоящее время нет. Российские предприниматели не торопятся вкладывать в нее свои капиталы, а Запад заинтересован в экспорте нашего сырья и импорте своей готовой продукции.

Радикальные преобразования в экономике обусловили и предопределили, в свою очередь, коренные изменения в других сферах общественной жизни — социальной, политической и духовной. Все эти преобразования иначе, как революционными назвать нельзя. И на то есть довольно веские основания:

- существенные изменения политических институтов и учреждений государственной власти есть не что иное, как становление политической системы нового типа;
- любые крупномасштабные социально-экономические изменения в столь рекордно короткие сроки никак не могут быть эволюционными, поскольку всякая эволюция предполагает относительно длинный во времени и постепенный по характеру изменений период.

Сказанное убедительно свидетельствует о том, что современная экономика России находится в состоянии жесточайшего системного кризиса. Он явился закономерным результатом «шокотерапевтического» курса хозяйственных преобразований.

В этой связи возникает необходимость кардинального переосмысления грубых ошибок и принципиальных просчетов выбранного курса реформ, всестороннего учета накопленного мирового опыта хозяйственных трансформаций (с учетом национальных особенностей), выработки на этой основе научно обоснованной концепции по поводу жесточайшего системного кризиса страны и ее дальнейшего развития с качественно иными социальными ориентирами и приоритетами.

В таких весьма своеобразных и противоречивых условиях начался процесс становления многоукладной экономики в России. В ней каждый уклад, будучи определенной подсистемой социально-трудовой деятельности, базируется на той или иной форме собственности. Именно поэтому на основе данного процесса лежит, в конечном счете, многообразие форм собственности.

2.2 Характеристика основных видов издержек трансформации государственной собственности в период рыночных реформ

Так как основной целью российских реформ 90-х гг. XX в. был переход от административной к преимущественно рыночной экономике, то одним из главных направлений реформ стало осуществление преобразований отношений государственной собственности. Имелось в виду радикальное разгосударствление собственности, т.е. преодоление фактически сформировавшейся за период планового ведения хозяйства почти абсолютной монополии государственной собственности в экономике и обществе. Хотя, как уже отмечалось, данная монополия сыграла в свое время ведущую роль в обеспечении реализации в России в беспрецедентно короткие исторические сроки процесса индустриализации, она со временем стала восприниматься как очевидный тормоз в решении новой, вставшей перед Россией задачи перехода к постиндустриальной стадии развития. В развитых странах Запада, опередивших Россию в плане данного перехода, экономический рост стал обеспечиваться в первую очередь уже не природными сырьевыми ресурсами и не традиционной машинной техникой, а наукой и человеческим капиталом — образованием и интеллектом, наукоемкой продукцией отраслей высоких технологий. Характерные для директивного социализма экономия на условиях жизни населения (национального человеческого капитала), командные методы управления, жесткие плановые задания по ассортименту продукции, ее качественным характеристикам и нормативам затрат, признание главными благами продукции только материальных отраслей экономики, стали рассматриваться как серьезные ограничения развития российской экономики. Т.к. в условиях господства государственной собственности преодолеть эти ограничения представлялось

невозможным, то российские реформы, прежде всего, оказались направленными на демонтаж монополии государственной собственности и становление частного сектора в качестве основного для российской экономики. Такое преобразование структуры собственности в России обеспечит, как предполагалось, рост эффективности экономики, осуществление необходимых прогрессивных структурных сдвигов, общее оздоровление экономики и общества.

Данная задача оказалась более сложной для России, чем для других социалистических стран, т.к. в силу ряда исторических особенностей в нашей стране институт государственной собственности в течение всей истории ее существования играл особо важную роль.

К настоящему времени сложилась уже значительная экономическая литература по вопросу о причинах ведущей роли государственной собственности на протяжении многовековой истории развития экономики России. Так, по мнению С.Н. Лапиной и Н.Д. Лелюхиной, существование в России «традиционно обширной» государственной собственности объясняется в общем и целом такими двумя важнейшими, объективными причинами, как особенности геополитического положения России и более позднее ее вступление на путь капитализма по сравнению с европейскими странами.

Основными особенностями геополитического положения России, данные авторы считают, прежде всего, наличие у нашей страны самой большой в мире территории, включающей в себя районы с резкими не только природно-климатическими, но и социально-экономическими контрастами, а также — неосвоенные или слабо освоенные, труднодоступные районы; районы, представляющие собой зоны неустойчивого земледелия. К особенностям геополитического положения отмеченные исследователи относят также многонациональный состав населения страны и повышенные трудности формирования здесь необходимого для государственного образования единого экономического пространства — общероссийского внутреннего рынка¹. Эти трудности, по мнению авторов, объективно обуславливаются неизбежным в связи с суровыми природно-климатическими условиями низким уровнем накопления, повышенной капиталоемкостью инвестиционных проектов и, соответственно, увеличенными издержками производства. При таких особенностях геополитического положения обширная государственная собственность на решающие условия воспроизводственного процесса выступает особо важным, а нередко — практически единственным, инструментом и рычагом формирования на территории России единого государства. Только государственная собственность могла формироваться и закрепляться в неблагоприятной (суровой) природно-

---

¹ Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 216, С.219.

климатической среде, только с помощью государственной собственности было возможно обеспечить первичное освоение, вовлечение в хозяйственный оборот и «удержание» в границах российской территории отдаленных, неосвоенных, чрезмерно дорогостоящих для частного сектора районов. Наконец, только на основе государственной собственности могла должным образом обеспечиваться обороноспособность такой огромной страны.

Более поздние, чем в Европе, сроки вступления России на путь капитализма объективно обуславливали повышенный удельный вес в ее экономике государственной собственности потому, что при слабом, недостаточно развитом частном капиталистическом секторе только с помощью государства и государственной собственности, можно было добиться ускорения решения тех важнейших макроэкономических задач «догоняющей экономики», которые были уже решены ведущими странами: интенсивно насаждать в экономике необходимые передовые технологии, внедрять прогрессивные виды и формы производства и инфраструктуры. Как уже отмечалось, данная роль государственной собственности (т.е. роль «двигателя» экономической модернизации в целях роста конкурентоспособности страны) была особенно очевидной в России в XVIII в., в период царствования Петра I. Благодаря ему, в нашей стране ускоренными темпами шло развитие казенных мануфактур, которые кроме традиционных производственных задач выполняли еще функцию служить примером организации передовых форм производства. В последующем, со второй половины XIX в. роль главных национальных «двигателей» ускоренной индустриализации стали выполнять наряду с казенными заводами также казенные железные дороги, казенные магазины, Госбанк, Дворянский и Крестьянский государственные банки.

Не случайно, к началу Первой мировой войны в России доля государственной собственности была весьма значительной и по некоторым параметрам превосходила показатели доли государственной собственности в европейских странах. Так, в госимуществе государству принадлежало 35% сельскохозяйственных земель, 60% лесов, около 7% зданий и сооружений. Количество казенных промышленных предприятий, включая военные, горные, лесопильные, полиграфические и винно-водочные заводы, составляло около 700. Кроме того, государству принадлежали 70% протяженности железных дорог, крупнейшие портовые сооружения и речные суда, почта, телеграф, телефон, значительная часть конезаводов, элеваторов, зернохранилищ, государственная сеть магазинов в северных районах и при казенных заводах и т.п. Особую крупномасштабность государственной собственности в России придавала принадлежность государству природных ресурсов. «По этому показателю, особенно по абсолютным размерам,

Россия превосходит другие страны»¹. Весьма высокой была доля государства и в инвестиционной сфере: в 1912 г. за счет государственных источников осуществлялось около 20% всех инвестиций в российскую экономику, государственный заказ в отдельных отраслях достигал 30–40%².

С переходом после Октябрьской революции на плановые методы ведения хозяйства доля государственной собственности в российской экономике, как известно, стала расти особо быстрыми темпами, прежде всего под влиянием специфических теоретических концепций марксистской школы, т.е. в целях обеспечения максимально высокого уровня «обобществления производства на деле». Как следствие нового курса развития, уже в 1925–1926 гг. в национальном доходе СССР доля государственных предприятий возросла до 32%, а к 70–80 гг. XX в. государственная собственность стала абсолютно преобладающей во всех секторах экономики, достигнув в ведущей сфере — промышленности — практически 100%.

В связи с начавшимися в России в период реформ разгосударствлением и приватизацией обозначился, как известно, обратный процесс, т.е. массовый демонтаж государственной собственности. В результате уже в 1996 г. доля ВВП, произведенного в госсекторе, снизилась до 28%³.

Насчет того, много или мало для России составляют достигнутые показатели приватизации, среди отечественных экономистов есть, как известно, самые разные точки зрения. Представляется, что определенным ориентиром «достаточности» или «недостаточности» проводившегося разгосударствления могут служить данные об экономиках широкого круга других стран. В частности, в странах Европы по состоянию на 2000 г. на долю государственных хозяйственных объектов приходилось 10% национального дохода и более 13% валовых инвестиций. Удельный вес госсектора, конечно, очень мал в Нидерландах (5,7%) и Великобритании (2,7%), но достигает 17,6% в Финляндии и 15,4% в Австрии⁴. В Италии крупнейшие государственные компании играют ведущую роль в таких отраслях как черная металлургия, электротехническая и судостроительная промышленность. В Испании государство является крупнейшим собственником в производстве электроэнергии. В Великобритании госсектор доминирует в угольной промышленности и ядерной энергетике. Во Франции государственная собственность играет ведущую роль в электроэнергетике, аэрокосмической, электронной, химической промышленности, в металлургии и автомобилестроении. При этом европейские страны отнюдь не чужаются опираться на

---

¹ Олейник А.Н. Институциональная экономика. Учебное пособие / А.Н. Олейник. — М.: ИНФРА-М, 2002. — С. 220.

² Там же. С.221.

³ Там же. С.223.

⁴ Балацкий Е. Государственный сектор в системе макроэкономического регулирования / Е. Балацкий // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С.63.

крупные монопольные структуры в рамках своих государственных секторов. Например, в Великобритании все атомные электростанции подчинены компании «Нуклеар электрик», в которой государство является единственным акционером. Французской группе «Аэроспасьяль» (аэрокосмическая промышленность) принадлежит первое место во Франции и третье в Европе среди производителей аэрокосмического оборудования. Государству принадлежит 62,2% капитала этой группы непосредственно и еще 20% — через другую компанию, в которой доля государства составляет 100%. Французская государственная компания «Электрисите Франс», объединяющая в своей структуре 54 АЭС, производит 90% электроэнергии и обеспечивает 95% электроснабжения в стране. Данная компания является монополистом не только в производстве и распределении электроэнергии, но и в ее импорте и экспорте. При этом государство во Франции стремится к сохранению монопольного положения компании с тем, чтобы обеспечить в перспективе долгосрочное планирование атомной энергетики [16]. В целом, по оценкам различных исследователей, доля госсектора в современных развитых странах может варьироваться от 10% до 30–40% в экономике.

Учитывая, что для России в течение длительных периодов государственная собственность играла ведущую роль в экономике, достигнутое за годы реформ снижение доли этой формы собственности в ВВП до 28% можно, очевидно, считать основанием для вывода о том, что хотя бы по формальному признаку абсолютная монополия государственной собственности в российской экономике преодолена. Таким образом, можно считать, что Россия, следовательно, перешла от командно-административной экономической системы к какому-то, не совсем еще сложившемуся, но все-таки к одному из вариантов используемой во всем мире другой системы, т.е. к смешанной экономике.

Хотя абсолютная монополия государственной собственности в России, казалось бы, очевидным образом преодолена, оздоровления российской экономике это не принесло, и никаких конкретных улучшений экономической ситуации, обещанных населению реформаторами, приватизация не обеспечила. Как отмечается в материалах Счетной палаты РФ, «несмотря на то, что к концу 90-х гг. XX в. оказалась в целом решенной задача изменения форм собственности (более 58,9% предприятий стали частными), ряд стратегических целей приватизации не был достигнут: а) не сформирован широкий слой эффективных частных собственников; б) структурная перестройка экономики не привела к желаемому повышению эффективности деятельности предприятий; в) привлеченных в процессе приватизации инвестиций оказалось недостаточно для производственного, технологического и социального развития предприятий; г) в ряде отраслей не удалось

сохранить конкурентное положение предприятий на отечественном и мировом рынках»¹.

В соответствии с выводами многих отечественных экономистов, реформирование отношений государственной собственности в России не только не обеспечило реализации целей, намеченных (точнее — провозглашенных) в свое время реформаторами, но и оказалось связано с различного рода издержками, которые, очевидно, можно назвать издержками трансформации государственной формы собственности в частную.

Характерно, что некоторые отечественные экономисты уже в течение ряда лет ставят вопрос о том, правомерно ли подсчитывать именно издержки преобразования государственной собственности в частную. Может быть, пора признать, что надо считать не издержки реформ (как затраты ради какого-то полезного результата), а «ущерб» от реформ, т.е. не имеющих никакого полезного результата колоссальный по масштабам прямой урон (сопоставимый с уроном от прямых военных действий), который понесли в мирное время российская экономика и общество.

Если признать, что все же проведенные реформы имели определенное положительное содержание, то можно (со многими оговорками и натяжками), может быть, выделить, во-первых, преодоление существовавшего при плановой экономике идеологического диктата, мешавшего объективному восприятию мира; во-вторых, появление потенциальной возможности использовать в качестве дополнительного резерва роста эффективности экономики многообразие форм собственности и форм хозяйствования; в-третьих, увеличение потенциальной возможности использования внешнеэкономических контактов для оздоровления российской экономики.

Вместе с тем, издержки, которые понесло российское общество ради получения данных позитивных результатов, оказались настолько значительными, что обусловили формирование в России глубокого общего системного (или трансформационного) кризиса, приравниваемого многими экономистами по своим негативным последствиям для экономики и общества к потерям, к близким или равным тем, которые были понесены СССР в период Второй мировой войны. Данные издержки не только очень велики, но и многообразны, в результате чего их, на наш взгляд, можно объединить в отдельные группы и подгруппы, чтобы систематизировать представления о масштабах и характере понесенных «затрат». В качестве наиболее важных групп издержек можно, на наш взгляд, выделить следующие: *экономические, социальные, моральные, стратегические и институциональные*. При этом приведенную последовательность в перечне издержек не следует считать результатом их ранжирования. Данные издержки

---

¹ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 7.

очень трудно ранжировать по степени их значимости, с позиций как современного положения, так и перспектив развития России. Фактически, хотя стратегические издержки выделены нами в качестве лишь одной из перечисленных групп, издержки во всех остальных группах (каждая по своему) также являются стратегически важными для России.

В первой группе, т.е. в составе *экономических издержек* России в связи с переходом от государственной к частной собственности, следует, на наш взгляд, выделить в качестве основных следующие:

- абсолютное сокращение объемов производства;
- снижение уровня производительности труда и фактический переход от расширенного к суженному процессу воспроизводства;
- ухудшение структуры производства (усиление сырьевой специализации экономики, деиндустриализация);
- рост доли импорта в структуре товарооборота до значений, составляющих угрозу продовольственной безопасности страны;
- вывоз в огромных масштабах российского капитала за границу (без инвестиционных целей) и формирование глубокого инвестиционного кризиса;
- сокращение налоговых поступлений в государственный бюджет и, соответственно, почти полное «свертывание» отраслей, производящих «общественные блага».

Масштабы допущенного сокращения объемов производства оказались настолько значительными, что даже за пятнадцать лет реформ Россия не смогла «достичь» уровня и объемов ВВП и ВВП последнего предреформенного «застойного» 1990 г. Как отмечают отечественные экономисты, даже по итогам 2005 г. объем ВВП России составил к уровню 1990 г. лишь 89%, в том числе объем промышленного производства — лишь 73%, продукция сельского хозяйства — 72%¹. Хотя в последние годы стал наблюдаться рост экономики, но если исключить влияние роста цен на номинальные показатели темпов роста, то, по результатам многих аналитических оценок, продолжается стагнация в большинстве отраслей экономики, работающих на внутренний российский рынок. В 2005 г. доля импорта в структуре товарооборота розничной торговли поднялась до 45%, что говорит о резком ухудшении условий и стимулов для развития отечественного производства.

В течение всего периода реформ экономисты с тревогой констатируют усиление сырьевой специализации российской экономики, т.е. неоправданный рост доли сырьевых отраслей в общих объемах производства и доли сырьевого экспорта в общих поставках отечественной продукции за

---

¹ Мау В. Экономическая политика в 2005 г.: определение приоритетов / В. Мау // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 4.

границу. Тем не менее, продолжается усиление влияния сырьевых отраслей в российской экономике. Если в 1990 г. на ТЭК приходилось 40% в приросте ВВП России, то по итогам 2005 г. этот показатель возрос до 60% (в частности, добыча нефти увеличилась с 380 млн.т в 2002 г. до 459 млн.т в 2005 г.). При сокращении доли российской промышленности на рынках наукоемкой продукции до менее 1%, на экспорт металлургической продукции приходится 15% от общего объема российского экспорта, химической промышленности — лишь около 7%, на машины и оборудование — менее 10%, а все остальное представлено экспортом энергоносителей, т.к. этот вид экспорта оказался наиболее простым и выгодным способом обогащения частного капитала.

Превращение российских предприятий в частные и их выход в этой связи из-под прямого контроля государства было расценено российским государством как основание прекращения их финансирования из госбюджета. Одновременно новые частные хозяева стали активно вывозить капитал за границу в размерах от 12 до 25 млрд. долл. в год. Все это обернулось глубоким инвестиционным кризисом российской экономики. Причем, если объем ВВП за период реформ сокращался, самое большее, вдвое по сравнению с предреформенным уровнем, то общий объем инвестиций в экономику в отдельные годы составлял лишь 1/4 часть от дореформенного уровня. Государство, оставив предприятия без поступлений инвестиционных ресурсов, спровоцировало бесконтрольный процесс «проедания основных фондов». В результате экономика осталась практически не только без накоплений, но и без необходимых амортизационных ресурсов. Как следствие, чрезвычайно обострилась проблема старения фондов (свыше 2/3 всех машин и оборудования почти полностью исчерпали свой ресурс), причем эта проблема оказалась актуальной как для государственных, так и для вновь созданных частных предприятий, включая предприятия даже самых высокодоходных секторов экономики. Новые частные хозяева очень быстро привыкли, что прибыли от самых высокодоходных производств пошли не в госбюджет, а в их частные карманы, но совершенно не сочли себя обязанными заботиться об инвестициях в свое производство. Очень показательным является отношение к инвестициям в свой же собственный сектор самых богатых в стране частных нефтяных компаний. Как отмечается в печати¹, при положительном сальдо торгового баланса в 2003 г. в размере 60 млрд.долл., в 2004 г. — 85 млрд.долл. и в 2005 г.— более 140 млрд.долл., в нефтяную отрасль инвестировалось ежегодно около лишь 5–6 млрд.долл. В результате с переходом к частной собственности фактиче-

---

¹ Мау В. Экономическая политика в 2005 г.: определение приоритетов / В. Мау // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 5.

ские темпы роста инвестиций в России стали отставать от необходимых (для преодоления инвестиционного кризиса) в среднем в 3–3,5 раза¹.

Как известно, после нескольких лет реформ некоторые отечественные экономисты стали выступать с критикой роли тех многочисленных западных экспертов и советников, на основе рекомендаций которых Россия пришла к очевидно разорительным (фантастически большим для условий мирного времени) экономическим результатам. Соответственно, в печати появились высказывания различных экспертов о том, что, во-первых, экономический кризис в России не так уж и глубок; во-вторых, что этот кризис является не результатом перехода от государственной собственности к частной, а результатом незавершенности данного перехода.

Так, А. Ослунд (один из наиболее известных западных «советников», приложивших руку к происшедшей фактической деиндустриализации российской экономики в процессе реформ), выдвинул следующие шесть анти-тезисов, опровергающих утверждения о крупномасштабном спаде производства в России:

- 1) фундаментальные статистические ошибки заложены уже в самой базе отчета, поскольку в советской экономике путем манипуляций со статистикой постоянно создавалась видимость подъема, высокого экономического роста и развития;
- 2) большинство тотальных экономик погрузились в хаос и испытывали крупномасштабный спад уже в конце коммунистического периода;
- 3) с началом рыночных преобразований на смену заинтересованности предприятий в завышении величины валовых показателей путем приписок для создания видимости выполнения планов пришла заинтересованность в занижении отчетности с целью уменьшения величины уплачиваемых налогов;
- 4) в постсоветский период наблюдался чрезвычайно быстрый рост неофициальной экономики, совершенно не учитываемый официальной статистикой;
- 5) большая часть советской обрабатывающей промышленности не столько создавала, сколько убавляла стоимость в процессе обработки вследствие низкого качества продукции, следовательно, снижение производства негодных для употребления товаров не может рассматриваться как падение производства;
- 6) снижение скрытого субсидирования «братских» экономик во взаимной торговле принесло экономике России значительные выгоды, которые во многом покрыли спад производства².

---

¹ Мау В. Экономическая политика в 2005 г.: определение приоритетов / В. Мау // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 5.

² Ослунд А. Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма / А. Ослунд // Вопросы экономики. 2000. №7. С.115.

Хотя все перечисленные А. Ослундом обстоятельства реально существовали и существуют, тем не менее, их существование не может перечеркнуть факта формирования в России глубоко экономического кризиса в связи с устранением государства от роли главного собственника в экономике.

Другая упомянутая нами высказываемая в отечественной литературе точка зрения состоит в том, сама по себе частная собственность «не виновата» в «обвале» российской экономики, поскольку огромную роль в произошедшем играли не экономические, а политические факторы. Безусловно, экономический кризис в России не является прямым следствием и отражением «несовершенства» и «порочности» частной собственности по сравнению с бывшей государственной. В данном случае нами исследуются не «пороки» частной собственности, а масштабы и характер негативных последствий для российской экономики в связи с проведенными реформами по преобразованию одной формы собственности в другую. Кроме того, есть немало таких негативных экономических последствий для российской экономики, которые трудно (и даже невозможно) связать с чем-либо иным, кроме как с переходом к частной форме собственности, поскольку эти негативные последствия проявляются в наибольшей мере именно там, где частные собственники получили наибольшие возможности не считаться с требованиями государства. Например, Д.С. Львов и С.А. Кимельман приводят весьма характерные данные об изменениях уровней производительности труда в российских нефтедобывающих предприятиях после преобразования их в частные. «В 1990 г., — подчеркивают данные авторы, — производительность в нефтяной промышленности СССР составляла 3700 т/чел. в год. В 1995 г. она снизилась до 1400, а в 1999 г. — до 1000 т/чел. В начале 90-х гг. прошлого века, когда господствующей у нас была государственная собственность, мы обгоняли США по производительности труда на скважине в 2,7 раза. В 1995 г. наша приватизированная нефтяная промышленность стала работать хуже американской на 14%. К началу 2000 г. наши частные нефтяные компании уже уступили американским компаниям в 2,5 раза. Непостижимый парадокс! Он противоречит широко распространенному убеждению, что переход к рынку невозможен без частной собственности на природные ресурсы и создания на этой основе чувства хозяина»¹.

Можно, конечно, предположить, что снижение эффективности производства в нефтяной отрасли является результатом «природного фактора». Однако, и в других отраслях российской экономики специалисты фиксируют снижение эффективности в результате смены собственников. Как отметили эксперты Всемирного банка (ВБ) в своем докладе по оценкам ито-

---

¹ Львов Д.С. Об эффективной системе недропользования / Д.С. Львов, С.А. Кимельман // Экономическая наука современной России. 2005. № 4 (31). С. 18.

гов работы в 2004 г. всех двадцати трех российских финансово-промышленных групп, нет никаких оснований утверждать, что частные собственники смогли повысить уровень эффективности российской экономики¹.

К *социальным издержкам* перехода от государственной собственности к частной следует, прежде всего, отнести резкое снижение уровня доходов населения и небывалый рост разрыва между рождаемостью и смертностью в стране. Эти изменения произошли в связи с прекращением государственного управления отечественными предприятиями и происшедшим экономическим обвалом в производственной сфере, свертыванием государством функции контроля за деятельностью преобразовавшихся в частные предприятий в области оплаты труда, отсутствием в российской экономике на начальном этапе реформ достаточно сильных и адаптированных к рыночным условиям профсоюзов, которые могли бы реально защитить интересы наемных работников, а также — вследствие специфики интересов значительной части российских предпринимателей, которые стали просто делить собственность, вместо приложения максимальных усилий к развитию производства.

В результате даже в 2005 г. реальные доходы населения составили к уровню 1990 г. лишь 60%². Одновременно сформировалась огромная «прослойка» населения (включая даже значительную часть работающего) с доходами ниже прожиточного минимума. Хотя в последние годы численность таких лиц стала снижаться (не без влияния ускоренного роста смертности среди обнищавших слоев населения), тем не менее, в 2005 г. количество лиц с доходами ниже прожиточного минимума все еще составляло 19 млн. человек.

Поскольку с введением частной собственности население России очень быстро разделилось на небольшую группу собственников и абсолютно преобладающую часть никем не защищенных лиц наемного труда, то за годы реформ в стране сформировались небывалые ранее социальные диспропорции, резко усилилась дифференциация доходов. Если в 1991 г. разрыв в уровнях доходов между 10% самого бедного и самого богатого населения составлял 4,5 раза, то в настоящее время он достиг, по данным Всемирного банка, 20 раз. Наряду с общей по стране чрезвычайно большой дифференциацией доходов определилась и не меньшая дифференциация между отдельными регионами страны, прежде всего — между Москвой и периферией, особенно — между Москвой и Восточными регионами России. К социальным издержкам перехода к частной собственности относят-

---

¹ Всемирный банк. Собственность и контроль предприятий // Вопросы экономики. 2004. № 8. С.4–35.

² Мау В. Экономическая политика в 2005 г.: определение приоритетов / В. Мау // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 5.

ся также резко усугубившееся трудности приобретения жилья, которое теперь стало платным, причем продается в основном по монополюно высоким, недоступным для большинства граждан ценам, трудности получения платного образования, платного медицинского обслуживания и т.п.

О том, что данного рода изменения в социальной сфере являются, прежде всего, результатом перехода предприятий к частной собственности, говорят выводы Счетной палаты: «как показывают контрольные мероприятия Счетной палаты, приватизация не способствовала усилению социальной защищенности работников приватизируемых предприятий и развитию объектов социальной инфраструктуры, а, напротив, в ряде случаев ускорила их разрушение. Средства от приватизации на развитие объектов социальной инфраструктуры практически не поступали. Предприятия и местные органы власти отказались от содержания «непрофильных активов». Поэтому объекты социальной сферы по заниженным ценам приобретались предпринимательскими структурами в целях последующего репрофилирования»¹.

Характерна и общая оценка Счетной палатой происшедших социальных изменений в связи с реформами собственности. «Подводя социальные итоги приватизации,— отмечают эксперты Счетной палаты,— можно отметить, что серьезное падение к концу 90-х гг. XX в. реальных доходов значительной части населения, несомненно, стало одним из самых ощутимых негативных результатов реформы собственности... Социальная эффективность приватизации оказалась крайне низкой»².

Произошедшие изменения в экономике и в социальной сфере не могли не породить у населения страны ощущения глубокого *морального ущерба* в связи с проведенными преобразованиями отношений собственности. Резкое усиление чувства незащищенности, бесперспективности, ненужности обществу, ощущение беспросветности существования могут быть расценены как прямые проявления этого ущерба. Косвенным его отражением является, на наш взгляд, повышение доли лиц, подверженных алкогольной зависимости, наркомании и токсикомании (в первую очередь — среди молодежи), лиц, совершающих преступления (включая преступления повышенной тяжести), лиц, кончающих жизнь самоубийством. Как известно, по всем этим показателям в России произошел многократный рост за годы реформ.

Демографические потери России за годы так называемых «реформ» с 1991 по 2004 гг. составляют порядка 10 млн. человек и обусловлены как увеличением смертности населения, так и сокращением рождаемости. В

---

¹ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 27.

² Там же. С.29, С.31.

результате «совместного» действия данных процессов ежегодная убыль населения в среднем колебалась около 800 тыс. человек. Факт таких массовых потерь населения в мирное время и в отсутствие природных катастроф образно оценивается некоторыми авторами как следствие «демографической войны». За 10 лет, предшествовавших «реформам» среднее число умерших составляло порядка 1,560 тыс. человек, следовательно, превышение числа ежегодных смертей над этим значением следует расценивать как «сверхсмертность». Эти прямые потери от демографической войны за 1992–2000 гг. колебались от 240 до 740 тыс. человек в год¹.

Основным фактором нарастания смертности и снижения рождаемости было резкое понижение жизненного уровня населения. За 1991–1997 гг. инфляция обесценила сбережения и зарплаты в 150 раз. В результате закрытия и разрушения тысяч предприятий промышленности и сельского хозяйства остались без работы и средств к существованию от 4 до 9 млн. трудоспособных людей. Зарплаты, а также и пенсии задерживались на полгода и более. И это притом, что большинство работников ради сохранения рабочих мест продолжали работать! Число лиц, имеющих доход ниже прожиточного минимума в 1992–2000 гг. колебалось от 30 до 50 млн. человек и составляло до 30% населения.

Число смертей от прямого убийства за годы реформ возросло от 22 тыс. до 38 тыс. в год и, следовательно, 16 тыс. жертв ежегодной сверхсмертности должны быть оценены как результат процессов передела собственности, которые стали высокими темпами развиваться в стране вместо здоровой рыночной конкуренции. Появилась новая для России категория «заказных убийств», выросшая за последние годы в 22 раза и, соответственно, импортированная с Запада профессия киллера.

Крайним выражением безнадежности, невыносимости жизненных условий является самоубийство. По данным 1991–2000 гг., число самоубийств в России выросло от 34,2 до 56,9 тыс. в год, и, следовательно, почти 23 тыс. сверхсмертности от самоубийств лежат на совести реформаторов, рекомендовавших для «оздоровления экономики» иметь до 14% безработных. Известно, что «безработица убивает». Характерно, что мужчины кончают счета с жизнью в 6 раз чаще, чем женщины, причем это мужчины в трудоспособном возрасте — 45–59 лет. В сумме смертность в России по неестественным причинам, а точнее, по причине рыночных реформ, превышает средние показатели для Евросоюза в 4,5 раза.

Третьим по значимости «убойным фактором» было спаивание населения. В 1990 г. под лозунгом «трезвость разоряет государство» Съезд народных депутатов принял «алкогольный бюджет», а затем фактически утвердил отказ от государственной монополии на производство и реализа-

---

¹ http://sozidanie-lku.narod.ru/dem_katastrofa.html.

цию алкогольной продукции. Этими решениями была запущена лавина алкоголизации. Цистерны спирта повезли в Россию из Грузии и Азербайджана. В массовых количествах завозился иностранный технический спирт «Рояль». Массово производились дешевые спиртосодержащие жидкости — для «разжигания жаровен», для мытья автомобилей, для обработки полов. Был развернут розлив спирта в бывших цехах Кировского завода, в некоторых НИИ Научных центров в Протвино и Дубны.

Поражение населения страны наркоманией непрерывно растет. Если в 1997 г. было официально зарегистрировано 88 тыс. больных, то в 1999 уже 220 тыс., а в 2004 г. уже 343 тыс. Поскольку, согласно мировому опыту, фактическое число наркоманов обычно в 10 раз превышает число зарегистрированных, эксперты оценивают численность больных примерно в 4 млн. человек, а число лиц, эпизодически употребляющих наркотики — в 10 млн. человек.

Преобразование государственных предприятий в частные сопровождалось (и сопровождается до сих пор) значительными *стратегическими издержками* для России, под которыми мы понимаем, прежде всего, издержки с точки зрения ущерба от приватизации для национальной безопасности страны. Так как инициаторы и организаторы российских реформ при проведении приватизации руководствовались рекомендациями не российских политологов и экономистов, а многочисленных западных «советников» и «консультантов» (среди которых были даже штатные сотрудники ЦРУ), то процесс приватизации с самых его первых этапов проводился не только в пользу российских «олигархов», но и (а иногда даже в основном) в пользу ведущих западных фирм. Видя, как легко и бездумно облеченные полномочиями российские чиновники продают за взятки вчерашнее «общенародное достояние», представители цивилизованного западного бизнеса очень активно стали использовать удачную ситуацию для проникновения в ранее недоступные для них сектора российской экономики, вплоть до наиболее ценных отраслей и производств военно-промышленного комплекса России. При этом часть активов «прибиралась к рукам», часть перепрофилировалась или просто уничтожалась, если это позволяло избавиться от нежелательных конкурентов. История первых лет приватизации российских предприятий изобилует фактами приобретения иностранными компаниями за бесценок таких российских предприятий, которые по закону вообще не подлежали приватизации, но, тем не менее, оказались очень быстро на службе чужих экономик в самых стратегически важных для России областях.

Так как практически на всем протяжении периода реформ (до 2005 г. включительно) не было установлено точных критериев определения стратегической и оборонной значимости конкретных государственных пред-

приятый, то реформаторы имели все возможности произвольно формировать и изменять «запретные перечни» и списки. В результате в 1992 г. было приватизировано без ограничений большое количество предприятий с высокой долей оборонного заказа, в том числе НТК «Союз», г. Москва (доля оборонного заказа — 95,7%), Машиностроительное КБ «Гранит» (85,4%), Иркутское авиационное производственное объединение (85,1%), Нижегородское госпредприятие «Гидромаш» (50,4%) и другие.

Как отмечает, например, бывший председатель Госкомитета по имуществу В.П. Полеванов (стремившийся в свое время объективно информировать «верхи» о безобразных фактах начавшегося процесса приватизации и поэтому быстро уволенный с этой должности), «завод «Компонент», который на 100% выполнял заказы Генштаба, через подставную фирму «Брансвик» оказался скуплен американской фирмой. Она скупила на этом заводе 10% акций, что по нашему закону давало возможность и право вводить своего человека в Совет директоров и на постоянной основе участвовать в работе секретного оборонного российского завода. «Сименс» скупила 28% акций Калужского турбинного завода, который специализировался на изготовлении паротурбинных установок для атомных подводных лодок. «Боинг» и «Сикорский» скупили порядка 30% акций наших вертолетных заводов, тоже военных, выполняющих задание Генштаба, и так далее»¹.

По данным В.П. Полеванова, советник Чубайса — Джонатан Хэй, являвшийся кадровым сотрудником ЦРУ, с помощью своих друзей и самого Чубайса «скупил 30% акций Московского электродного завода, единственного в стране, и НИИ «Графит», который принадлежал этому заводу, который работал в России над технологией изготовления невидимок — бомбардировщиков типа «СТЭЛЗ». (Там в основном графитовое покрытие, которое отражает волны.) И после того, как Джонатан Хэй получил блокирующий пакет акций, он заблокировал заказ военно-космических сил на производство этих высоких технологий и всячески пробивал заказ американского оборонного ведомства, чтобы на этом заводе производилась продукция для бомбардировщиков «СТЭЛЗ»².

Данные и подобные им факты позволили проанализировавшей их Счетной палате Российской Федерации сделать вывод «о негативном влиянии результатов приватизации на обороноспособность страны»³.

Не менее негативными с точки зрения обеспечения обороноспособности России являются, на наш взгляд, также проводимые экспертами Счетной палаты данные о том, с какой легкостью федеральные органы власти фактически способствовали переходу под контроль иностранных лиц объ-

¹ Валянский С. Понять Россию умом / С. Валянский, Д. Калюжный. — М.: Алгоритм, 2001. — С.288.

² Там же. С.289.

³ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 10.

ектов федеральной собственности стратегического значения, поскольку «не контролировался и не контролируется до настоящего времени процесс скупки иностранными лицами пакетов акций стратегически и экономически значимых для России предприятий через подставных лиц на вторичном фондовом рынке»¹. В частности, весьма характерны приведенные Счетной палатой данные о том, как некая американская компания «Nic and Si Corporation» через подставную фирму «Столица» приобрела пакеты акций девятнадцати авиационных предприятий российского оборонно-промышленного комплекса, в том числе 16% акций АО «Курский прибор», 34% акций АО «Авионика», 16,3% акций АО «Тушинский машиностроительный завод», 8% акций МПО им. Румянцева.

Не менее поучительным является приведенный в отчете Счетной палаты пример о том, что «после приобретения американской фирмой контрольного пакета акций курского АО «Кристалл», выпускавшего комплектующие изделия для систем наведения ракетного комплекса «Игла», было прекращено производство специзделий и утрачена уникальная технологическая база»².

Важным направлением нанесения ущерба обороноспособности страны стала начавшаяся чуть ли ни при прямом участии государства практика организации умышленных (искусственных) банкротств среди предприятий оборонной промышленности. Как отмечают эксперты Счетной палаты, «в результате применения для предприятий сферы оборонной промышленности механизма искусственного банкротства к выгоде узкого круга заинтересованных лиц разрушались вполне успешные производства, а сами предприятия и их активы уводились из-под контроля государства, в том числе переходили в собственность нерезидентов. При этом в ряде случаев инициаторами искусственного возбуждения дел о несостоятельности (банкротстве) предприятий оборонно-промышленного комплекса выступали не только коммерческие структуры, но также федеральные ведомства и организации, в том числе государственные предприятия топливно-энергетического и коммунального комплекса»³. Такого же рода предприятия и организации в нарушение требований российских законов продавали иностранным акционерам повышенные доли акций, что характерно, например, для РАО «ЕЭС России», где иностранные акционеры владеют 34,4% акций вместо допустимой по закону доли в 25%.

Российские реформаторы нередко выдают данной деятельности за процесс приобщения России к передовым западным технологиям, инвестициям, прогрессивным методам «сотрудничества» работников и работо-

---

¹ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 12.

² Там же. С.15.

³ Там же.

дателей. Между тем, по оценкам Счетной палаты, надежды на инвестиционную активность иностранных инвесторов не оправдались, более того, отмечено «падение производства и социальной защиты работников на предприятиях, где иностранные инвесторы имели контрольные пакеты акций»¹. Можно бы предположить, что выделенные выше факты — это досадные издержки первых лет реформ. Но, к сожалению, и в последующем подобная практика приватизации продолжалась.

Как отмечает, например, д.э.н. В. Лисичкин, «из-за приватизации по чужайски мы лишились наукоемких производств. Больше всего пострадала «оборонка». А ведь любая военная продукция, которая выпускалась на отечественных компонентах и материалах, соответствовала мировому уровню. Например, композитные материалы, которые применялись в авиации или в ракетостроении, превосходили западные образцы. Америке и сейчас до них далеко. И гидроприводы на самолетах «Боинг» сделаны в России, на Ковровском электромеханическом заводе (КЭМЗ). Их покупает французская компания и ставит свой товарный знак «Made in France». На знаменитом Кировском заводе закрыт 12-й цех — ремонт атомных двигателей подводных лодок, остановлен 8-й цех — производство уникальных гаубиц. Зато на машиностроительном предприятии в Словакии эти же гаубицы производят по нашей технологии и на нашем оборудовании для армии НАТО².

Как показали проверки, проведенные Счетной палатой, распространенной практикой в России стали продажи акций (в нарушение действующего законодательства) иностранным покупателям через посредников. Так, например, в 1997 г. при продаже на инвестиционном аукционе пакета акций, составляющего 40% акций уставного капитала ОАО «Тюменская нефтяная компания», победителем оказалось ЗАО «Новый холдинг», которое контролировалось иностранными юридическими лицами. Акции АО-ОТ «Глюкозопаточный комбинат «Ефремовский» были куплены фирмой «Дикарт», которая является дочерней компанией американской фирмы «Каргилл», 35% акций ПО «Новомосковскбытхим», выпускавшего до 80% синтетических моющих средств в России, были приобретены (с согласия ГКАП) компанией «Проктер энд Гембл Истерн Юроп», являющейся основным конкурентом российского производителя на внутреннем рынке. Вообще, по оценкам Счетной палаты, «Государственный комитет по антимонопольной политике (ГКАП) ни разу не отклонил ходатайства ино-

---

¹ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 31.

² Лисичкин Б. Горе без ума / Б. Лисичкин // Труд. 2003. 24 апреля.

странных (или подконтрольных им) юридических лиц на покупку контрольного пакета стратегически важных для страны предприятий»¹.

С позиций нашего исследования особый интерес представляет последняя из выделенных выше групп издержек — *институциональные издержки*, понесенные Россией в связи с реформированием отношений государственной собственности.

По сравнению со всеми другими выделенными нами группами институциональные издержки, по своему содержанию, очевидно, в наибольшей мере близки к понятию транзакционных издержек. Как известно, транзакционными являются издержки, связанные с преобразованиями прав и правомочий, а изменение форм собственности как раз и проявляется через такие преобразования. Вместе с тем, на наш взгляд, институциональные издержки общества в связи с преобразованиями государственной собственности в частную не совсем идентичны транзакционным. Транзакционные издержки включают в себя очень многообразные составляющие — от издержек поиска информации до издержек оппортунистического поведения, включая даже такие непосредственно относящиеся к смене форм собственности издержки, как издержки спецификации прав собственности и защиты этих прав. Вместе с тем, транзакционные издержки определяются применительно лишь к тем субъектам, между которыми идет обмен правами и правомочиями. Институциональные же издержки, связанные со сменой форм собственности, на рассматриваемом нами макроэкономическом уровне — это издержки всего общества, обусловленные изменением отношений собственности, а не только тех, кто оказался, например, экономически ущемлен частным собственником, или, наоборот, лишился каких-то привилегий, которые ранее предоставляло отдельным экономическим субъектам «общенародное» социалистическое государство. Таким образом, институциональные издержки реформирования отношений государственной собственности представляют собой, на наш взгляд, более емкое по содержанию понятие, чем транзакционные издержки, обусловленные этим же самым процессом реформирования. Или же можно, может быть, разграничить понятия транзакционных издержек, обусловленных изменением форм собственности, на транзакционные издержки в узком и широком смысле слова.

В данном вопросе, на наш взгляд, можно придерживаться разграничения рассматриваемых видов издержек, которые дают В.М. Полтерович² и

---

¹ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 12.

² Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. Полтерович // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–40; Полтерович В.М. Институциональные ловушки есть ли выход / В.М. полтерович // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–15; Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В.М. Полтерович.— М., 1998.

Е.В. Балацкий¹. Эти экономисты считают целесообразным разграничивать трансакционные издержки и издержки институциональной трансформации, причем под первыми понимают издержки взаимодействия агента с партнерами в рамках той или иной нормы поведения, а под вторыми — издержки, которые несут как отдельные хозяйствующие участники, так и государство. На наш взгляд, к этому надо лишь добавить, что издержки, обусловленные институциональными трансформациями, несет также, а может быть в первую очередь, и население страны.

Как представляется, в настоящее время и на перспективу, среди экономистов возможно будут самые различные толкования институциональных издержек, связанных с процессами разгосударствления и приватизация. Не претендуя на их сколько-нибудь полное освещение, считаем, что в составе наиболее значимых для России элементов данных издержек при любых подходах следует выделять такие, которые являются наиболее наглядным подтверждением фактически сложившегося в связи с реформами кризисного состояния института собственности в России. В этой связи к основным институциональным издержкам преобразования государственной собственности в частную целесообразно, на наш взгляд, отнести следующие:

- незавершенность процесса формирования как частной, так и государственной собственности в России, отсутствие четких «спецификаций» и размытость границ различных форм собственности; отсутствие четких представлений у реформаторов о целях и пределах необходимых реформирований отношений собственности в России;
- низкая функциональная эффективность как частной, так и государственной форм собственности;
- неприятие населением в качестве легитимной частной собственности и утрата доверия и уважения к институтам государственной собственности (т.е. отсутствие необходимой «конгруэнтности» между фактическими российскими неформальными нормами и нормами, привнесенными в российскую экономику в порядке «импорта чужих институтов»).

Незавершенность процесса формирования и частной и государственной форм собственности проявляется, на наш взгляд, во-первых, в том, что российское государство за весь период реформ очень мало продвинулось в плане четкого определения конкретной принадлежности различных объектов к той или иной форме собственности, и установлении «желаемой» структуры собственности (т.е. в наибольшей мере отвечающей интересам развития страны). Во-вторых, к проявлениям этой незавершенности мож-

---

¹ Балацкий Е. Государственный сектор в системе макроэкономического регулирования / Е. Балацкий // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С.59– 65; Балацкий Е. Особенности государственного сектора промышленности/ Е. Балацкий // Экономист. 2002. № 6. С. 3–7.

но, очевидно, отнести формирование в России широкого круга институциональных ловушек, выделяемых В.М. Полтеровичем в качестве специфических непредвиденных результатов макроэкономического регулирования российской экономики, допускаемых реформаторами (и исполнителями их решений) либо вследствие отсутствия необходимого опыта, либо из-за специфически используемых концептуальных подходов.

То, что значительная часть экономических объектов в России до сих пор, несмотря на непрерывное реформирование всех сфер и по всем направлениям, остается фактически бесхозной, отмечается многими отечественными экономистами. Например, по мнению Е.В. Устюжиной, хотя природные ресурсы России (недра, воды, леса, воздушное пространство и т.д.) формально находятся в государственной собственности, на практике нередко наблюдается больше оснований для характеристик их как «ничейного имущества» или как объектов, «исключенных из гражданского оборота». Такой вывод напрашивается из того, что до сих пор ни в теории, ни в реальном механизме управления «не даны ответы на следующие основные вопросы:

1. Кто является собственником природных ресурсов России (государство, общество, граждане, союз публичного права)?
2. Как реализуется право собственника на доход с его имущества?
3. Чем обеспечены обязательства пользователей данного имущества?
4. Каким образом исчисляется доход от собственности?
5. Как должны использоваться доходы от общественного имущества?»¹.

Фактически об этой же бесхозности самого главного для России имущества — ее недр, говорит в течение всех лет реформ академик Д.С. Львов. По мнению Н. Попадюка, «по-взрослому сформулированное право, зафиксированное законами, прошедшими международную экспертизу, до сих пор оставляет вне правового поля немалую часть российской экономики»². Частная же собственность, провозглашенная сейчас в Гражданском кодексе РФ, является, с позиций этого автора, лишь желаемой, а не фактической формой. Фактически же, по мнению Н. Попадюка, в России никогда не было настоящей частной собственности. «Ввиду отсутствия отечественных аналогов реальной частной собственности, — отмечает автор, — за нее принимались формы собственности, частными не являющиеся»³. Вместо частной, значительная, если не основная часть экономико-

¹ Устюжина Е.В. Отличительные особенности и актуальные проблемы становления института собственности в РФ / Е.В. Устюжина // Собственность и рынок. 2004. № 5. С. 4.

² Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 145.

³ Там же.

правовых и реально-имущественных отношений в современной России регулируется, по мнению автора, так называемым «обычным правом», которое «кодифицируется неписаными нормами, в том числе и на уровне «чисто конкретных понятий».

«Между нормами Гражданского кодекса и экономической реальностью в России существует, как полагает автор, «пласт» реальных отношений, со своими объективными закономерностями функционирования и соответственно своим правом. Этот слой известен как «серые схемы», полулегальный или самый «обыкновенный бизнес», — словом, все то, что власть приглашает «выйти из тени»¹. О нечеткости, размытости прав собственности в России говорят и многие другие экономисты. Например, по мнению В.Д. Свирчевского и В.П. Чеботарева, в современной России «нет четких различий между частным и общественным, между государством и бизнесом»².

Если официально провозглашенная собственность не соответствует фактической (собственность *de jure* не отражает собственность *de facto*), то отношения собственности только за счет уже этого обстоятельства можно характеризовать как находящиеся в состоянии кризиса. Ведь экономические субъекты при такой «размытости» содержания и структуры собственности лишены самого главного — уверенности в том, что результаты их экономической деятельности достанутся именно им, будь то непосредственно сами собственники или те, кто получает какое-либо имущество во временное владение и пользование. Как отмечают экономисты, «в рамках института условной собственности... не может развиваться ни промышленность, ни сельское хозяйство, ни наука, ни образование»³.

Незавершенность формирования новых институтов собственности проявляется и в многочисленных «институциональных ловушках», под которыми В. Полтерович понимает неэффективные нормы, возникающие в ходе реформ и, к сожалению, закрепляющиеся надолго в экономике. Одной из таких ловушек является склонность к бартерным сделкам (в первые годы реформ), а в настоящее время — искусственно провоцируемые процедуры банкротства огромного круга жизнеспособных российских предприятий.

Что касается низкой эффективности новой частной собственности в России, то выше мы уже приводили данные о том, как снизилась с переходом к частным владельцам производительность труда в отечественных

---

¹ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 146.

² Свирчевский В.Д. Госсобственность: достояние страны или источник обогащения менеджмента / В.Д. Свирчевский // Собственность и рынок. 2004. № 3. С. 10.

³ Устюжина Е.В. Отличительные особенности и актуальные проблемы становления института собственности в РФ / Е.В. Устюжина // Собственность и рынок. 2004. № 5. С. 6

нефтяных компаниях¹. Аналогичным образом повлияло реформирование собственности на производительность труда и в большинстве других отраслей российской экономики. Если до реформ статистические сопоставления с США показывали, что производительность труда в промышленности СССР отставала от уровня данного показателя в США примерно в два раза, то теперь экономисты фиксируют четырехкратное отставание России от США². При этом эффективность частной собственности в России должна оцениваться, на наш взгляд, не только с чисто экономических, но и с более широких, социально-экономических позиций. В этой связи представляется целесообразным учитывать также степень совпадения экономических интересов новых частных собственников с интересами укрепления и ускорения развития экономики России, а не экономик чужих стран за счет России. Одним из характерных для периода реформ проявлений несовпадения интересов частных фирм с общероссийскими является широко распространившаяся практика «увода» доходов, получаемых в России за границу. Например, по данным Счетной палаты, в 2002 г. вся прибыль, полученная ОАО «Сибнефть», «практически в полном объеме в виде дивидендов направлялась за рубеж. В 2001 г. иностранным компаниям-акционерам ОАО «Сибнефть» было перечислено 29,0 млрд. рублей, что эквивалентно выручке ОАО «Сибнефть» от экспорта нефти³. Именно такого рода факты в совокупности приводят к ежегодным потерям российского капитала в виде «утечек» за границу в размерах от 10–12 до 25 млрд. долл.

Если к этим данным добавить богатейшую информацию о масштабах «недоплат» частных собственников государству в момент приватизации, растаскиваний частными предприятиями государственного имущества, взаимных неплатежей, уклонениях от уплаты налогов, строительстве мошеннических схем обогащения «дочерних фирм», зарубежных филиалов, посреднических структур и т.п., то нельзя, очевидно, не признать чрезмерно мягкими выводы отечественных экономистов о том, что «приватизация (т.е. становление новой частной собственности в России) не принесла обществу и государству сколько-нибудь существенного положительного результата»⁴. Фактически речь должна идти об огромных потерях общества в связи с переходом к такой частной собственности (без необходимых общих цивилизационных рамок, а лишь по правилам «дикого» капитализма в его худших вариантах и проявлениях) и необходимости получить отчет от

---

¹ Львов Д.С. Об эффективной системе недропользования / Д.С. Львов, С.А. Кимельман // Экономическая наука современной России. 2005. № 4 (31). С. 18.

² Там же.

³ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 26.

⁴ Свирчевский В.Д. У больших денег нет хозяина. Особенности формирования частной собственности в России / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // Собственность и рынок. 2004. № 7. С. 6.

новых собственников о причинах неэффективного использования доставшегося почти даром от щедрого государства бывшего «общенародного достояния».

Не повысилась за годы реформ и эффективность государственной формы собственности. При этом представляется важной не столько низкая экономическая эффективность работы государственных предприятий (широко обсуждаемые в печати факты о втрое завышенной численности работающих на этих предприятиях, необновляемой технико-технологической базе, неконкурентоспособности продукции и т.п.), хотя и это, безусловно, является очень важным ущербным для экономики фактом. Еще более важным представляется происшедшее за годы реформ «выхолащивание» главного назначения государственной собственности — использоваться в интересах развития национальной экономики и роста благосостояния русского населения.

В этой связи низкую эффективность государственной собственности, на наш взгляд, так же как и эффективность института новой частной собственности, необходимо рассматривать не только с микроэкономических, но и с более широких, макроэкономических позиций. В целом комплекс макроэкономических ущербов от «слабого» института государственной собственности в России за период реформ должен, очевидно, стать предметом самостоятельных исследований широкого круга экономистов и юридических органов. В рамках данной работы представляется необходимым выделить лишь наиболее очевидные проявления неэффективности государства как собственника и отсюда — неэффективности самой государственной собственности как «носителя» и «инструмента» реализации целей государства и общества.

Во-первых, российская государственная собственность оказалась неэффективной уже потому, что государство в России в отличие от государств большинства других стран бывшего «социалистического содружества» продавало эту собственность в период приватизации за совершенно ничтожные суммы, которые в ежегодных доходах государства не превышали, в среднем за период 1993–2003 гг. 1%¹. Таким образом, государственная собственность оказалась неэффективной уже в том смысле, что продавалась и раздавалась даром или почти даром в период приватизации. Реформаторы, как известно, объясняют это обстоятельство тем, что у российских экономических субъектов не было в тот период крупных капиталов, между тем как демонтировать государственную собственность было необходимо «любой ценой» ради разрушения ее монополии. Если это так, то что мешало государству в последующем заставить новых частных вла-

---

¹ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 26.

дельцев «доплатить» за полученное за бесценок чужое имущество тогда, когда по числу миллиардеров Россия вышла (с 2004 г.) на второе место в мире после США. Вместо этого российское государство установило для них, как и для нищего населения, подоходный налог в 13%. Между тем, продав государственную собственность (причем, наиболее эффективные предприятия) за бесценок, государство фактически преопределило и низкую экономическую эффективность ее использования новыми частными владельцами, т.к. сделало невыгодными вложения в модернизацию даровых предприятий, раз можно получать даровой доход. Во-вторых, любой собственник является эффективным тогда, когда он в состоянии получить в свою пользу доход, приносимый его собственностью. Между тем, в России государственная собственность исправно «недополучает» полагающиеся государству доходы. Как отмечает Е.В. Устюжина, «интересы государства как собственника ежедневно и ежечасно нарушаются... Доходы от деятельности подконтрольных государству монополистов (Газпром, РАО ЕЭС, ОАО «Российские железные дороги» и т.д.) оседают в карманах частных лиц... Доходы государства от использования государственного имущества составляют около 2% федерального бюджета»¹. О таких же фактах говорят и выводы экспертов Счетной палаты, анализировавших итоги приватизации за период 1993–2003 гг. «Государство,— отмечается в выводах данных экспертов,— не смогло стать эффективным собственником. Несмотря на крупные пакеты акций нефтегазовых и иных энергетических компаний, принадлежащих государству, соответствующие акционерные общества являлись самыми крупными неплательщиками налогов в бюджеты, при этом имея большое количество льгот и преференций, выданных Правительством Российской Федерации. Оно не сформировало эффективную систему управления пакетом акций, находящихся в федеральной собственности, а отсутствие контроля и мониторинга за работой акционерных обществ со смешанной собственностью (с участием государства и частного капитала) привело к размыванию государственных пакетов акций и снижению их стоимости. Институт государственных представителей в органах управления акционерных обществ с государственными пакетами акций оценивается как неэффективный»².

Такую же оценку институту представителей государства дают многие отечественные экономисты. Так, по мнению В.Д. Свирчевского, «механизм управления акциями (государственных предприятий) через существующий

---

¹ Устюжина Е.В. Отличительные особенности и актуальные проблемы становления института собственности в РФ / Е.В. Устюжина // Собственность и рынок. 2004. № 5. С. 4.

² Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 9.

институт представителей государства...не позволяет в полной мере реализовывать задачи, стоящие перед экономикой страны»¹.

Еще более резкую негативную оценку сложившейся системе формального участия государства (через своих представителей) в управлении и распределении доходов совместных с частным сектором предприятий, дает Е.В. Устюжина. «Присутствие представителей государства в Советах директоров акционерных обществ,— отмечает автор,— не мешает превращать эти общества в пустые оболочки путем создания многочисленных дочерних и внучатых обществ, реорганизаций, использования вексельных схем расчетов и процедур банкротства»².

В-третьих, госсобственность является неэффективной на макроуровне также потому, что не используется в целях реализации интересов экономики и населения, а с очевидностью просто «обслуживает» интересы чиновников, причем, не как представителей государства, а как фактических частных владельцев и пользователей общественного имущества. Весьма характерно, например, приводимое в печати интервью директора одного из современных российских государственных предприятий, который с горечью описывает фактическое назначение своего предприятия в современных условиях хозяйствования как инструмента удовлетворения частных нужд министерских чиновников. Как отмечает директор, федеральные государственные унитарные предприятия (ФГУПы), к которым относится и возглавляемое им предприятие, «рассматриваются руководителями министерств как актив для удовлетворения личных нужд (проведения через их балансы представительских расходов, расходов на поездки и т.п.), либо как ресурс для оплаты тех или иных услуг частных коммерческих структур, с которыми ФГУПу рекомендуется установить деловые отношения вне зависимости от того, насколько они экономически оправданы»³.

Все выше перечисленные виды издержек представлены в виде следующей схемы (см. рис. 2.1). Поскольку одним из особо важных и недоучитываемых государством институциональных издержек являются издержки, связанные с неприятием основной частью населения новых институциональных норм, характеристика этих издержек рассматривается в рамках отдельного параграфа.

---

¹ Свирчевский В.Д. Госсобственность: достояние страны или источник обогащения менеджмента / В.Д. Свирчевский // Собственность и рынок. 2004. № 3. С. 15.

² Устюжина Е.В. Отличительные особенности и актуальные проблемы становления института собственности в РФ / Е.В. Устюжина // Собственность и рынок. 2004. № 5. С. 2–9.

³ Яновский К. Размеры государственного сектора экономики / К. Яновский // Вопросы экономики. 2004. № 9 С. 34.

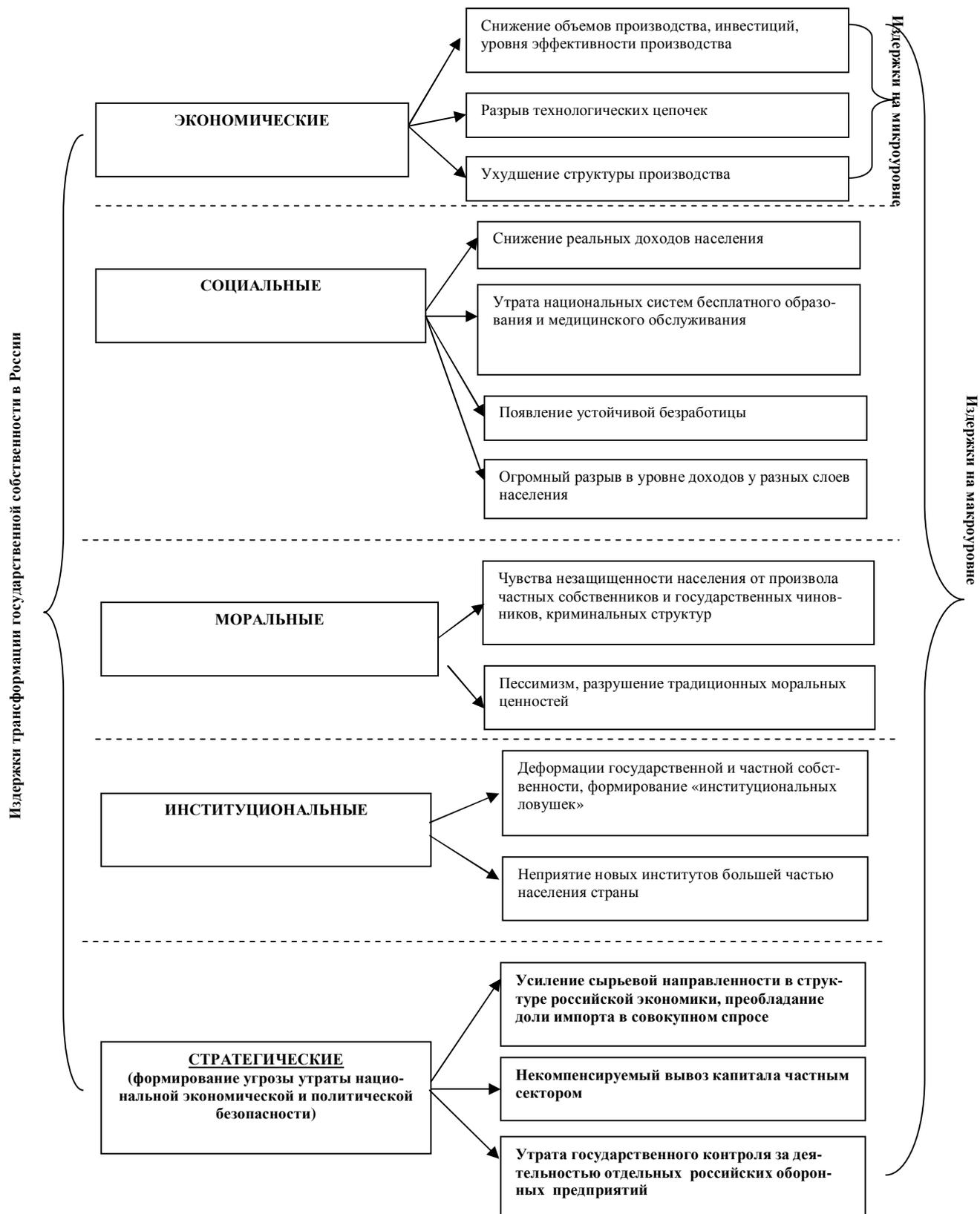

Рис. 2.1 Издержки трансформации государственной собственности

Издержки, как известно, необходимо сопоставлять с полученными благодаря им результатами. Поскольку в российском обществе произошло резкое расслоение в связи с реформами, то и результаты оцениваются в разных социальных слоях неодинаково. Все же, если учесть круг и характер отмеченных издержек, то нельзя, очевидно, не признать, что пока издержки реформирования государственной собственности в России намного превышают фактические позитивные результаты (наличие которых, по разным оценкам, признается не более чем 10–20% населения)¹.

Появившаяся в последние годы положительная динамика в отдельных направлениях развития (некоторое повышение темпов роста ВВП, увеличение притока инвестиций) пока не позволяет делать выводы о качественном переломе сложившейся ситуации.

2.3 Нарушение траектории институционального развития в условиях реформирования государственной собственности

Неудовлетворительные итоги рыночных реформ в России позволяют предположить, что реформаторы не только и не просто проявляли некомпетентность, допустили развал и прямой грабеж собственной страны, но и нарушили (или не учли) какие-то очень важные общественные устои, нормы и правила жизнедеятельности населения, что в принципе исключает возможность перехода к стабильному и эффективному ускоренному развитию. В качестве одного из таких нарушений устоев общества является, на наш взгляд, то, что в ходе российских реформ не была учтена должным образом так называемая *траектория институционального развития экономической системы страны*. Понятие этой траектории, как известно, выделяется современными институционалистами, и, приобретает, по их мнению, особую актуальность в тех случаях, когда в страну импортируются чужие общественные институты и надо проводить анализ степени эффективности этого институционального импорта. Данная эффективность зависит, как полагают институционалисты, от степени и характера конгруэнтности (совместимости) господствующих в стране-импортере неформальных и формальных норм и импортированных норм, которые начинают функционировать на базе и во взаимодействии с национальными нормами². Если существуют общие тенденции развития национальных и импортируемых норм (конгруэнтность), то эти нормы начинают сближаться друг с другом, на основе чего может сформироваться их позитивная конвергенция, т.е. взаимообогащение норм с положительным результатом для обще-

---

¹ Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения.– 2006.– январь-февраль.– С. 10–13.

² Олейник А.Н. Институциональная экономика. Учебное пособие / А.Н. Олейник. — М.: ИНФРА-М, 2002.– С. 206.

ства. Если же имеет место неконгруэнтность, рассогласованность импортируемых и традиционных неформальных норм, то вместо позитивного результата — ускорения развития экономики — «сосуществование» чужих и национальных норм будет лишь замедлять институциональное развитие и развитие экономики и общества¹. При этом в перспективе возможно как постепенное сближение несовпадающих норм, так и все большее их «расхождение» с усугубляющимися для экономики и общества негативными последствиями.

Точку зрения о том, что реформы в России были проведены путем «непродуманного насаждения» чужих институтов в угоду лишь небольшой, оторвавшейся от интересов страны, группы политиков и преследующих эгоистические (в значительной части антироссийские) интересы хозяйствующих субъектов, разделяют многие отечественные экономисты. Как отмечают исследователи, новые институты в России формировались в ходе реформ «не естественным, эволюционным путем, а строились на основе заимствованных из стран с развитой рыночной экономикой и наскоро приспособленных к отечественным условиям институциональных проектов»². Такие искусственно насажденные, «сформированные по воле государственных органов институты работают совсем не так (если вообще работают) и приводят к совершенно иным результатам, чем те, которых от них ожидали и которые естественным образом возникают в развитой рыночной экономике»³.

В качестве одного из очевидных несоответствий фактических результатов реформ намечавшимся К.Х. Зоидов выделяет сложившееся положение именно с собственностью. Вместо ожидавшейся эффективной частной собственности, которая поможет «исправить» все несовершенства и пороки плановой экономики, Россия, по мнению К.Х. Зоидова, получила «олигархизацию крупной собственности и общую криминализацию экономики, причем обе эти две «составляющие» приняли устойчивый институциональный характер, стали нормальными институтами ненормальной экономической системы, подпитывая ее перманентное кризисное состояние»⁴. Реально сформировавшаяся в России частная собственность в значительной своей части оказалась «институциональной основой «дикого», криминализованного, недемократического капитализма с крайне жесткой эксплуатацией человеческих и природных ресурсов»⁵. Данная сформировав-

---

¹ Олейник А.Н. Институциональная экономика. Учебное пособие / А.Н. Олейник. — М.: ИНФРА-М, 2002. — С. 211.

² Зоидов К.Х. Уроки трансформационного кризиса / К.Х. Зоидов // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 50.

³ Там же. С.51.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

шаяся реальность приводит к постоянному воспроизводству в обществе «антикапиталистической ментальности», т.е. к восприятию основной частью населения страны частной собственности как чужеродного социального института, которому население стремится если не противостоять открыто, то оказывать скрытое сопротивление.

Так как собственность общепризнанно является главным институтом в экономике и обществе, то неприятие населением этого института не позволяет, на наш взгляд, рассчитывать на успешное социально-экономическое развитие России в XXI в. Фактически, как представляется, население России, с одной стороны, не может признать легитимной «прихватизированную», да к тому же плохо используемую, частную собственность, а с другой, не может смириться с происходящим изменением социально-экономической природы государственной собственности, т.е. с тем, что она теперь используется не в интересах общества, а находится «в подчинении» олигархической бизнес-элиты, решающей проблемы своего обогащения за счет данной собственности. С позиций населения, реформаторы навязывают экономике очевидно порочный вариант частной собственности (наглядно подтверждающий такую его оценку фактическими итогами развития частного сектора) и в то же время демонтируют хотя и не всегда эффективный, слишком жесткий и «забюрократированный», но необходимый в российских условиях институт государственной собственности. Имеется широкий круг экономистов, разделяющих данную точку зрения, т.е. полагающих, что произведенный реформаторами искусственный и единовременный «демонтаж» государственной собственности, причем не столько с экономических, сколько с конъюнктурных политических соображений, не мог не привести к негативным последствиям для российской экономики и общества». Напоминая о давности традиции обеспечения ведущей роли государственной собственности в нашей стране, некоторые исследователи подчеркивают, что «в России с ее извечным доминированием власти над обществом роль государства всегда *была, есть и будет определяющей*»¹, и что «культурно-историческая традиция контроля общества государством является имманентной всей истории России»².

Для пояснения значимости проблем импорта чужих институтов в ту или иную национальную экономику представляется целесообразным рассмотреть используемый Б.А. Ерзнкяном подход к импортированию институтов как к контрактному процессу, происходящему между двумя сторонами — страной-покупателем и страной (или странами)-продавцом соци-

---

¹ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 144.

² Там же. С. 145.

альных технологий (института собственности)¹. В качестве покупателя может выступать любая страна, которая надеется преодолеть с помощью чужих институтов какие-то ограничения национальной экономики, а в качестве продавца — или отдельная (представляющаяся образцом для подражания) страна, или группа стран или «виртуальный глобальный мир», который будет играть роль «природы» в своеобразной игре по поводу приобретения и использования чужого института.

В качестве основных параметров в такого рода «игре» автор выделяет *цену* импортируемых социальных технологий, *специфичность* исторического пути развития «принимающей» страны и *гарантии*, или *защитные механизмы*, т.е. механизмы по защите национальных прав собственности в принимающей стране.

Специфичность прав собственности в данной стране обозначается символом $k > 0$, а общность этих прав с общепринятой мировой практикой — символом $k = 0$. Наличие в принимающей стране механизмов защиты прав собственности от внешних разрушительных воздействий обозначается символом $s > 0$, а отсутствие таких механизмов — $s = 0$. «Цены безубыточности» импорта чужих институтов обозначаются символом P .

За основу берутся три варианта контрактов А, В и С, каждый из которых имеет свое значение цен безубыточности приобщения к более эффективным чужим институтам (см. рис. 2.2).

Применение такой схемы может облегчить, по мнению автора, сравнительный институциональный анализ сдвигов в собственности в связи с импортом институтов, т.к. все три выделяемых параметра для решения поставленной задачи являются взаимозависимыми параметрами глобализационных контрактов.

В качестве варианта А автор рассматривает вариант, когда страна импортирует институты, идентичные глобальным или совместимые с ними. Спецификация и защита прав собственности в этом случае будет осуществляться международными, наднациональными организациями, поэтому нет необходимости в разработке национальных механизмов защиты этих прав. Эффективность такого импорта может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус, и ожидаемая цена безубыточности будет неопределенной в зависимости от того, какой вариант — A_1 или A_2 — будет реализован. При варианте A_1 импорт формальных институтов не отторгается собственными неформальными организациями и институциональной средой, издержки импорта относительно невелики, государство фактически — не нужно и, следовательно, может быть слабым. При использовании варианта A_2 импортированные институты не стыкуются с национальными. Общество не-

---

¹ Ерзнкян Б.А. Развитие института собственности в условиях глобализации / Б.А. Ерзнкян // Экономические науки современной России. 2004. № 3. С. 26.

сет значительные транзакционные издержки для этой состыковки, причем они не дают нужного результата. Экономика находится в состоянии «черной дыры».

Вариант В характеризуется автором как «неустойчивые социальные технологии». Механизмы по защите прав собственности в данном варианте не предусматриваются. Цена $\bar{p}$ в краткосрочном периоде представляется относительно низкой из-за экономии на защитных механизмах, но в долгосрочном периоде может весьма существенно вырасти. Т.к. этот вариант характеризуется неустойчивостью институтов собственности, то он рассматривается как вариант, который может трансформироваться в варианты А и С. Как полагает автор, современную Россию можно рассматривать как типичный пример страны, оказавшейся в ситуации В, т.к. она избрала неверную реформаторскую модель, отодвинувшую «нашу страну на обочину глобализируемого мирового хозяйства»¹.

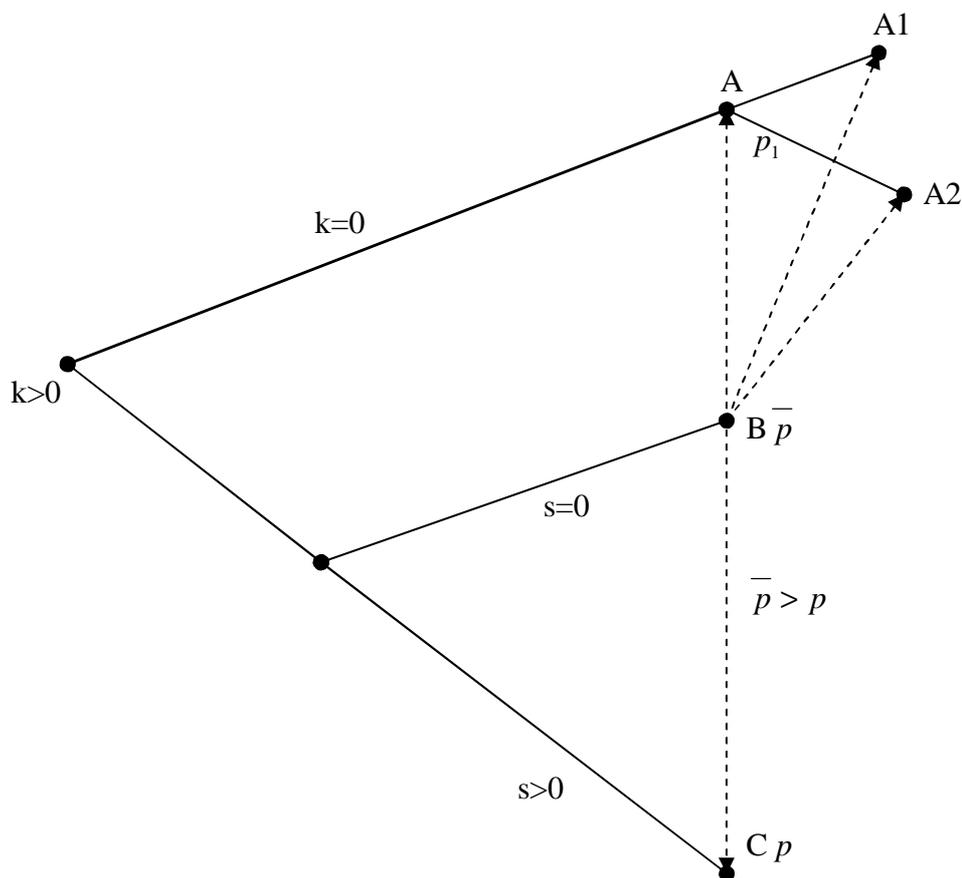

Рис. 2.2 Простая схема глобализационного контракта Б.А. Ерзнкяна

¹ Бляхман Л. Глобализационное измерение реформы и задачи промышленной политики / Л. Бляхман, М. Кротов // Вопросы экономики. 2001. № 3. С. 12.

Устойчивые и эффективные социальные технологии представлены на приведенном графике вариантом С. Исторический путь развития страны в этом варианте и, соответственно, ее институты собственности, предполагаются специфическими и активно поддерживаемыми гарантиями и защитными механизмами общества. Права собственности в данном варианте характеризуются как надежно защищенные. Цена глобализации предполагается более высокой, чем в варианте В, т.к. государство не экономит на спецификации и защите прав собственности. В качестве примеров такого рода стран автор приводит США, Японию и страны ЕС.

Для того, чтобы охарактеризовать выбираемые странами стратегии развития институтов собственности, в графике используются траектории, ведущие из одного состояния в другое, представленные в виде векторов развития социальных технологий. Выделенные векторы ВА и ВС автор рассматривает с позиций возможных вариантов преодоления институционального кризиса (ситуации В) в современной России.

При таком подходе вектор ВА рассматривается как вариант импорта Россией чужих институтов собственности с отказом от своего исторического пути развития, причем, с позиций автора, для России очень велика вероятность вектора ВА₂, т.е. переход к устойчиво-неэффективным социальным технологиям. Этот вариант фактически реализуется сейчас в России.

Выбор вектора ВС означал бы для России импорт институтов собственности без отказа от исторического пути развития. Такой вариант привел бы к формированию в России устойчиво-эффективных социальных технологий. Как отмечает автор, для России — это единственно приемлемый путь. Он желателен, трудно осуществим, но достижим (вероятность его реализации выше нулевой). Реализация такой стратегии требует, конечно, больших затрат, т.к. «импорт институтов — по определению — затратный процесс»¹. Как отмечает Б.А. Ерзнкян, для России естественным источником реализации рассматриваемого выгодного варианта импорта институтов собственности является ее природная рента. Необходимо лишь, чтобы эта рента рассматривалась и использовалась не так, как в современной России (как источник удовлетворения нужд новых частных владельцев российских сырьевых компаний), а — в соответствии с концепцией национального имущества и национального дивиденда, разрабатываемой акад. Д.С. Львовым, т.е. как всеобщее национальное благо, которое должно обеспечивать рост благосостояния всех граждан.

Считая в целом очень интересным и перспективным подход к характеристике возможных вариантов выбора направлений импорта институтов,

---

¹ Ерзнкян Б.А. Развитие института собственности в условиях глобализации / Б.А. Ерзнкян // Экономические науки современной России. 2004. № 3. С. 29.

предложенный Б.А. Ерзнкяном, полагаем лишь, что не совсем оправданной является форма треугольника для характеристик различий между рассматриваемыми вариантами импорта институтов. Затратный вариант С оказывается в нижней части графика, хотя цена этого варианта значительна. В то же время вариант BA_2 (самый неэффективный из представленных) располагается в верхней части графика, так что спад эффективности в связи с импортом чужих институтов представляется все же продвижением вверх и выглядит как лишь маловажный незначительный «сбой» в деятельности эффективной экономики. На наш взгляд, в качестве одного из вариантов схемы выражения возможных характеристик «глобализационного контракта» может быть использована предлагаемая нами схема, представленная на рис.2.3.

В предлагаемом варианте в график введена вертикаль, обеспечивающая выражение сложившегося на данный момент уровня эффективности ($\mathcal{E}_f$) в рассматриваемых странах, сравнение издержек защиты национальных институтов (S) с позитивным эффектом для экономики от импорта чужих институтов ($\mathcal{E}_v$).

В результате институциональное состояние России на период начала реформ, характеризующееся специфическими институтами собственности ($k > 0$), но оставшимися без защиты ($S = 0$), и низким уровнем их эффективности ($\mathcal{E}_f$), отражено на графике расположением варианта В таким образом, что большая часть ребра MN_p «квадрата России» приходится на отрицательные значения показателей, отражаемых вертикалью графика. У благополучных развитых стран, опирающихся на специфический исторический путь развития своих институтов собственности и имеющих защищающие их механизмы, отрезок MN проходит в основном выше нулевых значений, причем сложившийся уровень эффективности институтов превышает затраты на их поддержание, а позитивные эффекты от приобщений чужих институтов (если бы они вдруг понадобились) обеспечили бы дальнейший рост $\mathcal{E}_f$.

Отрезок MN отстающих стран проходит на нашем графике ниже нулевых значений показателей по вертикали. Эти страны не сочли целесообразным или оказались не в состоянии защищать свои национальные институты, в результате чего общее состояние сложившихся институтов («навязанных» глобализацией) характеризуется как неэффективное ($\mathcal{E}_f < 0$).

Если Россия будет по-прежнему (как и первое десятилетие реформ) идти по тому же (либеральному) пути импорта западных рыночных институтов, без защиты своей траектории, она окажется с институтами, еще менее эффективными, чем в большинстве отстающих стран.

В случае, если Россия сможет реализовать вариант С, т.е. возьмет позитивные элементы чужих институтов, но будет использовать их, не отка-

зываясь от своей исторической траектории развития, ее устойчивый уровень эффективности институтов будет положительным и превышающим издержки по защите. В результате позитивные эффекты от импорта институтов могут превышать устойчивый уровень эффективности. Как видно из графика, в случае реализации варианта С Россия могла бы получить в целом более эффективное состояние институциональной среды, чем даже данная среда в современных развитых странах (по вертикали отрезок MN будущей России, проходит немного значительнее, чем MN западных стран).

Разумеется для того, чтобы Россия смогла реализовать вариант С, необходимо четкое представление о требуемых направлениях ее развития. В этой связи, на наш взгляд, необходимо вернуться к выделенной нами в конце первой главы функции современной государственной собственности как инструмента обеспечения модернизации и роста конкурентоспособности национальной экономики.

Если с учетом проведенного анализа издержек, понесенных Россией в период реформ, попытаться оценить возможности современной российской государственной собственности в плане обеспечения ускорения процесса модернизации и роста конкурентоспособности российской экономики, то, очевидно, нельзя не признать, что эти возможности существенно изменились и по ряду направлений резко снизились даже по сравнению с возможностями хозяйственного механизма застойной плановой социалистической экономики.

В связи с возвращением к проблеме обеспечения процесса ускорения модернизации российской экономики применительно к современным условиям хозяйствования, представляется целесообразным обратиться к характеристике влияния государственной собственности на процессы «догоняющей модернизации» в России, данной С. Валянским и Д. Калюжным. Согласно позициям данных авторов, самым важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при анализе российского механизма обеспечения задач «догоняющей модернизации», является понимание скачкообразности этого развития. Как отмечают авторы, «в нашей истории время от времени происходили «мобилизационные периоды», или «рывки», вызванные отставанием России от других стран, и возникающими из-за этого геополитическими проблемами. Как правило, такой геополитической проблемой становилась военная угроза для страны»¹. «Рывков», по мнению авторов, в истории России было не так уж много, а самых крупных за последние пятьсот лет было три — в момент становления централизованного русского государства, в период становления российской империи и в период становления СССР как индустриальной державы.

---

¹ Валянский С. Понять Россию умом / С. Валянский, Д. Калюжный. — М.: Алгоритм, 2001. — С.426.

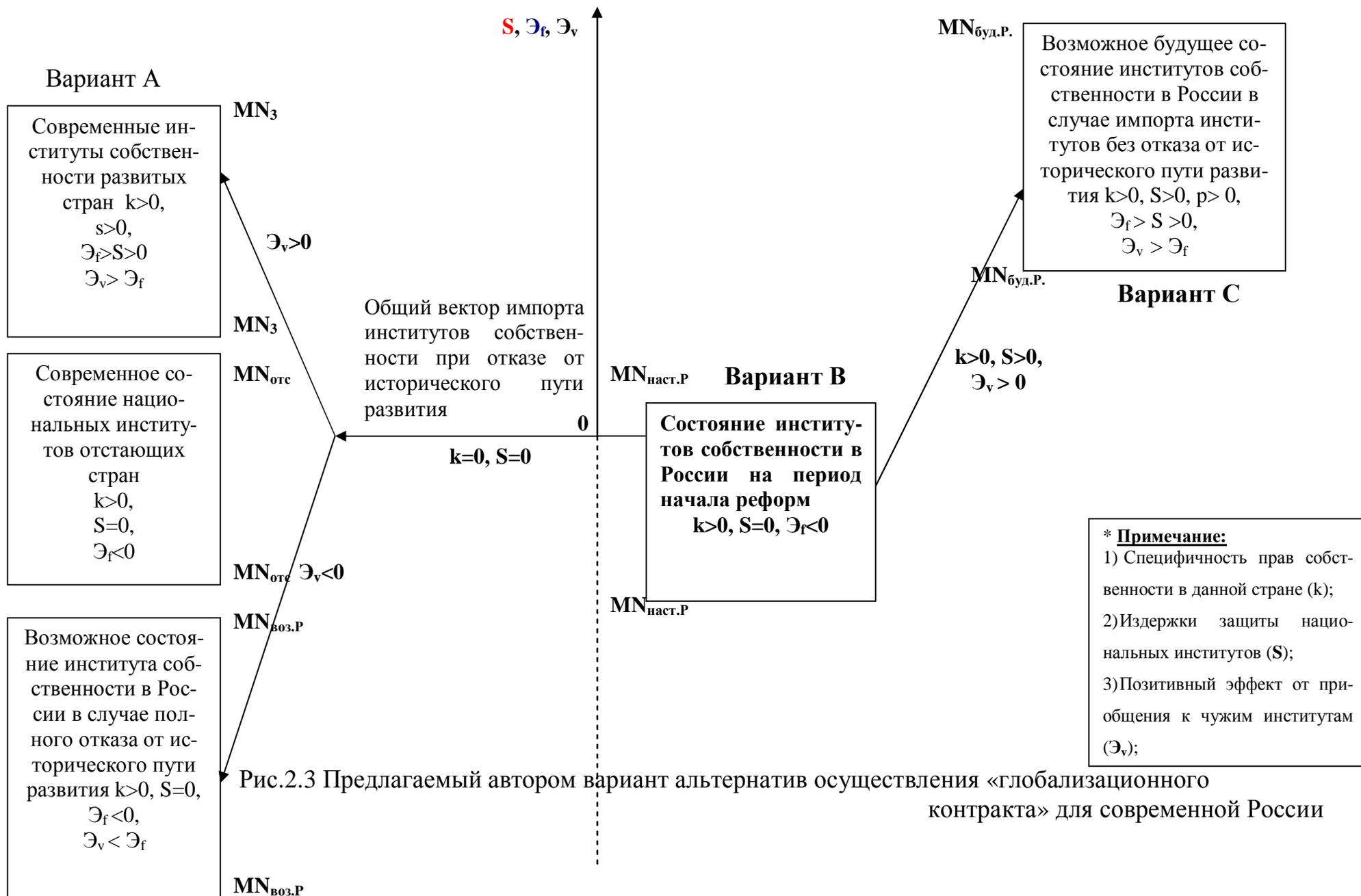

Рис.2.3 Предлагаемый автором вариант альтернатив осуществления «глобализационного контракта» для современной России

В эти периоды в России достигалось некоторое согласие между народом и его политической элитой по ускоренному развитию. В результате мобилизации и рывка Россия подтягивалась по основным параметрам развития к уровню ведущих мировых держав. Причем, в эти моменты в России происходило столь колоссальное напряжение сил, что результатов хватало не только на решение основной задачи, но еще столько же оставалось, чтобы «разбазаривать» (разворовывать) резко приумножившееся национальное достояние. В результате, отмечают авторы, «как раньше царю Ивану Грозному, так и Петру I приходилось казнить «внутренних врагов» толпами. Не избегнул этого и Сталин»¹. Одним из последствий этих «рывков» и «сверхмобилизации» усилий общества, по мнению авторов, было то, что в народной памяти оставались, прежде всего, лишения, перенесенные в годы правления тех или иных «грозных» правителей, а полученные при них результаты (качественные рывки, обеспечивающие путь к прогрессу) считались само собой разумеющимися. Общество, достигнув сверхвысокой ценой прогрессивной динамики развития, начинало несколько расслабляться, приходя в себя от пережитого напряжения и огромных потерь. Но в этой связи неизбежным становилось очередное отставание и, следовательно, очередной, требующий колоссальных усилий рывок с присущим ему очередным вариантом мобилизационного режима для населения, усилением директивных методов регулирования и, соответственно, ростом доли государственной собственности в экономике.

В последние десятилетия XX в. Россия, как полагают С. Валянский и Д. Калюжной, опять оказалась фактически в условиях, когда стал необходим очередной качественный рывок в ее модернизации. Тот тип экономической системы и та государственная собственность, которые обеспечивали стране возможность успешно осуществить индустриализацию, не подходят к взятию рубежей постиндустриальной стадии. Постиндустриальную экономику невозможно построить с помощью тотального огосударствления, казарменной дисциплины, дармовых рабов ГУЛАГа (этого страшного позора планового периода экономики), призывов к бесконечному терпению ради светлого будущего. Вместе с тем, отказ от командно-административной экономики не обязательно должен означать для России отказ от государственного регулирования, и в том числе от государственной собственности, вообще. Напротив, история многих стран убеждает, что для осуществления подобных рывков роль государства и государственной собственности в экономике должны усиливаться.

Начав в 90-е гг. прошлого века вместо необходимый модернизации госсектора (в целях обеспечения его большей эффективности при осуществлении предстоящего «рывка»), направляемой многочисленными запад-

¹ Валянский С. Понять Россию умом / С. Валянский, Д. Калюжной. — М.: Алгоритм, 2001. — С. 427.

ными советниками, экспертами и прочими «доброжелателями» его практический демонтаж, Россия фактически лишила себя того главного инструмента и рычага, с помощью которого все страны и осуществляют подобного рода качественные «рывки» в своем социально-экономическом развитии. Имеется в виду активное целенаправленное воздействие государства на процесс необходимых изменений структуры экономики в пользу отраслей (сферы услуг, новейших наукоемких обрабатывающих производств, новых элементов инфраструктуры), необходимых для перехода к постиндустриальной стадии развития.

Государственная собственность, которая в соответствии с традициями России, могла бы сыграть роль всем понятного и эффективного инструмента реализации постиндустриальных преобразований в экономике, практически стала демонтироваться в таких масштабах и направлениях, что оказалась в состоянии глубокого кризиса. Она не только стала неспособной к роли «локомотива» в реализации задач постиндустриальной модернизации экономики, но и оказывается во многих случаях тем «слабым звеном», которое усугубляет и без того тяжелое положение, сложившееся в результате реализации западных советов в производственной сфере России.

Тот факт, что население не принимает проводимых реформ, идеологи приватизации и их сторонники пытаются объяснить самыми различными причинами, вплоть до того, что российский народ слишком привык к экономическому и социальному иждивенчеству в условиях господства патерналистского социалистического государства или — является недостаточно развитым (имеет специфический, близкий к ущербному, менталитет), что не позволяет ему оценить прогрессивный характер произошедших изменений.

На наш взгляд, неприятие населением проводимых реформ может объясняться тем, что оно, не будучи связанным никакими тайными и явными обязательствами с западными советниками и консультантами и не считая себя обязанным оглядываться всякий раз на окрики из США по поводу «отхода от курса свободы и демократии», лучше, чем реформаторы, чувствует разницу между старым «плохим» (неповоротливым, бюрократическим плановым механизмом хозяйствования в условиях тотального огосударствления) и новым «хорошим» (полным хаосом в экономике, вседозволенностью воровства, организаций принудительных банкротств, подкупов ради получения привилегий и льгот и т.п.). Хотя в период планового хозяйства и государственная собственность в России, и экономика страны в целом были «забюрократированы» до предела и государство как собственник явно злоупотребляло своим монопольным положением, заставляя всех находиться в непрерывном напряжении и перенапряжении всех сил, но на-

селение видело, что решения и действия государства ведут (хотя и со страшными и непростительно большими для людей издержками), к укреплению и развитию страны. Это, очевидно, помогало людям мириться с казарменными условиями быта, позорной политикой преследования диссидентов, чиновничьей бюрократией, примитивным обустройством жилья. Так или иначе достигалось обоюдное стремление и населения, и государства к преумножению «могущества страны», что и предопределяло успехи того «рывка».

Современное государство, неоднократно обокрав население, лишив людей даже того минимума экономических и социальных гарантий, которое они имели при социализме, заставляя его ежедневно и ежечасно наблюдать всю гамму контрастов между богатеющей с каждым годом олигархией и деградирующими в провинциальных городах и селах обобранными «новыми бедными», принесло фактически населению не меньше негативных эффектов, чем бывшее социалистическое. В то же время, в отличие от старого социалистического государства, современная российская государственная власть демонстрирует очевидную незаинтересованность и неспособность осуществлять очередной рывок модернизации. Государственная собственность используется не по назначению, обслуживая «карманные расходы» министерств, прикрывая с помощью новых законов и административного ресурса чиновников процесс растаскивания последних кусков «общенародного достояния». Быть «локомотивами» экономики государственные предприятия (как «низы») в таких условиях не могут, а чиновничий аппарат («верхи») вполне благополучно ощущает себя без всякой модернизации. Вместо необходимого для периода «рывка» хотя бы временного объединения усилий государства и населения наблюдается разочарование государством со стороны все более значительных долей населения. Как показывают различные опросы общественного мнения последних лет, все остатки доверия населения государству держатся в соответствии с давней российской традицией, во все большей мере лишь на доверии к одному лицу — за отсутствием царя — к президенту страны — поскольку только он, с позиций населения, стремится использовать свой «административный ресурс» для обеспечения социально-экономического прогресса в стране, а не в целях личного обогащения (16% от общего числа опрошенных)¹. Но население также видит, как он фактически одинок в своих усилиях, поскольку исполнительная власть преимущественно находится под влиянием западных либеральных рецептов, прямых требований и указаний по продолжению курса на «демонтаж» главного инструмента реализации модернизационных задач. Негативные оценки всех прочих

---

¹ Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах / Ю. Левада // Вестник общественного мнения. 2006. январь-февраль. С. 13.

властных институтов в значительной мере прагматичны, т.е. обусловлены реальным жизненным опытом людей в обстановке неудовлетворенности и неуверенности в будущем. В частности, согласно данным «Вестника общественного мнения» в 2005 г. на вопрос «Что является главным препятствием на пути экономических реформ?» 33% опрошенных отметили, что «сопротивление чиновников», 28% — «отсутствие обдуманной программы проведения реформ», 26% — «хозяйственная некомпетентность тех, кто сейчас пришел к власти»¹. Опросы последнего времени представляют существенные особенности массовых установок в отношении российской власти различных эпох. Как отмечают эксперты, фактически по всем позитивным качествам (законность, честность, близость к людям, справедливость и др.) показатели, приписываемые советской власти значительно выше, чем соответствующие признаки нынешних властей. А по негативным характеристикам (коррупционированность, слабость, удаленность от народа и др.) нынешняя система правления в общественном мнении далеко опережает прошлую. В частности, оценивая качества власти, 62% от числа опрошенных отметили, что она криминальная и коррупционированная, 43% — далекая от народа и «чужая», 39% от числа всех опрошенных — бюрократическая². Фактически Россия, допустив реализацию западного варианта демонтажа государственной собственности в период, когда необходима очередная мобилизация всех сил нации, ускоренными шагами движется в сторону от модернизации, имея лишь два противовеса (заграждения) на этом порочном пути: высокие цены на нефть (и большие в этой связи объемы экспортной ренты) и стремление выполнить новую историческую задачу модернизации российской экономики со стороны президента.

Как только ослабнет действие хотя бы одного из этих противовесов (или, тем более, их обоих), с полной очевидностью обнаружится наивность «одних», недомыслие «других» и очевидный антироссийский интерес «третьих» из общего числа современных российских реформаторов. Заложником же всех этих недомыслий и очевидных преступлений перед собственной страной окажется та абсолютно преобладающая часть российского населения, которая за годы реформ не смогла обзавестись счетами в зарубежных банках и домами в Лондоне или в США и Канаде, и окажется вынужденной искать себе «место под солнцем» в бывшей собственной стране.

Подводя итоги проведенной систематизации основных видов издержек трансформации государственной собственности в России, связанных с ры-

---

¹Вестник общественного мнения. 2006. январь-февраль. С. 7.

² Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения.— 2006.— январь-февраль.— С. 10.

ночными реформами, можно, на наш взгляд, выделить следующие важнейшие проявления кризиса отношений государственной собственности, которые в случае осуществления Россией очередного необходимого «рывка» ускоренной модернизации российской экономики объективно будут выступать в качестве главных тормозов этого процесса.

Добровольное лишение государством (самого себя) роли ведущего собственника финансовых и кредитных ресурсов, с помощью законодательства, предоставляющего возможности государственному сектору в массовом порядке уклоняться от уплаты налогов, а также — множества «серых» и черных схем, перераспределяющих бюджетные средства в частные руки. В результате государство лишило себя возможности выполнения той роли, с помощью которой государства большинства других стран, осуществляющих модернизации национальных экономик, добивались от частных экономических субъектов необходимой степени переориентации их усилий от цели получения краткосрочных текущих выгод на цели получения доходов от ускоренной модернизации и роста конкурентоспособности своего производства. Причем, будучи коррумпированным на всех уровнях, вплоть до законодательного, государство фактически возглавляет не только процесс раздачи государственных финансовых ресурсов бизнес-элите, но и процесс вывоза государственного финансового капитала за рубеж.

Свертывание (резкое сокращение) доли и роли государственной собственности в сферах науки и образования, т.е. именно в тех отраслях, которые, с одной стороны, объективно являются центральными в предстоящем модернизационном «рывке», и, с другой стороны, являются общепризнанными во всем мире производителями «общественных благ», т.е. таких благ, производство которых во всех без исключения странах осуществляется при особо активной роли государственной собственности. Причем, государство взяло курс на свертывание сфер науки и образования в стране, несмотря на то, что государственная система образования в СССР (как убедительно показывают годы реформ) была лучшей в мире, а в сфере науки, в период ее базирования на государственной собственности, было достигнуто немало блестящих результатов, позволивших СССР выйти на второе место в мире (после США) по уровню развития наиболее важных направлений знаний.

Крайне неэффективное «присутствие» и использование государственной собственности в традиционных отраслях и предприятиях «материальной сферы производства», практически лишь прикрывающее непрерывный процесс незаконного или полузаконного перераспределения государственной собственности и доходов от нее в пользу бизнес-элиты, государственных чиновников, «инострannого сектора», широкого круга всевозможных

посредников без какой-либо пользы для развития экономики страны и роста благосостояния населения. Причем, критика института «государственных представителей» в советах директоров смешанных предприятий идет в течение всего периода его существования, но не вызывает никаких ответных реакций со стороны центральных государственных органов. Представители государства не только не заинтересованы в ускоренной модернизации, но, наоборот, фактически тормозят этот процесс, т.к. участвуют в перераспределении государственных ресурсов на непроизводительные нужды элиты.

Формирование настолько высокого уровня коррупции государственного аппарата, что государство само (руками коррумпированных чиновников) продало и раздало за годы реформ иностранным конкурентам огромное количество предприятий, причем включая даже самые высокодоходные, и даже принадлежащие военно-промышленному комплексу России. Между тем, это те предприятия, которые не должны были подлежать приватизации ни по каким схемам, т.к. именно на их «секретном производстве» базируется почти на 100% и обороноспособность, и конкурентоспособность страны, и возможности постиндустриальной модернизации ее экономики.

Настолько откровенная за годы реформ переориентация государственной собственности от обслуживания интересов развития экономики на обслуживание интересов бизнес-элиты и чиновников, что произошло разочарование основной массы населения и утрата доверия к этой собственности, разрушение того макроэкономического «институционального каркаса», который в течение более четырехсот лет помогал России оставаться самостоятельной страной. Имеется в виду произведенное в России в процессе реформ одновременное разрушение традиций сильного государства (что всегда подпитывало ее институциональную систему «сверху»), и традиций общинности, коллективизма (что всегда присутствовало в российской институциональной системе «внизу»). Разрушив и «верхний» и «нижний» основные институты и не заменив их ничем лучшим, российские реформаторы лишили страну необходимой институциональной устойчивости и возможности объединения усилий «верхов» и «низов» для осуществления очередного «рывка». На этом фоне по меньшей мере наивными представляются приводимые в печати высказывания экономистов о том, что в современной России почему-то «прогресс в сфере системно-институциональной трансформации парадоксальным образом сочетается с жесточайшим экономическим кризисом структурно-вещественной составляющей экономики»¹. Причиной этого парадокса является как раз то, что

---

¹ Нестеренко А.М. Экономический рост на основе институциональных изменений / А.М. Нестеренко // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 19.

население России фактически воспринимает реформы не как прогрессивный процесс, а как непрерывно идущее ограбление страны и ее граждан. В результате этого происходит фактическое отторжение массовым общественным сознанием так называемых «цивилизованных рыночных институтов»¹. На наш взгляд, правы отечественные экономисты, полагающие, что за исключением только отдельных сырьевых производств (да и то только лишь благодаря благоприятной мировой конъюнктуре), для всей страны отход от государственной собственности оказался отнюдь не прогрессом, а прямым «откатом назад», к варварству и дикости, когда с нарастанием нищеты одних и богатства других оживляются самые низменные человеческие инстинкты и качества. Как можно считать прогрессом то, что связано «не только с разрушением многих общинно-демократических институтов страны, но и с полной деградацией некоторых ее регионов: рабство и торговля похищенными людьми, феодализация ряда республик в составе России, криминализация целых городов и регионов с кровавым переделом сфер влияния, расцвет лоточной торговли, кровная месть и т.д.»², а также — с тем, что привело к небывалому в прошлом росту преступности, алкоголизма, наркомании, цинизма и духовной опустошенности людей, бродяжничеству, воровству и другим проявлениям деградации, чрезвычайно усилившимся в России с установлением приоритета частной собственности.

Таким образом, все перечисленные негативные характеристики современной государственной собственности в России позволяют сделать вывод о том, что эта собственность в настоящем своем состоянии не может выполнять объективно необходимую роль «локомотива» в очередном «рывке» российской модернизации. В то же время, если Россия не осуществит такой рывок, она окончательно утратит шанс закрепиться в составе постиндустриальных стран (т.е. шанс быть в числе полноправных субъектов, а не объектов современной мировой политики и международных экономических отношений). Сочетание двух данных реальностей представляет собой, на наш взгляд, одну из наиболее сложных проблем для современной России.

---

¹ Зоидов К.Х. Уроки трансформационного кризиса / К.Х. Зоидов // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 45.

² Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 150.

3. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССАХ УСКОРЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Не претендуя на сколько-нибудь полное и комплексное решение тех сложных проблем и задач, которые сформировались в России в связи с курсом на приватизацию, считаем возможным остановиться лишь на некоторых концептуальных вопросах дальнейшего реформирования отношений государственной собственности в России, которые могут, на наш взгляд, способствовать повышению эффективности использования этой собственности в целях модернизации и роста конкурентоспособности российской экономики, и в то же время являются наиболее дискуссионными в современных экономических исследованиях.

К наиболее актуальным концептуальным вопросам, связанным с возможными направлениями развития и использования государственной собственности, считаем целесообразным, отнести следующие:

- уточнение критериев эффективности государственной собственности и определение основных направлений и тенденций изменений масштабов использования государственной собственности в современной российской экономике;
- уточнение вопроса о том, ради какой модернизации можно или нужно сейчас мобилизовать российскую экономику и население, и по каким направлениям целесообразно использовать государственную собственность в этой модернизации;
- определение общего алгоритма переориентации государственной собственности от задач перераспределения национального достояния в руки бизнес-элиты и чиновников на задачи ускорения модернизации и роста конкурентоспособности экономики;
- определение «моделей человека институционального», с помощью которых возможно осуществление современной модернизации российской экономики.

3.1 Система критериев эффективности государственной собственности применительно к реализации функции модернизации современной экономики

Реализация очередного «рывка» модернизации российской экономики, как и предыдущих «рывков», неизбежно потребует мобилизации всех резервов и ресурсов российского общества. В этой связи представляется

принципиально важным определить, прежде всего, возможности использования в предстоящем процессе государственной собственности как главного «инструмента» государства в решении макроэкономических задач и как главного «локомотива», который в российских условиях обеспечивал решение задач модернизации в предыдущие эпохи и периоды.

Для этого представляется необходимым, прежде всего, уточнить общие критерии эффективности государственной собственности в современной экономике, поскольку именно такого рода критерии могут быть использованы в качестве исходных обоснований целесообразности или нецелесообразности использования государственной собственности в очередном модернизационном рывке российской экономики.

Как известно, споры о том, эффективна ли современная государственная собственность в России в сравнении с частной являются одной из постоянно дискутируемых тем в отечественной экономической литературе. При этом нередко приводятся многочисленные рассуждения о государстве как о плохом предпринимателе и о том, что все современные трудности в российской экономике являются результатом все еще значительного присутствия государственной собственности в экономике, что обрекает ее на отставание по показателям экономической эффективности¹.

Эти споры об эффективности / неэффективности государственной собственности в России в сравнении с частной, конечно, не случайны, т.к. действительно, есть целый ряд трудностей в оценках, порожденных расхождениями между теорией государственной собственности и фактическими результатами реформ этой собственности в России.

Во-первых, как уже отмечалось, российская экономика, несмотря на ряд лет роста, оказалась даже за пятнадцать лет реформ все еще отстающей

---

¹ Бадалов Л.М. Настоящая собственность и настоящие собственники / Л.М. Бадалов // *Собственность и рынок*. 2004. № 7. С.2–3; Бадалов Л.М. Особенности смены собственников в российской экономике в постприватизационный период / Л.М. Бадалов // *Собственность и рынок*. 2004. № 5. С. 8–13; Горанова О.А. Ключевые моменты процесса управления государственной собственностью в корпорациях / О.А. Горанова // *Собственность и рынок*. 2004. № 12. С.7–10; Горшков М.К. Собственность в жизни россиян (опыт социологического анализа) / М.К. Горшков // *Собственность и рынок*. 2005. № 10. С. 2–6; Добрышина Л.Н. Современная концепция преобразования отношений собственности в России / Л.Н. Добрышина, А.В. Гридчина // *Собственность и рынок*. 2004. № 1. С.2–6; Свирчевский В.Д. Госсобственность: достояние страны или источник обогащения менеджмента / В.Д. Свирчевский // *Собственность и рынок*. 2004. № 3. С.10–18; Свирчевский В.Д. У больших денег нет хозяина. Особенности формирования частной собственности в России / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // *Собственность и рынок*. 2004. № 7. С. 4–10; Свирчевский В.Д., Чеботарев В.А. Настоящая собственность и настоящие собственники. Бизнес и социальная потребность. Собственность и общество // *Собственность и рынок*.– 2004.– № 8.– С. 10–17; Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. Рост и развитие. Собственность: сохранение или приумножение / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // *Собственность и рынок*. 2004. № 9. С. 2–6; Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. Война внутри компании. Менеджерская революция или борьба за чужую собственность / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // *Собственность и рынок*. 2004. № 11. С. 6–10; Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. «Менеджеры-оборотни» или новая хижина дяди Тома / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // *Собственность и рынок*. 2004. № 12. С. 2–6.

от достижения даже тех рубежей, на которых она находилась до начала реформ¹.

Во-вторых, приватизация в нашей стране обернулась не просто сокращением доли государственной собственности и государственного хозяйства, но и фактическим разрушением и деградацией сферы производства².

В-третьих, до сих пор фиксируется или полное отсутствие или очень малый удельный вес эффективных собственников в российской экономике.

В-четвертых, общественное мнение до сих пор считает прошедшую приватизацию грабежом, а не законным актом.

В-пятых, на глазах у населения в течение всех лет реформ непрерывно идет стихийный процесс криминального по характеру передела собственности в пользу тех, кто щедрее подкупает чиновников, а не из соображений роста экономической эффективности.

В-шестых, государство за весь период реформ так и не представило населению сколько-нибудь четкой концепции относительно места, роли и перспектив развития государственной собственности в российской экономике.

Поскольку государство не знакомит население со своей концепцией относительно перспектив роли и доли государственной собственности в экономике, приходится, как и в первые годы реформ, судить о его намерениях по фактическим направлениям его деятельности. Первое впечатление, так же, как и десять лет назад состоит в том, что эти действия совершенно хаотичны и разнонаправлены. При более внимательной оценке можно сделать вывод, что на верхнем этаже государственной власти до сих пор так же, как и в начале реформ, по-прежнему идет противостояние между двумя направлениями решения проблемы государственной собственности.

Первое из них заключается в том, государство должно как можно быстрее освободить себя от всех прав и обязанностей собственника в производственной сфере и других важных секторах экономики (науке, образовании и здравоохранении) в расчете на то, что частные собственники, рыночный механизм регулирования и эффективная (в этом случае) помощь из зарубежных развитых стран, позволяет частному сектору без вмешательства российского государства обеспечить наибольшую эффективность распределения и использования ресурсов. За прошедший период реформ экономика и население России получили массу доказательств разрушительно-го влияния данного подхода к решению проблемы собственности в России. Несостоятельность этого подхода подтверждается также фактами сложившейся в развитых странах структуры собственности, где доля государст-

---

¹ Тамбовцев В.Л. Собственность и эффективность / В.Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 31.

² Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.— С. 418.

венной собственности составляет в среднем от 10% до 30%. Тем не менее, это направление активно поддерживается в стране, прежде всего, министрами экономического блока исполнительной власти, а также рядом экономистов-сторонников самого ортодоксального варианта чикагской школы, считающих уход государства из экономики главным гарантом и залогом эффективности российской экономики в будущем. В результате в планы приватизации на каждый последующий год включаются все новые государственные предприятия. Как отмечали экономисты, анализировавшие план приватизации федерального имущества на 2004 г., «фактически на продажу выставляется последний резерв нераспроданного имущества — предприятия военно-промышленного комплекса и Министерства обороны»¹. Аналогичные оценки даются и списками подлежащих приватизации предприятий на 2005–2006 гг., в которые заинтересованные чиновники и бизнес-элиты стремятся включить наиболее эффективные производства, в том числе и важнейшие предприятия российского ВПК².

Второй вариант решения проблем оптимизации структуры собственности в России до последнего времени выдвигался и поддерживался не на верхнем этаже управления, а преимущественно лишь теми экономистами, которые не находятся под влиянием идей либерального крыла неоклассической школы. Они предлагают возврат в государственную собственность стратегически важных секторов и отраслей экономики, в первую очередь ведущих предприятий топливно-энергетического комплекса, а также усиление роли государства в научном секторе, в сферах образования и здравоохранения, в той мере и таких формах, как это положено государству современной развитой страны в соответствии с существующей в мире практикой «организации» структуры собственности в условиях «смешанной экономики».

В 2004–2005 гг. наблюдались впервые за годы реформ некоторые конкретные шаги государства в направлении этого варианта, поскольку он стал выделяться главой государства. Вместе с тем, начавшееся некоторое увеличение доли государственной собственности в ряде ведущих отраслей российской экономики подвергается экономистами либерального крыла резкой критике. Например, В. Мау называет начатый президентом курс на усиление контроля «командных высот» в экономике — переходом российского государства к «модели, отражающей большевистские представления о рыночном капитализме (и НЭПе)» и считает, что «подталкивание» государством экономического роста в России с помощью формирования экономических зон, государственного Инвестиционного фонда, и других мер

---

¹ Добрышина Л.Н. Современная концепция преобразования отношений собственности в России / Л.Н. Добрышина, А.В. Гридчина // *Собственность и рынок*. 2004. № 1. С.2.

² Андриевский И. Гонка за вооружением. Акционирование и приватизация предприятий ОПК в 2004–2006 гг. Проблемы и тенденции / И. Андриевский // *Деловые люди*. 2004. № 162. С. 9–11.

выборочного воздействия государства на процесс хозяйственного развития несет в себе «повышенные риски коррупции, а потому государство со слабым административным ресурсом и неразвитыми институтами «гарантирует» их неэффективность»¹.

Еще более категоричен Е. Ясин, который, несмотря на существующую мировую практику активного присутствия государства в экономике большинства развитых стран, и не менее очевидную особо низкую эффективность работы российского частного сектора, тем не менее утверждает, что государство в России «должно владеть только тем, что необходимо для выполнения его властных функций»² и что «российская экономика может развиваться только на основе частной инициативы»³.

В связи с подобными позициями и высказываниями (они нередко берутся на вооружение официальными государственными органами) представляется целесообразным уточнить критерии эффективности государственной собственности в современной экономике с учетом практики современных развитых стран.

На наш взгляд, при характеристиках содержания критериев эффективности использования государственной собственности в экономике более правы те экономисты, которые считают, что к этой эффективности нецелесообразно подходить с позиций чисто экономической эффективности. Обеспечение экономической эффективности является задачей главным образом частного сектора, работающего ради прибыли. Поскольку же функции государства намного шире и значительнее, чем обеспечение максимальной прибыли, то и подходить к оценкам эффективности этой собственности следует исходя из характера выполняемых ею необходимых обществу функций. Как известно, главной функцией любого государства является функция поддержания существования, т.е. сохранения страны, которая возглавляется государством. Соответственно, на наш взгляд, с данных позиций и следует, прежде всего, подходить к оценкам эффективности госсобственности как главного рычага и инструмента в руках государства. Такой подход к эффективности государственной собственности тем более целесообразен, если учесть, что в настоящее время и на перспективу в мире появились новые угрозы существованию для широкого круга стран. Эти угрозы несет в себе, прежде всего, сложившаяся модель глобализации. Благодаря ей, в недалеком будущем для многих стран главной проблемой вскоре может оказаться проблема сохранения самих себя в качестве самостоятельных государств. Такая перспектива вырисовывается все отчетли-

---

¹ Мау В. Экономическая политика в 2005 г.: определение приоритетов / В. Мау // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 18.

² Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации / Е. Ясин // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 5.

³ Там же. С.6.

вее потому, что геоэкономические интересы США (строящих однополярный мир) заключаются в формировании единого мирового экономического пространства, в котором национальные границы будут устраняться, поскольку являются лишь «ненужными помехами, сдерживающими свободное эффективное перемещение ресурсов, необходимых этой стране для упрочения ее лидирующего положения в мире.

В этой связи главным критерием эффективности государственной собственности на макроэкономическом уровне следует считать, на наш взгляд, ведущий критерий обеспечения национальной безопасности — т.е. *критерий обеспечения сохранения страны в качестве самостоятельного (экономически и политически) государства или — государства с желательной для него долей самостоятельности*. Реализация данного критерия зависит от многих факторов, например, от качества государственного управления, в том числе, регулирования экономики, от возможностей отечественного научно-технического потенциала и степени его производственного применения, от состояния армии и военной техники, уровня продовольственной безопасности и т.п.

Вместе с тем, в реализации данного критерия весьма важна также и роль структуры собственности. Если, например, собственниками ведущих предприятий страны окажутся иностранцы (как это уже случилось в бывших социалистических странах Восточной Европы), то от иностранного капитала и интересов правительств чужих стран будут зависеть возможности развития или масштабы утраты экономической независимости в данной стране. Аналогично, если собственниками ведущих предприятий в данной стране будут частные лица, ориентирующиеся на выкачивание за рубеж ее ресурсов и доходов, то это будет почти равнозначно переходу экономики в руки иностранного капитала. В то же время, если собственником ведущих предприятий страны будет «свое» государство, но работающее неэффективно, но в таких масштабах и долях, что будет подавляться функционирование частного сектора там, где он мог быть более эффективен, то экономика будет обречена на низкие темпы и уровень развития, что также может стать реальной угрозой утраты страной экономической и политической самостоятельности. Соответственно, если взять за основу критерий сохранения и развития страны как экономически и политически самостоятельного государства, то государственную собственность следует считать эффективной в тех «границах», или до тех пор, пока она присутствует в экономике лишь в той доле и в тех секторах, где ее использование способствует достижению или поддержанию желаемого уровня самостоятельности и возможностей развития страны, и при этих условиях — способствует росту эффективности экономики и благосостояния ее граждан. Такой подход, не означает, конечно, что эффективной структурой собст-

венности в России следует считать именно такую, в которой будет наиболее значительной доля государственной собственности. Речь идет о том, что, решая вопрос о целесообразности изменений соотношения между государственной и частной собственностью в современной России, нельзя не учитывать опасность бесконтрольного расширения масштабов замещения отечественных собственников иностранными в отдельных отраслях и сферах российской экономики, в отдельных стратегически важных регионах страны. Учитывая далеко не всегда позитивное для России влияние процесса замены иностранными собственниками российских и относительно большие возможности контроля за соблюдением российских интересов при использовании государственной собственности, представляется, что при осуществлении дальнейшего реформирования отношений собственности в России необходимо осуществлять своеобразный «макромониторинг» соотношения отечественной и «чужой» собственности в российской экономике в целом и в том числе:

- по объектам федеральной, региональной и местной социально-экономической значимости;
- по отраслям;
- по регионам;
- в легальном и нелегальном секторах экономики.

При этом необходимо, хотя бы в общем, иметь объективное представление о фактической степени присутствия иностранных собственников в базовых отраслях экономики общенациональной значимости, в банковском секторе, в сферах науки и образования, в приграничных регионах, в тех отраслях нелегального сектора, которые имеют наиболее очевидную антисоциальную направленность (производство и сбыт наркотических средств, фальсифицированной алкогольной продукции, игорный бизнес и т.п.).

Так как Россия не может, как при социализме, развиваться по правилам «закрытой экономики», то, безусловно, совсем игнорировать иностранный капитал и иностранных собственников не представляется ни возможным, ни целесообразным. Напротив, России необходимо «привить себе» осознание неизбежности общей нацеленности на открытость и расширение взаимодействий с мировым сообществом. Вместе с тем, ей, очевидно, необходимо научиться так же, как западные страны, разрабатывать различные «неценовые барьеры», которые обеспечивали бы реальное использование на ее территории лишь действительно выгодных ей, эффективных с ее позиций, иностранных собственников. Имеются в виду такие собственники, которые реально обеспечивают повышенные (по сравнению с российскими) показатели эффективности своего производства и действуют при этом не против российских интересов, а способствуют, хотя бы частично, их более значительной реализации. В этой связи применительно к

иностранным собственникам представляется необходимым учитывать различия между собственностью и хозяйствованием. Имеется в виду, что на уровне наемных рабочих или потребителей производимой продукции проблема собственности может представляться менее значимой, чем проблема эффективного хозяйствования, т. к. для рабочих всего важнее возможность иметь работу и получать за нее нормальное вознаграждение, а потребителям — приобретать качественные товары. Однако, на уровне экономики страны в целом проблемы оптимизации структуры собственности стоят, на наш взгляд, в некоторых случаях выше проблем качества хозяйствования с конкретно-экономических позиций.

Если, например, качество хозяйствования с конкретно-экономических позиций оценивается как в равной степени высокое и у отечественного и у иностранного собственника, то все же надо учитывать, что отечественный собственник налоги со своего дохода, (полученного от продаж производимой в данной стране продукции), будет платить в основном своей стране, в то время, как иностранец преобладающую часть доходов, полученных в России, вывезет за рубеж, и, соответственно, там же окажется основная часть налогов с этих доходов. Соответственно, экономически эффективно использующий бывшую отечественную собственность иностранец может расцениваться как совершенно неэффективный для России, если весь эффект от его деятельности состоит в том, что он, например, за счет оплаты местной рабочей силы по минимуму и получения электроэнергии и топливных ресурсов по заниженным отечественным ценам сумеет вывезти за рубеж особо большие объемы прибыли. Иностранные предприятия, представленные различными «сборочными и отверточными» производствами в современной России, являются наиболее типичными примерами такой неэффективной иностранной собственности. Тем более, как показывает практика, российских реформ, иностранцы нередко организуют свое производство или приобретают в собственность отечественные предприятия совсем не для того, чтобы наладить здесь эффективное хозяйство, а просто для того, чтобы приобрести земельные участки на территории Москвы или в других стратегически выгодных городах и регионах, выкачать все выгодное из этих приобретений и затем перепрофилировать или закрыть свои предприятия. Таким образом, иностранная собственность в современной России выгодна лишь только в тех случаях, когда не просто покупаются отечественные предприятия иностранцами или строятся иностранные предприятия в России, а когда при этом реально осуществляется прогрессивное техническое перевооружение на вновь приобретенных предприятиях (или они строятся на действительно передовом технико-технологическом уровне), когда благодаря их функционированию российские производители могут получить опыт более рациональной организа-

ции производственных процессов, обеспечение более эффективного управления (хозяйствования), а потребители — получить в больших объемах такие виды продукции, которые до этого приходилось покупать на внешних рынках по завышенным ценам. Только в таких случаях можно считать, что превышение позитивных для России результатов от допуска и использования иностранных собственников превышает ущерб, который возникает в связи с неизбежным вывозом ими большей части получаемой в России прибыли за рубеж.

Кроме того, при всем стремлении реформаторов максимально увеличивать долю иностранной собственности в России, нельзя не считаться с общепринятым здравым смыслом и элементарными соображениями национальной экономической безопасности. Имеется в виду, необходимость четкого осознания такого элементарного правила, что высокая доля иностранной собственности (даже в случаях использования особо эффективных иностранных собственников и хозяйственников) в базовых отраслях национальной экономики (ТЭК, металлургия, ряд отраслей машиностроения, банковская и страховая сферы, ряд направлений и сфер научных исследований) вообще недопустима, т.к. под угрозой оказывается экономическая и научная самостоятельность страны. Нежелателен также бесконтрольный допуск иностранной собственности в производство табачной и алкогольной продукции, т.к. это означает, что рак легких и алкоголизм будут развиваться в стране пребывания, а доходы от бизнеса на здоровье будут уходить в чужие экономики.

Таким образом, *высшим критерием эффективности государственной собственности в России является критерий определения экономической и политической безопасности страны.* С позиций этого критерия государственная собственность эффективна тогда, когда способствует сохранению (поддержанию) необходимого (желаемого) уровня экономической и политической самостоятельности России, лучшим образом, чем частная собственность. Соответственно, с позиций этого критерия, государственная собственность в России должна рассматриваться как более эффективная по сравнению с частной во всех тех случаях, когда благодаря ей задачи «сохранения страны» решаются с большими гарантиями (или более быстро, полно, более комплексно), чем с помощью использования только частной собственности. Например, с помощью объектов государственной формы собственности больше оснований рассчитывать добиться «укрепления рубежей страны» в районах Крайнего севера, пустынь, гор, сейсмически опасных, но стратегически важных районах, откуда частный капитал всегда будет стремиться «уходить», несмотря на различные формы «стимулирования» (а тем более — при отсутствии таковых). С учетом первого (стратегического) критерия эффективности государственную собствен-

ность следует рассматривать как более эффективную по сравнению с частной также и в тех случаях, когда, благодаря ей, быстрее можно осуществлять прогрессивные стратегически важные структурные сдвиги в экономике. Поскольку такие сдвиги могут сопровождаться временным спадом уровня экономической эффективности, то осуществление их не всегда является привлекательным для частного сектора. С этих позиций, государственную собственность можно считать эффективной, если она позволяет быстрее (или «четче») по сравнению с частной реализовать национальные проекты, направленные на получение принципиально новых, недоступных пока другим странам, технологий, продуктов и т.п.

Следующий по значимости *критерий обеспечения необходимых для страны структурных сдвигов в экономике, даже если это ведет к временному снижению экономической эффективности производства*. Данный критерий «подчиняется» предыдущему, т.е. государственная собственность эффективна тогда, когда она обеспечивает ускоренное, по сравнению с частным сектором, достижение необходимых для страны структурных изменений в экономике при условии повышения (или хотя бы удержания на прежнем уровне) национальной безопасности страны.

Критерий обеспечения ускоренного развития национального человеческого капитала предполагает, что государственную собственность следует считать эффективной, если она обеспечивает большие гарантии, чем частная, получения населением необходимого уровня образования и медицинского обслуживания при достаточно высоком качестве образовательных и медицинских услуг.

«Социально-благотворительный» критерий или критерий вспомоществования предполагает возможность оценок эффективности госсобственности с позиций поддержания «занятости ради занятости» в целях сдерживания процессов деградации населения, ослабления социальной напряженности. Его использование возможно лишь в ограниченных размерах и кризисных ситуациях.

А также, нами отмечен *критерий обеспечения общественно-нормального уровня экономической эффективности производства*, который может рассматриваться как ведущий только тогда, когда его достижение не препятствует реализации выделенных выше.

В связи с возможностью особо низкой экономической эффективности деятельности частных предприятий (что отнюдь не исключено при высоком, например, уровне монополизации экономики или не менее высоком уровне коррупции государственного аппарата, «в упор» не замечающего прямого разорения бывших государственных предприятий частными собственниками вместо эффективного хозяйствования) представляется целесообразным выделять также *критерий экономической эффективности ра-*

боты государственных предприятий. В соответствии с этим критерием, эффективной следует считать государственную собственность во всех тех случаях, когда государственные предприятия обеспечивают более высокие уровни рентабельности по сравнению с частными (при отсутствии, или использовании в минимальных размерах, несанкционированных законом вариантов «помощи» государственному предприятию со стороны «сочувствующих» чиновников, т.е. за счет изъятия необходимых предприятию ресурсов из официально определенных направлений их использования).

Применительно к современной российской экономике целесообразно, на наш взгляд, ставить вопрос о возможности признания «эффективной» государственную собственность еще в одном специфическом варианте. Имеются в виду случаи, когда сохранение функционирования государственных предприятий является единственно возможным источником поддержания занятости в многочисленных бесперспективных, провинциальных городах и других населенных пунктах России, где нет пока возможности организовать сколько-нибудь конкурентоспособное производство и в то же время там живут люди, которые не в состоянии адаптироваться к произошедшим изменениям в стране. Единственной альтернативой заведомо убыточной деятельности государственных предприятий в таких городах является массовая безработица и, как следствие, ускорение процессов обнищания и деградации населения, пополнение контингентов законопослушных граждан. Может быть, прав был Кейнс, когда считал, что «эффективной» организацией государством даже экономически бессмысленного труда для безработных, поскольку издержки государства и общества на временное (в пределах краткосрочных периодов) заведомо убыточное производство могут быть все же меньшими, чем издержки, связанные с деградацией и ростом преступлений отчаявшихся и брошенных на произвол людей.

Выделенные критерии целесообразно рассматривать применительно к различным уровням использования государственной собственности в экономике: *федеральному, региональному, отраслевому и уровню отдельной фирмы.*

На каждом из этих уровней должны, на наш взгляд, выдерживаться все пять выделяемых критериев, но акценты, т.е. значимость тех или иных критериев, могут быть разными в зависимости от специфики задач разных уровней хозяйствования.

На *федеральном уровне*, несомненно, главную роль должен играть критерий эффективности государственной собственности с позиций обеспечения национальной безопасности страны, т.е. сохранения страны, как экономически самостоятельного государства. Для России выделение на первый план стратегических, т.е. неэкономических, критериев при решении

данной задачи представляется особенно важным, т.к. в российских условиях возможно особо существенное расхождение результатов при выборе разных критериев. В данном вопросе, мы придерживаемся позиции А. Паршева, который выделяет объективно меньшие для России возможности обеспечения развития высокоэффективного (с экономических позиций) производства из-за заведомо повышенных здесь издержек, обусловленных холодным климатом и большими перепадами температур¹.

Если пренебречь ведущей ролью первого критерия и считать эффективным только ту государственную собственность, которая приносит прибыль, то надо обречь на вымирание большую часть российской экономики. Поскольку она экономически неэффективна, то частный сектор не будет заинтересован в ее развитии, по крайней мере, нет никаких гарантий, что частный сектор захочет поддерживать широкий круг объективно низкоэффективных отечественных производств при наличии множества различных альтернатив в условиях открытой модели экономики. Так как частники ориентированы на прибыль, то они предпочтут «выкачать» все, что можно из имеющихся старых фондов с тем, чтобы вложить полученные доходы уже не в российскую, а в более благоприятные (в плане возможностей получения прибыли) чужие экономики.

Фактически, практика реформ убедительно подтверждает реальность таких опасений. Поэтому, для России при определении необходимого соотношения между частным и государственным секторами экономики на федеральном уровне объективно необходимо руководствоваться прежде всего стратегическим критерием сохранения способности страны к саморазвитию как самостоятельного государства. Соответственно необходимо, сохранять в государственной собственности (пусть не в полном объеме, но достаточном для управления в интересах общества) ведущие предприятия базовых отраслей экономики независимо от уровня их экономической эффективности (или тем в большей степени, чем ниже эта эффективность). В первую очередь, имеются в виду такие отрасли, как энергетика, ряд отраслей машиностроения, основные звенья транспортной системы и системы связи, отраслей, обслуживающих ВПК, определенная часть сельскохозяйственного производства, важнейшие учреждения фундаментальной науки, образования и здравоохранения. Государственная собственность в базовых отраслях необходима также потому, что Россия очень богата сырьевыми ресурсами, многие из которых имеют стратегически важное значение для развитых стран. Российский частный сектор труднее контролировать с целью минимизации практики продаж по бросовым ценам стратегически важных ресурсов или — целых предприятий, которые эти ресурсы добывают.

---

¹ Паршев А. Почему Россия не Америка? / А. Паршев.— М, 1999.— С.37.

Если Россия не перейдет к преимущественно государственной собственности в важнейших в стратегическом отношении отраслях и сферах, эти отрасли и сферы экономики неизбежно будут либо свертывать свои объемы, пока совсем не исчезнут (из-за своей экономической неэффективности), или будут ходить постепенно (а может быть очень быстро) в руки иностранных государств, все активнее внедряющихся в отечественные топливно-энергетические отрасли и ВПК.

При решении вопроса о государственной собственности на федеральном уровне государство, на наш взгляд, не должно просто ориентироваться на повышение доли отечественных собственников в структуре российской экономики. Отечественным государственным органам необходимо также научиться осуществлять своеобразный мониторинг и руководителей государственных предприятий, и частных собственников в ведущих стратегически важных производствах с позиций, которые хотя и очень трудно объективно оценить, но очень важно знать обществу, особенно, если экономика страны находится в таком неудовлетворительном состоянии, как, например, в современной России.

Имеется в виду осуществление мониторинга отечественных собственников ведущих стратегически значимых для страны предприятий в плане выявления их ориентации на преимущественно внутрироссийские интересы или интересы чужих экономик, т.е. интересы выкачать из России как можно больше для того, чтобы вложить затем полученные в России доходы в чужие экономики.

Безусловно, речь не может идти о приглашениях ведущих российских собственников в ФСБ и взятии с них подписки о преданности интересам России. Вполне достаточным могло бы быть внимательное изучение государственными органами, определяющими дифференцированный подход к стратегически важным предприятиям в плане предоставления или не предоставления им государственных заказов, налоговых скидок, дотаций и т.п., той информации, которая обнаруживается по итогам отчетности в финансовые органы за ряд лет им, заявляется в бизнес-планах, «стратегиях развития» и других официальных документов. Тогда, может быть, было бы меньше случаев покупок западных футбольных команд, яхт и особняков на деньги, выкачиваемые из российской экономики, и больше отечественных собственников, сочетающих сохранность отечественных фондов с эффективным хозяйствованием в пользу своей страны.

Такой мониторинг был бы тем более оправдан, что государства современных развитых стран, их любви к рассуждениям на счет «экономической свободы» частного бизнеса в тех или иных формах проводят определенную «кадровую политику» относительно частных собственников — руко-

водителей ведущих, стратегически важных предприятий национальной экономики.

Весьма важным аспектом решения проблемы оптимизации структуры собственности в современной российской экономике с позиции реализации стратегических российских интересов экономической безопасности могло бы стать решительное изменение политики государства относительно массовой практики принудительных банкротств и криминальных переделов собственности в стране. В настоящее время российское государство практически не выполняет функцию обеспечения эффективной (а нередко даже самой минимальной и элементарной) защиты собственников от умышленных банкротств и даже от прямых вооруженных захватов их предприятий криминальными, полукриминальными структурами или другими, более щедрыми на подкуп местных чиновников и органов правопорядка, хозяйственными структурами (отечественного или иностранного происхождения).

При сохранении такой практики вопрос о стратегической оптимизации структуры собственности в стране повисает в воздухе, т.к. собственность переходит к лидерам коррупционных связей с органами государственной власти вместо эффективных хозяйственников. Государственным органам необходимо провести, наконец, объективное расследование случаев незаконных банкротств и насильственных изменений состава собственников наиболее общественно значимых предприятий и внести такие дополнения и изменения в законодательство, которые позволили бы минимизировать эту чудовищную практику. В противном случае велика вероятность захвата отечественных предприятий не только иностранным капиталом легального происхождения, но и международными террористическими группировками.

По мере выхода российской экономики из кризиса все большую актуальность будет приобретать и такой стратегический аспект решения проблемы оптимизации структуры собственности, как соотношение государственной и частной собственности в самой России с собственностью российского государства и российских хозяйственных структур за рубежом.

Как известно, во всем мире по доле национальной собственности за рубежом судят о степени интеграции данной страны с мировой экономикой, об усилении влияния данной национальной экономики на мировое экономическое развитие. В решении данной проблемы немаловажную роль будет играть анализ государственными органами отраслевой структуры объектов зарубежной российской собственности, эффективности их деятельности, разработка прозрачных схем движения ресурсов, продукции и доходов от объектов этой собственности.

Большую пользу национальной экономике принесла бы разработка четких правил поощрения (дополнительного стимулирования) тех российских предпринимателей и руководителей государственных организаций и учреждений, которые сумели приумножить за рубежом российскую собственность в стратегически важных для России отраслях экономики или — в отраслях, и производствах, способных обеспечивать наиболее значительные для России позитивные внешние эффекты неэкономического характера.

Большой проблемой для России в краткосрочном и среднесрочном периодах представляется наличие экономически неэффективного частного производства. В случае, если еще продлится низкоэффективная работа в частном секторе, да, к тому же, будет наблюдаться продолжение практики скрытых и явных продаж стратегически важных объектов этой собственности, доля частной собственности может начать уменьшаться в пользу государственной, особенно если не будет пересмотрен сложившийся механизм глобализации. Соответственно, стратегические интересы развития национальных экономик должны диктовать государству линию поведения, относительно изменений доли госсобственности в национальной экономике с учетом обеспечения возможностей эффективного (для страны) решения, как текущих экономических задач, так и задач оптимального развития в экономическом, социальном и политическом отношении в будущем. От того, насколько эффективно та или иная страна сумеет «подстраивать» структуру своей собственности под требования и возможности внутринациональной и внешней экономической и социально–политической среды, во многом будет зависеть место и роль данной страны в мировых экономических и политических процессах.

На *региональном уровне* (т.е. на уровне субъектов РФ), критерии эффективности использования государственной собственности должны определяться исходя из места регионального уровня хозяйствования в современном воспроизводственном процессе. С одной стороны, доля государственной собственности не должна быть очень большой, если в регионе эффективно (с экономических позиций) работает частный сектор. Преобладание в таком регионе частной собственности будет оправдывать себя, обеспечивая более эффективное в экономическом отношении функционирование региональных подсистем, что очень важно для современных российских регионов, т.к. государство все более очевидно ориентирует их на «самоокупаемость» и опору на собственные силы.

С другой стороны, субъекты Федерации не могут находиться в стороне от решения главных стратегических задач общества, так как фактически, именно на уровнях регионов и происходит реализация идеологии «центра». Поэтому, оптимальным на региональном уровне следует, очевидно,

считать такое соотношение государственного и частного секторов, которое в первую очередь позволит выдерживать общую страновую стратегию «сохранения, выживания и развития» и только лишь в пределах решения главных стратегических задач — добиваться наивозможно высокой экономической эффективности. Такой подход особенно важен с учетом многонациональной структуры российского общества и активной информационной обработкой населения некоторых национальных республик России из-за рубежа с целью усиления сепаратистских движений, способных привести к расколу страны.

Соответственно, чем больше будет размещено на территории данного региона предприятий общегосударственной значимости, тем выше должна быть здесь доля государственного сектора в структуре экономики, т.к. даже высокоэффективные экономически, но работающие на узкие частные или региональные интересы, предприятия стратегического назначения могут оказаться серьезной проблемой для региона и страны в целом в случае различных экстремальных ситуаций. Оптимальность соотношения частного и государственного секторов в экономике субъектов Федерации может быть различной также в зависимости и от места расположения региона. При прочих равных условиях, структура собственности в приграничных регионах должна формироваться с учетом обеспечения возможностей большего государственного влияния на управление размещаемыми в регионе предприятиями стратегического назначения, чем на аналогичных предприятиях, размещаемых во внутренних регионах страны.

Что касается *уровня отдельных фирм (и их объединений)*, то в случае принадлежности фирмы или объединения к отрасли (или к типу производств) повышенной стратегической значимости, целесообразно и правомерно было бы пойти на частичный пересмотр итогов приватизации с тем, чтобы восстановить необходимый уровень управляемости стратегическими секторами российской экономики.

В современных российских условиях государству недопустимо утрачивать свое влияние на предприятия прямого оборонного назначения или своими руками отдавать в руки сомнительных частных субъектов и иностранных компаний стратегически значимые доли государственной собственности в топливно-энергетическом секторе российской экономики. Нельзя забывать, что речь идет о секторе, за счет доходов которого фактически живет страна и которых в условиях прежнего «неэффективного» социалистического хватало почему-то не только для поддержания в работоспособном состоянии всех звеньев воспроизводственного процесса, но и для эффективных космических программ, проведения фундаментальных научных исследований, осуществления «коммунистических строек века», и для оказания «интернациональной помощи» широкому кругу стран Ев-

ропы, Азии и Африки, а также для производства (даже в чрезмерно больших масштабах) самых передовых в мире видов оружия и военной техники, и содержание достаточно боеспособных вооруженных сил.

Все эти былые возможности государственной собственности Россия стремительно утрачивает в течение уже более десяти лет в угоду определенному роду идеологам и нескольким процентам населения, которые несправедливыми путями превратили в свою собственность достояние огромной страны, и вместо эффективного хозяйствования демонстрируют всему миру огромные масштабы бесконтрольного вывоза капитала за пределы России, пренебрежение к нуждам отечественной экономики и брошенных на произвол судьбы сограждан.

Совокупность предлагаемых нами критериев эффективности государственной собственности с учетом их соподчиненности представлена в схеме (см. рис.3.1).

3.2 Возможные варианты стратегии модернизации российской экономики в целях роста ее конкурентоспособности

Вопрос о том, какого рода модернизация экономики необходима сейчас России, является далеко немаловажным с позиций проводимого нами исследования, т.к. в зависимости от характера и содержания модернизации может быть существенно разной роль государства в ее осуществлении. Одно дело, когда осуществляется «индустриальная» модернизация с характерной для нее задачей обеспечения массового поточного производства, использованием стандартного оборудования при стандартных технологиях и т.п. При ориентации на такие задачи роль государства представляется очевидной, что и подтвердилось практикой многих стран.

Что же касается модернизации в варианте «догоняющей постиндустриализации», то здесь, по мнению многих экономистов (прежде всего активных идеологов либерализации), необходимость опоры на государство оказывается под большим вопросом.

В качестве одной из важнейших особенностей постиндустриальной экономики эти экономисты выделяют «усиление неопределенности всех параметров жизнедеятельности общества вследствие, во-первых, резкого увеличения динамизма технологической жизни и сужения горизонтов экономических и технологических прогнозов, во-вторых,— практически безграничного роста потребностей и резкого расширения возможностей их удовлетворения на основе индивидуализации технологических решений»¹.

---

¹ Дементьев В. О характере российской «догоняющей модернизации» и ее институциональном обеспечении / В. Дементьев // Российский экономический журнал. 2005. № 2. С. 22.

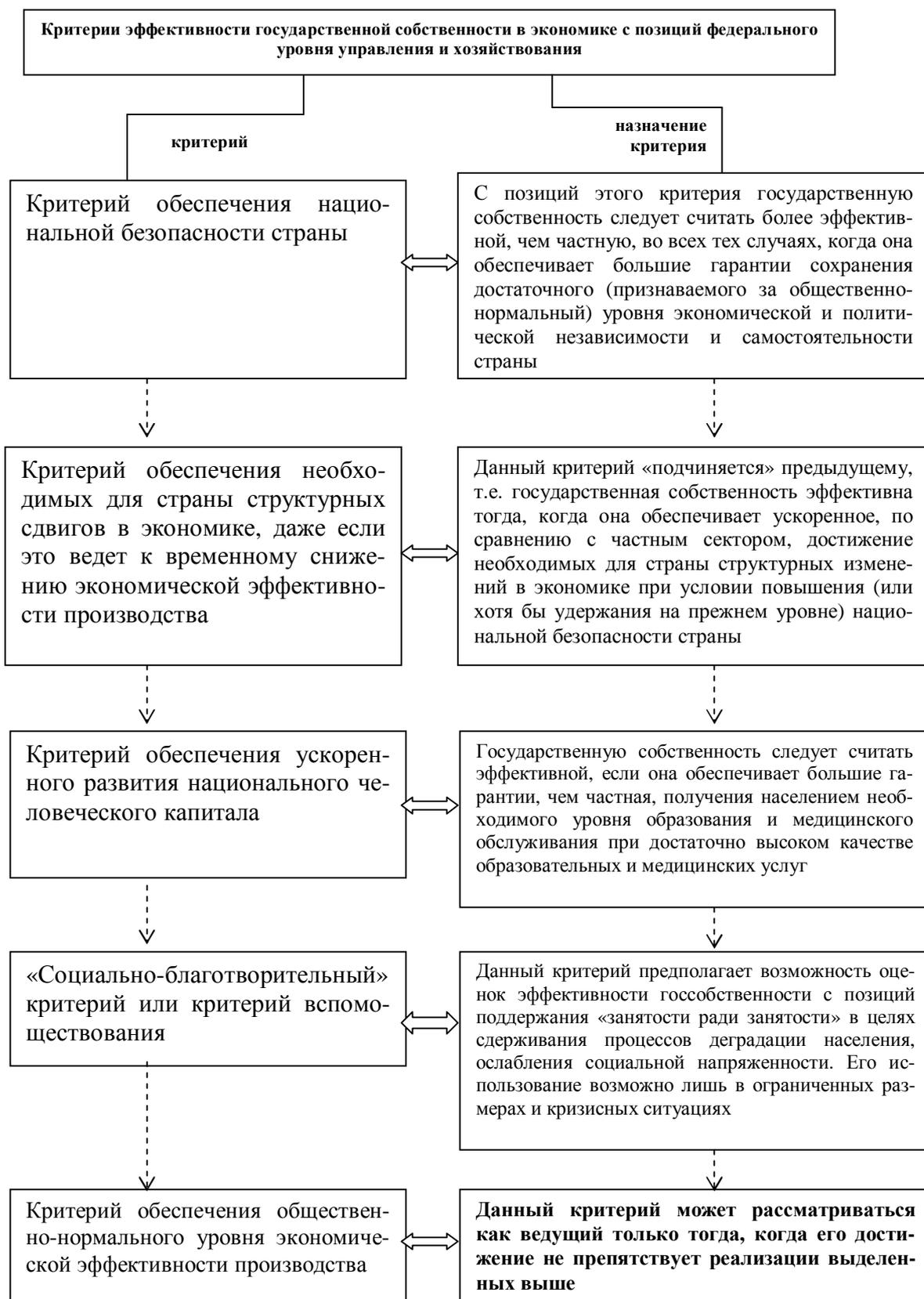

Рис. 3.1 Критерии эффективности государственной собственности с учетом их соподчиненности

Данные обстоятельства предопределяют, по мнению сторонников либерализации, неизбежность и целесообразность отстранения государства от решения задач постиндустриальной модернизации. Как полагает, например, В. Мау, актуальная в индустриальном обществе политика «концентрации ресурсов на прорывных направлениях технического прогресса, мобилизации всех сил и средств» становится «невозможной и неэффективной» в обществе постиндустриальном¹. Таким образом, по мнению сторонников либерализма, из-за высокой неопределенности и ускорения динамики роста потребностей и возможностей их удовлетворения, характерных для постиндустриальной стадии, частный сектор сумеет лучше, чем государство, обеспечить решение задач очередного периода «догоняющей модернизации». Эта идея была четко представлена в докладе Е. Ясина на V международной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики» (ГУ-ВШЭ, апрель 2004 г.) и попала в подготовленный Минэкономразвития РФ проект «Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008 гг.)».

В качестве одного из контраргументов относительно возможности и целесообразности участия государства в модернизации российской экономики в современных условиях некоторые отечественные экономисты выдвигают идею о том, что фактической задачей, которую должна решить Россия по итогам пятнадцати лет рыночных реформ, является, строго говоря, не «постиндустриальная модернизация», а лишь «позднеиндустриальная»². Необходимость решения этой задачи определяется «незавершенностью поздней индустриализации еще в период последних «застойных» лет социализма и усугубляется допущенной реформаторами фактической дезиндустриализацией российской экономики за период реформ. Характеризуя смысл «позднеиндустриальной модернизации», В. Дементьев отмечает, что в технологическом отношении эта модернизация заключается в переходе «к массовому выпуску стандартной продукции, главным образом технически сложных потребительских благ длительного пользования, на основе научной организации труда и поточно-конвейерного производства. Результатом такой модернизации, проведенной в свое время в западных странах, как свидетельствует мировой опыт, стало «общество массового потребления (символом которого,....оказался личный автомобиль); она открыла путь к превращению неимущих пролетариев в полноценных членов гражданского общества. Благодаря позднеиндустриальной модернизации осуществились, пусть и не в полной мере, идеалы «евросоциализма»: серь-

¹ Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития / В. Мау // Вопросы экономики. 2002. № 7. С.4.

² Дементьев В. О характере российской «догоняющей модернизации» и ее институциональном обеспечении / В. Дементьев // Российский экономический журнал. 2005. № 2. С. 22–23.

езный прогресс на пути к социальной справедливости, обретение трудящимися политических и многих социальных прав. Сложилась система всеобщего социального страхования, льготного или бесплатного здравоохранения и образования («социальная рыночная экономика», «государство всеобщего благосостояния»).... Высокий платежеспособный спрос населения со своей стороны немало содействовал развитию и национального производства упомянутых технически сложных предметов потребления длительного пользования и современных сфер услуг, науки и образования¹.

Поскольку, не пройдя позднеиндустриальную стадию развития «объективно невозможно приступить к полноценной постиндустриализации, то, соответственно, как полагает автор, России, особенно с учетом беспрецедентных разрушений ее индустриального потенциала в ходе реформ, необходимо сейчас проводить позднеиндустриальную модернизацию. Отсюда автор делает естественный вывод о том, что для России преждевременен также и отказ от институтов, адекватных освоению массового производства конкурентоспособных потребительских благ и развитию необходимого для такого производства машиностроения»².

Мы полностью согласны с автором в том, что позднеиндустриальная модернизация в России не завершена и что в связи с удручающими результатами российских реформ такая модернизация тем более желательна и важна. Вместе с тем, более плодотворным представляется выдвигаемое этим же автором предположение о необходимости решения Россией в современных условиях более сложной задачи — совмещение позднеиндустриальной модернизации с постиндустриальной (если не по всем направлениям, то хотя бы по некоторым, наиболее перспективным).

Отдать в настоящее время в России приоритет решения задач позднеиндустриальной модернизации было бы, может быть, правомерным, если бы не чрезвычайная жесткость и постоянно усиливающийся динамизм современной борьбы, которую не зря все чаще характеризуют как борьбу, направленную «на полное уничтожение противника»³.

Еще несколько лет назад можно было полагать, что страна, освоившая производство продукции передовых обрабатывающих отраслей, в первую очередь — производство технически сложных предметов потребления, гарантирует себе достаточно высокий уровень конкурентоспособности и благополучия. В настоящее же время, как подчеркивают специалисты, «даже экспорт относительно сложной техники, обычно классифицируемый как высокотехнологичный, не спасает многие развивающиеся страны от

---

¹ Дементьев В. О характере российской «догоняющей модернизации» и ее институциональном обеспечении / В. Дементьев // Российский экономический журнал. 2005. № 2. С. 22–23.

² Там же. С.23.

³ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М. Делягина.— М., 2000.— С. 322.

падения экспортных доходов»¹, т.е. от так называемого «обедняющего экономического роста» (*immiserising economic growth*).

Падение экспортных доходов развивающихся стран, освоивших производства сложной и достаточно высококачественной бытовой техники, связано не с их «плохой работой», а просто с тем, что они оказались в состоянии производить эту сложную обрабатывающую продукцию в массовом порядке. Поскольку вся производимая ими техника скопирована с западных образцов, т.е. является «стандартизированной, имитированной или лицензионной продукцией», то принципиально улучшить ее качественные характеристики эти страны не могут. В результате им остается лишь конкурировать друг с другом методами наращивания инвестиций (что еще более сбивает цены) или методом снижения издержек, т.е. за счет выплат еще меньшей заработной платы занятым на производстве этих сложных благ работникам. Таким образом, данные страны являются фактически заложниками и жертвами своего повышенного трудолюбия и настойчивости в освоении чужих сложных технологий и видов продукции, т.е. — жертвами догоняющей позднеиндустриальной модернизации. Специалисты характеризуют такую модернизацию как «нижний путь к конкурентоспособности» в отличие от «верхнего пути», используемого современными высокоразвитыми странами (данные термины были впервые приведены в ежегодном докладе Организации промышленного развития ООН (UNIDO) за 2002 г.).

В отличие от «нижнего пути» «верхний путь к конкурентоспособности», освоенный наиболее развитыми странами, означает, что с переходом к инновационной модели экономики они стали специализироваться, как и отмечал еще в 1990 г. М. Портер, не на сырьевых ресурсах и не на продукции массового производства, а на создании новых, более высоких «ценностей для потребителей», т.е. на таких новых товарах и услугах, за которые потребители готовы платить гораздо более высокие цены. Производство также товаров и услуг возможно только на основе технологических инноваций, дорогостоящего высокоэффективного маркетинга и рекламных кампаний, хорошо раскрученных торговых марок. Все это недоступно для большинства остальных стран, поэтому рынок такой продукции очень надежно защищен от нежелательных конкурентов. (К тому же, развитые страны разрабатывают все более жесткие законы об интеллектуальной собственности, что также помогает защищать такого рода рынки).

В результате рынки продукции стран, использующих «нижний» и «верхний» путь к конкурентоспособности, имеют четко различающуюся ценовую динамику. Если продукция стран, идущих по «верхнему пути» продается по завышенным монопольным ценам, то на рынках, где прода-

---

¹ Субботина Т. Россия на распутье: два пути к международной конкурентоспособности / Т. Субботина // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 51.

ются сложные товары развивающихся стран, цены имеют общую тенденцию к снижению. По некоторым данным¹, всего за десять лет — с 1985 г. по 1995 г. — цены на этих рынках упали по сравнению с ценами на продукцию развитых стран примерно на 25%, а по некоторым товарам происходят непрерывные, кратные снижения цен. Например, «цена полупроводниковых чипов типа DRAM, производство которых сосредоточивалось в основном в странах Восточной Азии, в течение 1990-х гг. упала с 50 долл. США за штуку до 2 долл. Постоянно снижаются цены на персональные компьютеры, телевизоры и другую бытовую электронику, особенно если принять во внимание их непрерывное совершенствование. Так, цена одного мегабайта на жестком диске компьютера упала с 11,54 долл. в 1988 г. до всего 0,45 долл. в 2005 г.».

На основе отмеченного, вполне можно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что с позиций усиления возможностей страны в современной конкурентной борьбе позднеиндустриальная модернизация представляет далеко не лучший путь. Особенно очевидным следует считать такой вывод, если учесть, что период этой модернизации фактически проходит сейчас Китай, конкуренция с продукцией которого в силу особо низких издержек и неограниченных возможностей роста объемов производства является практически абсолютно бесперспективной.

Именно это, очевидно, имеют в виду отечественные экономисты, подчеркивая, что «России бессмысленно состязаться в производстве полупроводников с Тайванем, где сегодня сосредоточено 40% мирового производства чипов, или в области написания дешевых программ с Индией. Эти ниши прочно заняты ТНК в регионах с дешевой рабочей силой. В области информационных технологий место России в начале «биологических цепочек», где необходима работа математика и физика при «изобретении» нового дизайна и алгоритма чипов»². Авторы фактически выражают идею, которую в течение всех лет реформ так или иначе пытаются довести до руководства страны специалисты самых разных научных направлений, рангов и званий, а именно идею о необходимости для России перехода в конкурентной борьбе от опоры на сырьевые ресурсы и традиционные направления развития обрабатывающих областей на зарабатывание своей доли в мировом доходе с помощью интеллекта оставшихся в стране после всех тяжелых лет реформ ученых старших поколений и качественной подготовки новых молодых и перспективных ученых, с помощью выполнения государством своего долга перед страной в плане обеспечения инновациями не все более роскошных зданий, торговых и развлекательных заведе-

---

¹ Субботина Т. Россия на распутье: два пути к международной конкурентоспособности / Т. Субботина // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 51.

² Мясникова Л. Инновационно-инвестиционный комплекс. Иллюзии и реальность / Л. Мясникова, Л. Куринский // РИСК. 2004. № 3. С. 55.

ний, а научно-исследовательских центров, лабораторий, технопарков, наукоградов, т.е. всех элементов научной инфраструктуры, с помощью которых добились и добиваются ведущего положения в мире наиболее развитые страны.

В связи с дискуссией по проблемам содержания и направлений очередного рывка в плане модернизации российской экономики очень перспективной представляется точка зрения К.Х. Зоидова. Этот экономист подходит к рассматриваемой проблеме с позиций современной теории эволюции и считает, что Россия сейчас должна решать не задачи поздней индустриализации или постиндустриализации как две возможные альтернативы «догоняющей модернизации» российской экономики, а задачу качественно иного плана, которую автор определяет как «опережающую модернизацию». «Стратегия направленной эволюции в российской экономике, — отмечает автор, — в настоящее время строится на стереотипах так называемой «догоняющей модернизации». Здесь ... необходима смена приоритетов, принятие стратегии опережающей модернизации, успешно осуществляемой в настоящее время целым рядом новых индустриальных стран. Суть этой стратегии в максимальной концентрации средств и усилий при партнерских отношениях государства и бизнеса на реализации тех направлений научно-технического прогресса, которые могут обеспечить опережение конкурентов и занятие господствующего положения на мировых рынках. К этому витку направленной эволюции российский менталитет вполне подготовлен всем ходом предшествующего развития»¹.

Хотя автор ссылается на успешный опыт целого ряда новых индустриальных стран, представляется, что они все же идут пока в основном, как уже отмечалось, по «нижнему пути к конкурентоспособности», т.к. не обладают для «верхнего пути» необходимым инновационным потенциалом и достаточно высококачественным человеческим капиталом. В отличие от развивающихся стран для России «нижний путь», которым сейчас она идет, решая задачи роста конкурентоспособности своей экономики, не является безальтернативным и неизбежным. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Т. Субботина, «в отличие от Индонезии или Таиланда Россия вынуждена идти по данному пути не в силу недостатка человеческого капитала, а лишь по недомыслию государственных чиновников, увлекшихся рыночными реформами»². (Имеется в виду наличие у России все еще значительного, не полностью уничтоженного реформаторами, научно-технического потенциала, который может быть использован для освоения «верхнего пути»).

---

¹ Зоидов К.Х. Уроки трансформационного кризиса / К.Х. Зоидов // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 54.

² Субботина Т. Россия на распутье: два пути к международной конкурентоспособности / Т. Субботина // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 55.

Безусловно, на первый взгляд, между концепцией постиндустриальной модернизации как вариантом «догоняющего развития» и концепцией «опережающей модернизации», выдвинутой К.Х. Зоидовым, имеются точки соприкосновения, поскольку обе они предполагают ориентацию на факторы роста постиндустриальной стадии (науку, развитой человеческий капитал, высокие технологии и инновации).

Вместе с тем, принципиальным отличием является, на наш взгляд, то, что опережающая модернизация предполагает не добиваться достижения тех же научных результатов и освоения тех же видов технологий, которые уже достигнуты и освоены современными постиндустриальными (включая самые передовые) странами, а искать, так же, как и эти страны-лидеры, принципиально новые направления развития технологий, принципиально новые виды продуктов, которые могут быть весьма востребованы в будущем и в то же время производство которых в течение достаточно длительного будущего периода будет оставаться недоступным для других стран.

Разумеется, стратегия опережающей модернизации связана с весьма высокими рисками, типа такого, который в свое время реализовался в европейских странах-разработчиках дорогостоящего проекта сверхзвукового пассажирского самолета «Конкорд». Но в условиях современной конкуренции все же лучше рисковать (т.е. иметь шанс на удачу), чем уже очевидно проигрывать, не осваивая никаких принципиально новых проектов. Как отмечает известный американский экономист Л. Туроу в своей новой книге «Удача любит смелых», «тем, кто хочет победить, нельзя сидеть на обочине... Они могут, конечно, проиграть, если примут участие в рискованной игре, но уже наверняка проиграют, если так и не вступят в игру»¹.

На наш взгляд, для России целесообразнее всего является сейчас ориентироваться на концепцию «опережающей модернизации». Во-первых, на мировых рынках сейчас конкуренция особенно сильна именно по современной сложной бытовой технике, так что шансы у России достичь реальных успехов в конкурентной борьбе с помощью освоения производства такой же техники близки к нулевым. Во-вторых, России относительно легче, чем развитым западным странам, попытаться «перескочить» через этап позднеиндустриальной модернизации, т.к. она не ограничена необходимостью дожидаться должной отдачи от огромных вложенных ранее в эту модернизацию средств. В-третьих, как отмечал в свое время Гершенкрон, сама отсталость догоняющих стран является своеобразным фактором их ускоренного развития. При этом имелось в виду, что отставшие страны могут себе позволить не повторять весь трудный путь передовых стран, а использовать уже готовые технологии и институты. Если же отставшая страна осу-

---

¹ Thurow L. Fortune Favors the Bold: What We Must Do to Build a New and Lasting Global Prosperity. N.Y.: Harper Collings Publishers Inc., 2003

ществит опережающую модернизацию, то у нее будет шанс не только сократить экономическое отставание от передовых стран, но и преодолеть его.

С позиций нашего исследования, принципиально значимым является вопрос о том, возможно ли и целесообразно ли осуществлять такого рода опережающую модернизацию с активным использованием государства или надо полностью надеяться на рыночные методы и частные инициативы. С одной стороны, среди отечественных экономистов, казалось бы, в подходах к данному вопросу очевидным образом преобладают сторонники активного участия государства в проведении современных вариантов модернизации. Даже Е. Ясин подчеркивает, что «роль государства на стадии модернизации должна быть усилена по сравнению с периодом рыночных реформ» и поясняет свою позицию таким образом, что «рыночные механизмы и частный бизнес далеко не всегда могут без поддержки государства выиграть борьбу за конкурентоспособность, стартуя с низких конкурентных позиций. На первых порах бизнес не готов к долгосрочным и рискованным проектам, необходимым для общества»¹. С другой стороны, как уже отмечалось, по мнению многих российских реформаторов, государственная собственность не должна рассматриваться как сколько-нибудь эффективный рычаг в осуществлении постиндустриальной модернизации. Если это так, то опираться в предстоящей модернизации надо, следовательно, на российский частный бизнес.

Безусловно, это можно было бы только приветствовать, если бы частные предприятия реально опережали государственные по уровню или темпам эффективности производства. Между тем, по мнению экспертов Счетной палаты, анализ итогов реформ показал, что «между формой собственности и эффективностью работы предприятий нет жесткой зависимости. Результаты деятельности предприятий, полностью принадлежащих государству, могут быть такими же (а подчас и более) эффективными, как результаты деятельности приватизированных фирм»². Кроме того, российский частный сектор — это именно тот сектор экономики, который в течение всех лет реформ выкачивает российский капитал за границу и не платит налоги. Наконец, именно новые частные владельцы бывших государственных предприятий имеют устойчивую нелюбовь к какому-либо рода инвестициям за счет собственных, а не государственных средств. Например, характеризуя структуру доходов одной из самых богатых (в недавнем прошлом) российских компаний — ЮКОСа, В. Крюков отмечает, что в 2000–2002 гг. этой компанией «на биржевые операции (покупку ценных

---

¹ Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации / Е. Ясин // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 19.

² Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 23.

бумаг с целью перепродажи) тратилось в два–три, а то и в пять раз больше, чем на вложения в новое оборудование. На геологическую разведку расходовалось в десять раз меньше средств, чем на административные нужды»¹. Оценивая отношение к инвестированию российских нефтяных компаний в целом, этот же автор приводит данные о том, что к настоящему времени «не пробурено более 20 тыс. добывающих скважин, предусмотренных условиями лицензий. «Недоинвестирование» относительно принятых проектных решений только в Ханты-Мансийском АО за последние десять лет составило 20 млрд. долл.»².

Что же касается склонности продавать за рубеж наиболее важные для страны активы, то современная российская бизнес-элита даже превзошла коррумпированных государственных чиновников. Общеизвестен факт, что один из ведущих (в прошлом) представителей нового российского частного бизнеса за спиной у общества и государства чуть не передал (ради реализации своих политических претензий) огромную долю российского нефтяного сектора (на доходах которого держится вся экономика) в руки иностранного капитала. Подобного рода факты не добавляют доверия к новому российскому частному сектору. Наконец, российская бизнес-элита просто не имеет серьезной заинтересованности в осуществлении постиндустриальной модернизации, т.к. вполне благополучно чувствует себя в условиях высоких цен на нефть и общего институционального хаоса, что помогает без хлопот получать повышенные доходы за счет несовершенного законодательства и разрушенных институтов сдерживания и контроля. Эта особенность российского частного бизнеса отмечается, как известно, и отечественными, и западными исследователями.

Исходя из всего изложенного, представляется, что при всех пороках и недостатках современной российской государственной собственности ее нельзя совершенно отстранять от предстоящих процессов постиндустриальной модернизации. Естественно, не потому, что можно мириться с данными пороками, а просто в связи с тем, что выбирать приходится не «лучшее», а лишь «менее плохое» из двух зол. Соответственно, представляется, что современная государственная собственность (по крайней мере, при наличии сильного президента) все же может быть более доступной контролю общества, чем частная, и потому хотя бы по ряду направлений модернизации ее роль может оказаться достаточно полезной и эффективной с позиций интересов экономики и населения.

Целесообразность использования (и по отдельным направлениям — в весьма значительных масштабах) государственной собственности наряду с

---

¹ Крюков В. Анализ развития системы недропользования в России / В. Крюков // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 93.

² Там же. С.95.

частной, представляется тем более оправданной, если учесть то обстоятельство, которое особо выделяет В. Дементьев, а именно, что в России осталась еще незавершенной позднеиндустриальная модернизация. То, что эта модернизация предполагает активное участие в ней государства, вроде бы, не отрицает никто.

Каково же может быть место государственной собственности в предстоящем России «рывке» постиндустриальной модернизации (в сочетании с завершением позднеиндустриальной). Во-первых, учитывая с очевидностью проявившуюся низкую экономическую и социальную эффективность частного капитала в ведущих базовых отраслях, надо, очевидно, признать если не оправданным, то вынужденно необходимым взятый президентом курс на усиление роли государственной собственности в командных, т.е. ведущих, отраслях индустриального сектора российской экономики. Этот шаг следует считать временными издержками неэффективной частной собственности в стране, или — стремлением ускорить завершение позднеиндустриальной модернизации.

Во-вторых, несомненно, должны быть усилены позиции государственной собственности в сферах образования и науки, т.к. это общие тенденции современного мирового развития и т.к. (как показала практика периода реформ) бывшая социалистическая государственная система образования в России действительно была лучшей в мире. Разумеется, ни в сфере образования, ни тем более в сфере науки не следует воспроизводить (полностью повторять) все составляющие управления этими отраслями, которые были возможны в период тотального огосударствления. Имеется в виду максимальный возврат позитивных элементов прежних механизмов регулирования развития данных отраслей, и их дополнение и совершенствование использования с учетом позитивной практики применения государственной собственности странами с менее коррумпированным государственным аппаратом.

В-третьих, по примеру широкого круга других стран, российское государство должно активнее искать пути и направления совпадения интересов страны и частного бизнеса в процессах модернизации, т.е. разрабатывать крупные общенациональные проекты в возможных прорывных направлениях опережающей модернизации на основе совместного использования и частной, и государственной собственности.

В-четвертых, государственная собственность в финансовой сфере должна активно использоваться для изменения характера стимулирования труда тех, кто является фактически главными субъектами в реализации предстоящей постиндустриальной модернизации — ученых, специалистов-профессионалов высшего класса. Если индустриальную модернизацию можно было осуществлять, особо стимулируя рабочих (включая даже са-

мых неквалифицированных) и недоплачивая ученым и специалистам, то проведение такой же практики сейчас является убийственным для страны. Ведь постиндустриальная модернизация и достижение передовых позиций в конкурентной борьбе не могут осуществляться сейчас без использования в производстве результатов новейших научных идей, новых «научных продуктов», которые могут либо сами по себе продаваться по монопольно высоким ценам либо использоваться в прогрессивных недоступных другим странам технологиях и в производстве принципиально новых потребительских благ, за которые мировой рынок захочет платить высокие цены. Создавать же такие идеи и технологии способны не чиновники и не рабочие традиционных профессий, а именно ученые, реальное изменение роли которых в мировой экономике российское государство так и не смогло воспринять за пятнадцать лет реформ.

Разумеется, даже если бы государство вдруг стало кратно повышать заработную плату ведущим ученым, экономика страны не смогла бы перейти на развитие за счет «интеллектуальной ренты». Для того чтобы экономика стала жить «за счет науки», в структуре этой экономики должны быть сферы, где труд ученых был бы должным образом востребован, т.е. экономика должна включать в себя мощные национальные отрасли наукоемкого производства. Долю государственной собственности в российской экономике в этой связи, может быть, придется несколько увеличить за счет «доформирования» государством ряда производств не только ВПК, но и в составе наукоемких гражданских отраслей российской экономики.

Общие концептуальные направления рекомендуемых нами изменений масштабов использования государственной собственности в современной российской экономике представлены в схеме (см. рис. 3.2).

Как видно из приведенной схемы, государственная собственность рассматривается в качестве необходимой составляющей современной российской экономической системы — и с позиций осуществления общих задач государства по обеспечению воспроизводственного процесса в стране, ее сохранения и развития, и с позиций участия государства в процессах традиционного предпринимательства и модернизации экономики.

Алгоритм формирования концепции ускоренной модернизации российской экономики в целях роста ее конкурентоспособности при переходе к постиндустриальной стадии развития

I этап Выбор типа ускоренной модернизации, необходимого для экономики России в первой трети XXI в.:

- позднеиндустриальная или постиндустриальная модернизация;
- сочетание позднеиндустриальной и постиндустриальной модернизации;
- догоняющая или опережающая постиндустриальная модернизация.

II этап Определение главных акторов модернизации экономики в зависимости от ее типа:

В случае выбора стратегии позднеиндустриальной и догоняющей модернизации:

- государство;
- крупный бизнес;
- квалифицированная и неквалифицированная рабочая сила;

В случае выбора стратегии постиндустриальной и опережающей модернизации:

- государство;
- научный сектор экономики;
- персонал, занятый в национальном секторе высоких технологий;
- предприниматели, занятые в наукоемком малом и среднем бизнесе;
- фирмы, организации и специалисты, участвующие во взаимовыгодных направлениях и формах международного научно-технического сотрудничества;
- крупный бизнес традиционных материальных отраслей.

III этап Определение приоритетных направлений и целесообразных границ использования государственной собственности в опережающей постиндустриальной модернизации экономики

В сфере ВПК: часть предприятий ВПК, специализирующихся на производстве видов военной техники и вооружений, не имеющих аналогов в мире.

В сфере научных исследований: часть научных исследований, связанных с принципиально новыми направлениями научных знаний, отраслях высоких технологий, освоением принципиально новых видов энергии, разработкой и реализацией наиболее перспективных космических программ и международных научно-технических соглашений.

В сфере наукоемких гражданских отраслей производства и научной инфраструктуры: часть предприятий фактически и потенциально конкурентоспособных наукоемких отраслей; часть НИИ, технопарков, наукоградов, научно-внедренческих зон и т.п.

В сфере образования, здравоохранения и культуры: часть наиболее перспективных учреждений образования, медицинского обслуживания и культуры.

В сфере информационно-пропагандистского сектора: часть новых информационных технологий, материальной инфраструктуры для развития новейших средств связи и передачи информации.

Доля госсектора в данном приоритетном направлении

В среднесрочный период — в более высокой доле, чем в современных развитых странах

В долгосрочный период — в доле, не меньшей, чем в современных развитых странах

↓

IV этап Определение форм и направлений государственной политики, необходимых для эффективного использования государственной собственности в модернизации российской экономики и роста ее конкурентоспособности

Постоянное расширение и совершенствование антикоррупционных мер, борьбы с бюрократизацией государственного аппарата.

Увеличение бюджетного финансирования военной науки и производства новейших видов вооружений, усиление государственного контроля за соблюдением государственной тайны, совершенствование служб государственной экономической и военной разведки.

Увеличение бюджетного финансирования научно-исследовательских организаций и наукоемких гражданских производств, обеспечивающих уникальные научные результаты; организация в системе РАН высококачественного мониторинга состояния и перспектив изменений конкурентоспособности отечественной науки; организационное и идеологическое участие государственных органов в выборе приоритетов научных исследований гос. НИИ, ведущих технопарков, наукоградов, внедренческих зон; совместная с научным сектором разработка государственными органами федеральных научных программ, долгосрочных направлений научной политики, направлений роста конкурентоспособности отечественного производства за счет усиления связей предприятий с научным сектором, расширения и совершенствования взаимовыгодных международных контрактов.

Постоянное совершенствование «институционального проектирования», оптимизация институциональной среды с учетом общих тенденций и национальной специфики России

Совершенствование косвенных форм и методов участия государства в контроле за работой СМИ; разработка технологий не только оборонительной, но и наступательной государственной информационной политики в целях повышения эффективности конкурентной борьбы с негативными для российской экономики и населения иностранными информационными провокациями.

Постоянное расширение и совершенствование форм участия населения и контроля со стороны общественности за работой государственных органов и осуществлением процесса опережающей модернизации.

↓

V этап Разработка стимулов, рычагов и организационных структур обеспечения эффективного использования государственной собственности в опережающей постиндустриальной модернизации экономики

Данная схема призвана систематизировать общие тенденции, т.е. обратить внимание на то, что современная Россия в своей структурной политике трансформации отношений собственности должна не забывать об общей мировой практике (по большинству государственных функций) и о своих исторических традициях опоры на государство и государственную собственность, использовавшихся как докапиталистическую эпоху, так и в период планового социалистического ведения хозяйства (в функции производства общественных благ). Для осуществления предстоящего процесса очередной модернизации российской экономики целесообразно, на наш взгляд, определить также основные необходимые шаги (этапы действий) российского государства в плане уточнений и доработок постепенно вырисовывающейся концепции предстоящей модернизации и возможностей участия в данном процессе российского государства.

Хотя отдельные элементы концепции опережающей модернизации российской экономики уже отражаются, на наш взгляд, в некоторых официальных документах и исследованиях различных авторов, пока не выработаны достаточно четкие подходы к ее разработке. На наш взгляд, в качестве первого этапа алгоритма формирования данной концепции целесообразно выделить этап выбора типа ускоренной модернизации, исходя из анализа тех дискуссий, которые идут в современной экономической литературе, и из оценок специалистами важнейших тенденций в мировой экономике, науке и политике (см. Алгоритм).

На втором этапе формирования рассматриваемой концепции необходимо, на наш взгляд, определить ведущих субъектов (акторов) предстоящей модернизации. То, что при осуществлении индустриальной модернизации главным субъектом в России было государство, не вызывает у экономистов споров и сомнений. Что же касается предстоящих постиндустриальных преобразований, то, судя по опыту развитых стран, ведущую роль в них могут играть одновременно и крупный частный бизнес, и научные организации, и государство. Вместе с тем, многое зависит от специфики исторического пути развития страны, в первую очередь — от структуры экономики и от особенностей распределения финансовых ресурсов между ее различными секторами и участниками. Чем менее наукоемкой является экономика и чем слабее в финансовом отношении ее научный и предпринимательский секторы, тем неизбежнее активное участие в ее постиндустриальной модернизации государства и государственной собственности как макроэкономического инструмента регулирования. Разумеется, ведущая и организующая роль государства в постиндустриальной модернизации не может, как в период социалистической индустриализации, включать в себя директивные задания научным коллективам или предпринимателям-новаторам, изобретателям и другим ученым-генераторам научных идей, но

государство может и обязано активно участвовать в создании необходимых условий для обеспечения эффективной деятельности данных специфических субъектов постиндустриальной модернизации.

Исключительно важным представляется третий этап разработки концепции — определение приоритетов модернизации, при формировании и функционировании которых целесообразно или необходимо усилить роль государственной собственности. Если, например, круг таких приоритетов окажется слишком широким, государственная собственность может просто «распылиться» между множеством объектов, директивно-волевые методы управления станут опять преобладающими, выбор неэффективных направлений стимулирования и поддержки может привести к неоправданным перерасходам государственных средств.

На четвертом этапе разработки концепции предполагается разработка конкретных форм и направлений обеспечения использования государственной собственности в модернизации, а на пятом — определение стимулов и рычагов, которые целесообразно применять для своевременной реализации выделенных направлений.

3.3 Характеристики моделей «человека институционального» в связи с курсом на модернизацию современной российской экономики

Как уже ранее отмечалось, одним из главных «ограничений», которые создали российские реформаторы для эффективного развития отечественной экономики, является, по мнению многих отечественных экономистов, то, что в процессе реформ не были учтены такие обстоятельства, как неприятие большей частью российского населения перехода от государственной к частной собственности как прогрессивного процесса и утрата в этой связи уважения как к государственной, так и к новой частной собственности в России.

В этой связи представляется, что одним из необходимых и особо важных шагов экономической политики современного российского государства должны быть меры, направленные на:

- 1) восстановление (насколько это возможно) доверия к основным институтам собственности российского населения;
- 2) формирование институтов, которые обеспечивали бы хоть какую-то институциональную адаптацию к новым формам хозяйствования.

Имеется в виду необходимость обеспечения этой адаптации для той (основной) части населения страны, которая либо не могла в принципе подготовить для себя необходимых «механизмов амортизации» к новым жестким условиям хозяйствования (т.к. «честно жила и работала» по пра-

вилам, установленным государством в директивной экономике), либо была «разорена» государством и новой бизнес-элитой в самые первые годы «дикий приватизации» и инфляции до такой степени, что осталась фактически без каких-либо шансов на экономически самостоятельное существование. То есть имеется в виду необходимость создания хотя бы какого-то переходного «институционального мостка» от традиционных для российского населения норм «этатизма», «патернализма» и «коллективизма» к «голому индивидуализму», характерному для утвердившегося в России олигархического капитализма. При рассмотрении данного аспекта предстоящей модернизации российской экономики за основу может быть взято, на наш взгляд, новое направление экономических исследований, которое обобщенно можно, очевидно, назвать «поиск модели институционального человека», адекватной современному периоду трансформации отношений собственности в России.

В качестве отправных положений данного направления исследований можно, на наш взгляд, использовать положения Г. Клейнера, во-первых, о том, что «российское общество и его члены обладают определенными социально-психологическими особенностями, которые сказываются на процессах институциональных преобразований», и, во-вторых, о том, что «в зависимости от характера мотивов и ограничений социально-экономического поведения» людей целесообразно наряду с «человеком экономическим» (*homo economicus*) исследовать также «человека институционального» (*homo institutus*)¹.

В настоящее время в отечественной экономической литературе есть два подхода к характеристике «человека институционального». С позиций Г. Клейнера, «человек институциональный» — это тот, для которого в отличие от «человека экономического», главным мотивом выбора является не достижение экономических целей (дохода, материальных ценностей), а изменение институционального положения, властных или авторитетных позиций². Как полагает данный автор, «человек институциональный» является институционально подвижным и легко воспринимает новые формы, поэтому надо создавать механизм «институциональной стабилизации», и в России в качестве стабилизирующего института в переходный период могли бы выступать, прежде всего, предприятия (как генераторы, инкубаторы и интеграторы институтов).

С позиций нашего исследования представляется достаточно интересной и перспективной идея о подходе к предприятиям как генераторам и инкубаторам институтов. Что же касается характеристики «человека ин-

¹ Клейнер Г. Эволюция институциональных систем / Г. Клейнер // Российский экономический журнал. 2005. № 4. С. 84.

² Там же.

ституционального», то, на наш взгляд, более интересным является подход к этой характеристике Б.А. Ерзнкяна (ЦЭМИ РАН). Данный автор противопоставляет «человека институционального» не только «экономическому», но кроме этого — «ограниченно рациональному» (*homo psychologicus*), и, главное, характеризует «человека институционального» как такого, который управляется «скорее институтами, чем разумом / эмоциями», а также полагает, что нет «никакой возможности отделить его природу от институциональной реальности, в которой он укоренен»¹. Таким образом, по мнению Б. Ерзнкяна, поведение человека определяется не столько интеллектом, образованием, сколько теми институтами, которые укоренились в его сознании, причем эти институты не только не очень изменчивы (как полагает Г. Клейнер), а, напротив, чрезвычайно устойчивы и трудно преодолимы.

Если взять за основу отмеченный подход Б. Ерзнкяна, то, следовательно, главное, от чего зависит восприятие российским населением проводимых реформ как позитивного или негативного процесса, является характер тех общественных институтов, которые укоренились в общественном сознании. Так как государство совершенно не побеспокоилось фактически об этом населении, то полная невозможность «самостоятельно» существовать по старым правилам и полное «отсечение» реформаторами основной части населения от использования и процесса дележа недавнего общенародного имущества, осуществляемого бизнес-элитой и чиновниками, послужили причиной настоящей национальной трагедии, разыгравшейся в России за прошедший период реформ. Такого количества поломанных судеб, несбывшихся ожиданий, таких уровней смертности и суицидов не знала ни одна экономика в мирное время. Поэтому так рознятся и оценки происшедшего, в частности, отношение к вопросу о том, стоит ли уже «простить», наконец, тех, кто обобрал население и свою собственную страну, «прибрав к рукам» бывшее «общенародное достояние». С точки зрения Е. Ясина, представителя того самого неолиберального направления, идеями которого «подпитывались» и в значительной части «подпитываются» до сих пор, проводимые в России реформы, надо «подвести черту», «поставить точку» в обсуждениях правомерности приватизации и «прекратить эксплуатировать эту тему». «Необходимо,— как отмечает автор,— перестать разжигать ненависть к тем, кто приобрел эту собственность. Особенно, если они хорошо ею распоряжаются»². Не говоря уже о том, что таких, кто «хорошо распоряжается»,— их пока единицы в России, причем именно пока, т.е. пока не раскрыты все факторы их успешной деятельности, оста-

---

¹ Ерзнкян Б.А. Эволюционное направление российской экономической мысли / Б.А. Ерзнкян // Экономические науки современной России. 2005. № 4. С. 169.

² Ясин Е. Экономика наполовину не бывает / Е. Ясин // Деловые люди. 2004. № 162. С. 7.

ется открытым вопрос — как же быть с неслыханным разорением населения, со смертностью в 2–3 раза превышающей рождаемость, с небывалым ростом преступности и всем остальным, что связано с проведенными реформами.

Более уместной, на наш взгляд, в сложившихся условиях является оценка происшедшего В. Кушлиным. Этот автор выделяет факт деградации структурной политики в России в связи с проводимыми реформами и неудовлетворенность общества «пройденными этапами реформ» вследствие «отчуждения народа от преобразований» и реализации реформаторами идей, разделяемых только «одной, самой богатой частью нашего общества и теми, кто эту часть обслуживает». «Становление особой диктатуры,— отмечает В. Кушлин,— подчиняющей общество новой элите при молчаливой покорности большинства, произошло быстро. Этот период молчания большинства еще не закончился, но он едва ли может быть бесконечным. Весь исторический опыт России говорит, что безучастность большинства явление относительное, и она в случае зазнайства элиты оборачивается жесточайшими катаклизмами»¹. По мнению данного автора, идеологи и «проводники» российских реформ должны объяснить, «по какому мандату от общества произошло коренное изменение практических целей реформирования экономики, так что формирование институтов абстрактного рынка по западным образцам стало абсолютно приоритетной задачей, а изначальные цели — интенсификация экономики, научно-технологический прорыв, структурная перестройка экономики в расчете на благосостояние людей отошли в разряд не то что второстепенных, а даже как бы «устаревших» по постановке»².

Не претендуя на решение задачи восстановления доверия населения к институтам собственности в России, считаем возможным остановиться лишь на втором выделенном нами направлении преодоления институциональных ошибок, допущенных российскими реформаторами, а именно,— на необходимости создания каких-либо переходных институтов — от бывшего абсолютного господства государственной формы собственности к современной частной, ориентирующей людей только на свои силы и возможности.

Это направление в целом — также очень обширное и «емкое» по содержанию. В рамках данной работы хотелось бы лишь сформулировать некоторые возможные подходы к характеристикам тех фактических типов (сложившихся моделей) «человека институционального», которые реально сформировались в современной российской экономике и с присутствием которых, следовательно, необходимо считаться современному российско-

---

¹ Кушлин В. Стратегия развития / В. Кушлин // Экономист. 2006. № 1. С. 5.

² Там же. С. 6.

му государству вообще и при проведении ускоренной модернизации экономики (постиндустриальной направленности), в частности. Пока в отечественной экономической литературе, кроме характеристик Г. Клейнером «институционального человека» как «карьериста» (в отличие от характеристики «экономического человека» как «рвача») никаких сколько-нибудь обобщающих характеристик нового понятия нет (как в целом, так и применительно к задачам реформирования и модернизации российской экономики).

Для разработок характеристик «человека институционального» применительно к процессу реформирования государственной собственности представляется целесообразным обратиться к высказываниям отдельных экономистов, имеющих отношение к выделяемой проблеме.

Так, например, Н. Попадюк, характеризуя особенности российской «национальной ментальности» и социокультурного типа личности (как «социального инобытия» базового экономического отношения собственности) подчеркивает фактическое признание широким кругом экономистов существования устойчивых различий в ментальности основной массы россиян и европейцев. «Индивидуализм и коллективизм, эгоцентризм и общинность,— отмечает автор,— есть субъективные формы соответственно частной собственности и некой иной собственности, присущей институционально-ментальному дискурсу России. Коллективистские принципы в самых разных формах, в том числе и в национальном общественном сознании, включая и такие крайние проявления, как «отнять и поделить»,— все это формы социально-психологического или ментального проявления общинности, имеющей свою специфику в каждой социальной страте¹. С позиций данного автора, даже такой «передовой» слой российского общества, как урбанизированная интеллигенция, больше всех восхваляющая ценности частных институтов цивилизованной Европы, тем не менее, также не отошла от некоторых общинных норм — в частности, судя по массовому в этой среде своеобразному психологическому «мазохизму» (т.е. демонстрируемому всему миру национальному самоунижению в перестроечный и постперестроечный периоды), которым особо отличается данный социальный слой.

По мнению Н. Попадюка, в современном российском обществе дифференциация общественно-политических и социально-психологических императивов и стереотипов экономической деятельности людей, отражающая предпочтения ими разных общественных институтов, проходит преимущественно (т.е. наиболее значительно и очевидно) в разрезе западной и азиатской ветвей цивилизации. В свою очередь, само социокультурное различие

---

¹ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 146.

«между миром европейским — западным и миром азиатским — восточным в России проявляется *своеобразно*: оно проходит *по линии* «город-деревня». Но если первое характерно преимущественно для столиц страны (и не для всех страт), то второе — для всего огромного российского географического пространства — до и после Урала»¹.

Весьма развернутые и убедительные характеристики причин формирования среди населения России носителей преимущественно общинно-сельских общественных ценностей приводит, на наш взгляд, Г. Клейнер. Во-первых, как отмечает Клейнер, Россия в течение всей своей истории была преимущественно крестьянской страной, а деревенский образ жизни предполагает «весьма развитую культуру взаимных отношений в общине, где институциональные факторы, сложившиеся спокон века порядки играли более значительную роль, чем соображения чистой выгоды»². Во-вторых, по мнению Г. Клейнера, «натуральное хозяйство, культивировавшееся в течение длительного времени» в России, способствовало тому, что крестьянин здесь получал «денежный эквивалент» своего труда «лишь по истечении значительного периода времени после начала производственного цикла», так что «деньги не могли служить повседневным мерилom ценности, а, следовательно, и непосредственным стимулом. В-третьих, разрыв связи между финансовыми результатами и натуральными затратами труда возникал из-за неурожаев, ущерб от которых российское крестьянство испытывало в значительной большей степени, чем, скажем, европейское... Наконец, в-четвертых, язычество как политеистическая религия формировало партикуляристическое восприятие мира, в отличие от монотеистических религий, в том числе христианства»³. Все эти особенности формирования социально-психологических основ личности в России приводили, по мнению Клейнера, к «торможению роста числа денежно-ориентированных индивидов и расширению множества институционально ориентированных субъектов. В определенной степени этому способствовала в период плановой социалистической экономики агитация и пропаганда иных ценностей вместо присущего Западу культа «золотого тельца»⁴.

Кроме выделенных выше обоснований неизбежности формирования в России типа личности, гораздо слабее, чем на Западе, ориентированной на денежно-материальные ценности, Клейнер, на наш взгляд, дает очень важные объяснения присущего российским гражданам признания ведущей роли государства в организации экономической деятельности и общества в

---

¹ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 147.

² Клейнер Г.Б. К методологии моделирования принятия решений экономическими агентами / Г.Б. Клейнер // Экономика и математические методы. 2003. том 39. № 2. С. 178.

³ Там же.

⁴ Там же..

целом. По мнению Клейнера, для российского общественного сознания характерна такая психологическая особенность, как несклонность к компромиссу. Автор иллюстрирует эту особенность примером различий ведения торговли на российском и восточном базаре (на восточном основой торговли является компромисс продавца и покупателя, а на типичном российском базаре покупка, как правило, осуществляется по цене продавца). Нежелание и неумение искать компромиссы приводит, по мнению автора, к тому, что российское общество можно уподобить множеству своеобразных «магнитных диполей», ориентированных в разных направлениях. «Роль институтов в этой условной картине,— полагает Клейнер, — играют силовые линии магнитного поля, комбинации сил притяжения и отталкивания, а также просто барьеров, которые задают траектории и ориентации частиц. В такой модели единственный способ консолидации общества или группы — это создание достаточно мощного магнитного поля, которое бы определило ориентацию этих диполей. Устранение такого поля автоматически приводит к рассогласованию ценностной ориентации и действий агентов (роль такого «магнитного поля» исполнял в прошлом институт коммунистической идеологии и соответствующий ему аппарат)», а также — государство. Как отмечает Клейнер, «в российской экономике «оркестр» без дирижера-лидера и административных методов руководства по-видимому невозможен»¹.

Предложенный автором подход к характеристике особенностей формирования социально-психологических установок личности в России позволил ему сделать вывод о неизбежности целого ряда негативных для российского населения последствий в связи с демонтажем государственной собственности в период рыночных реформ. «Поскольку ценностная ориентация индивидов... институционально зависима,— отмечает автор,— для координации социально-экономической деятельности субъектов необходимы достаточно мощные институциональные структуры и воздействия. Деинституционализация общества в условиях России однозначно приводит к росту преступности, падению моральных устоев общества. При этом под влиянием переключения ценностей на путь нарушения закона вставали даже те люди, которые ранее не могли и помыслить об этом. Для многих членов общества...это стало личной трагедией»².

Автор выделяет «доперестроечную гиперинституализацию», как характерную черту советского периода, и современную «недоинституализацию», преодоление которой является фактически главной, по сути, задачей социально-экономической политики на современном этапе. Таким обра-

---

¹ Клейнер Г.Б. К методологии моделирования принятия решений экономическими агентами / Г.Б. Клейнер // Экономика и математические методы. 2003. том 39. № 2. С. 179.

² Там же.

зом, из характеристик особенностей формируемых в России личностей можно сделать вывод, что преобладающим для России и раньше, и сейчас является «человек институциональный», ориентирующийся на нормы и традиции общинности и направляющую и контролирующую роль государства.

Диаметрально противоположный тип «человека институционального» стал формироваться еще в период последних лет «социализма» (когда началось кооперативное движение, возникли молодежные научно-технические центры, ускорилось разложение в высшем эшелоне партийных органов, резко увеличилось информационное воздействие на российское население со стороны западных стран). В наиболее завершенных вариантах этот новый тип «человека институционального» присутствует сейчас, как уже отмечает Н. Попадюк, в основном в столичных центрах России. Самым крайним, «высшим» вариантом *homo institutus* этого плана можно, очевидно, считать то, что обобщенно называется утвердившимся в современном российском обществе термином «олигарх».

В современной отечественной экономической литературе нет пока достаточно цельной и комплексной теоретической характеристики данного типа институционального человека. Встречаются лишь характеристики отдельных черт личностей современных представителей крупной бизнес-элиты. Так, В.Д. Свирчевский и В.А. Чеботарев выделили специфический российский феномен периода начала реформ — предпринимателя как «идеалистичного корыстного эгоиста, распоряжающегося бывшей всенародной собственностью». «Как ни парадоксально,— отмечают эти авторы,— у большинства предпринимателей первой волны господствовали идеалистические установки, в том числе о всемогуществе «невидимой руки рынка» и вседозволенности, основанной на могуществе денег. Но «дельцы... не верят в душу и потому, в конце концов, перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы быть хорошими... Им кажется, что деньги будут сражаться, когда люди уже не могут» (Это высказывание английского государственного деятеля и писателя Г.К. Честертона приводят наши экономисты как особо подходящее для характеристик специфики интересов и проблем современных отечественных предпринимателей)¹.

Другой отечественный экономист, Л.М. Бадалов в характеристиках новых российских частных собственников выделяет в качестве типичных черт алчность и деловую непорядочность. Как отмечает Бадалов, «многочисленные случаи перепрофилирования присоединенных производственных мощностей и распродажи полученных активов говорят о недобросо-

---

¹ Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. Бизнес и социальная потребность. Собственность и общество / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // Собственность и рынок. 2004. № 8. С. 11.

вестной конкуренции и спекулятивных устремлениях новых собственников. По данным ряда аналитических изданий, около 3/4 слияний в российской экономике носит характер враждебных поглощений, а арсенал методов, с помощью которых побеждают в корпоративных конфликтах, все более расширяется. Это и размывание за счет дополнительной эмиссии акций, и реализация долговых схем (секьюризация долгов), и манипулирование реестрами акционеров, и шантаж собственников в целях получения пакета акций, и использование механизма двоевластия исполнительных органов акционерных обществ, и силовой захват предприятий»¹.

Есть множество и других отрывочных характеристик социально-психологического типа личности современных российских предпринимателей. Так, Свирчевский и Чеботарев выделяют в качестве характерных черт этого предпринимателя «рентоориентированное поведение, готовность «поделиться» с чиновниками и политиками, но не с бюджетом, категорическое нежелание вкладывать в производство, не говоря уже о соблюдении правил честной конкуренции»².

Если попытаться на основании приведенных оценок обобщить наиболее вероятные социальные установки и стереотипы, на которые ориентируется современный российский бизнес (и, следовательно — тип личности крупного российского предпринимателя-олигарха), то представляется, что в качестве основных институтов, определяющих сознание и поведение олигархов, можно выделить следующие: индивидуализм и эгоизм, рациональность и расчетливость, приверженность к материально-денежным ценностям, стремление использовать государство в целях личного обогащения, цинизм и безразличие к общественным проблемам, ориентация на западные идеологические и моральные установки и стереотипы, пренебрежительное отношение к нормам закона и общественной морали, убежденность в праве обманывать государство и общество до тех пор, пока они это позволяют и терпят.

Сформировавшись на «стыке эпох», в период распада социалистического строя и утверждения дикого российского капитализма (в ситуации первоначального накопления), этот тип *homo institutus* стал так быстро и по таким схожим схемам набирать вес и обороты, что в настоящее время характерные для него черты могут быть прослежены и рассмотрены на примере абсолютно преобладающей части представителей современной российской бизнес-элиты, начиная от удачливого Б. Абрамовича и кончая неудачливым М. Ходорковским.

---

¹ Бадалов Л.М. Особенности смены собственников в российской экономике в постприватизационный период / Л.М. Бадалов // *Собственность и рынок*. 2004. № 5. С. 9.

² Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. Война внутри компании. Менеджерская революция или борьба за чужую собственность / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // *Собственность и рынок*. 2004. № 11. С. 10.

На наш взгляд, представленные выше схематично две модели человека,— ориентирующегося на общинность и государство, и на индивидуализм обе являются моделями человека институционального, поскольку при их характеристиках за основу взяты общественные институты, которыми преимущественно руководствуются разные социально-психологические типы людей в своем экономическом (общественном) поведении. Такая наша позиция отличается от подхода Клейнера, который постоянно подчеркивает, что человек, ориентирующийся на материально-денежные ценности, является не институциональным, а экономическим человеком. На наш взгляд, так же, как есть нормы поведения, ориентирующие на индивидуализм и эгоизм, стремление к денежному доходу, есть и институциональный человек, действующий на основе этих норм. Ведь есть же понятия «буржуазная мораль» или «мораль наживы», а мораль — это один из наиболее значимых, хотя и преимущественно неформальных, общественных институтов.

Если исходить из того, что представленные нами два диаметрально противоположных социально-психологических типа личности являются сейчас наиболее характерными для России моделями *homo institutus*, то можно, очевидно, предположить, что «вокруг» этих двух основных моделей формируется целый ряд промежуточных моделей, или, точнее, плохо институционализированных типов поведения людей, находящихся под воздействием и традиционных для России, и новых рыночных (западных) институтов. Чем больше таких типов поведения, тем, очевидно, значительнее институциональная неустойчивость в российском обществе. Это обстоятельство является дезориентирующим как для теории, так и для практики, поскольку затрудняет определение фактически сложившихся типов личностей, и возможных особенностей экономического и общественного поведения населения. О том, что такие обстоятельства могут быть весьма существенными для России, и что современные российские реформаторы фактически очень слабо ориентированы относительно имеющихся в российском обществе фактических моделей *homo institutus*, можно судить, на наш взгляд, в частности, по очевидной растерянности верхнего эшелона исполнительной власти в связи с резко негативной реакцией населения на проводившуюся правительством в 2005 г. так называемую «монетизацию льгот». Фактическое отсутствие в российском обществе необходимого «консенсуса» между «верхами» и «низами» проявилось в тот период совершенно отчетливо в процессе прокатившихся по стране протестных выступлений. О том, что реформаторы совершенно не учитывали влияние подобного «институционального фактора», говорят многочисленные факты принятия ими хаотичных и бессмысленных мер, что бывает, когда решения приходится принимать без необходимого осмысления, на ходу.

В недалеком будущем, на наш взгляд, можно предположить возможность еще более неожиданных для реформаторов проявлений общественного недовольства (например, в связи с реформами ЖКХ или отдельных естественных монополий) и даже угадать, когда эти недовольства могут особенно заметно усилиться — 2008 г., когда подойдет срок перевыборов президента страны. Такие предположения непосредственно вытекают из очевидного непонимания реформаторами масштабов и глубины допущенного ими разрушения устойчивых общественных институтов, опираясь на которые в течение многих веков существовала Россия.

Так как при проведении рыночных реформ большая часть населения России оказалась в положении «объектов», а не «субъектов» реформирования, причем «объектов», интересы которых были существенным образом ущемлены, то для многих из них новые «рыночные» институты (с их специфическими современными российскими обстоятельствами) оказались менее привлекательными, чем традиционные. Между тем, неприятие реформ сознанием основной массы населения не может не тормозить экономическое развитие и служит одной из важных причин усугубления многих неблагоприятных социальных и демографических тенденций в современном российском обществе. В этой связи было сочтено целесообразным разработать характеристики основных моделей «человека институционального», которые, на наш взгляд, наиболее типичны в современной России (см. рис. 3.3).

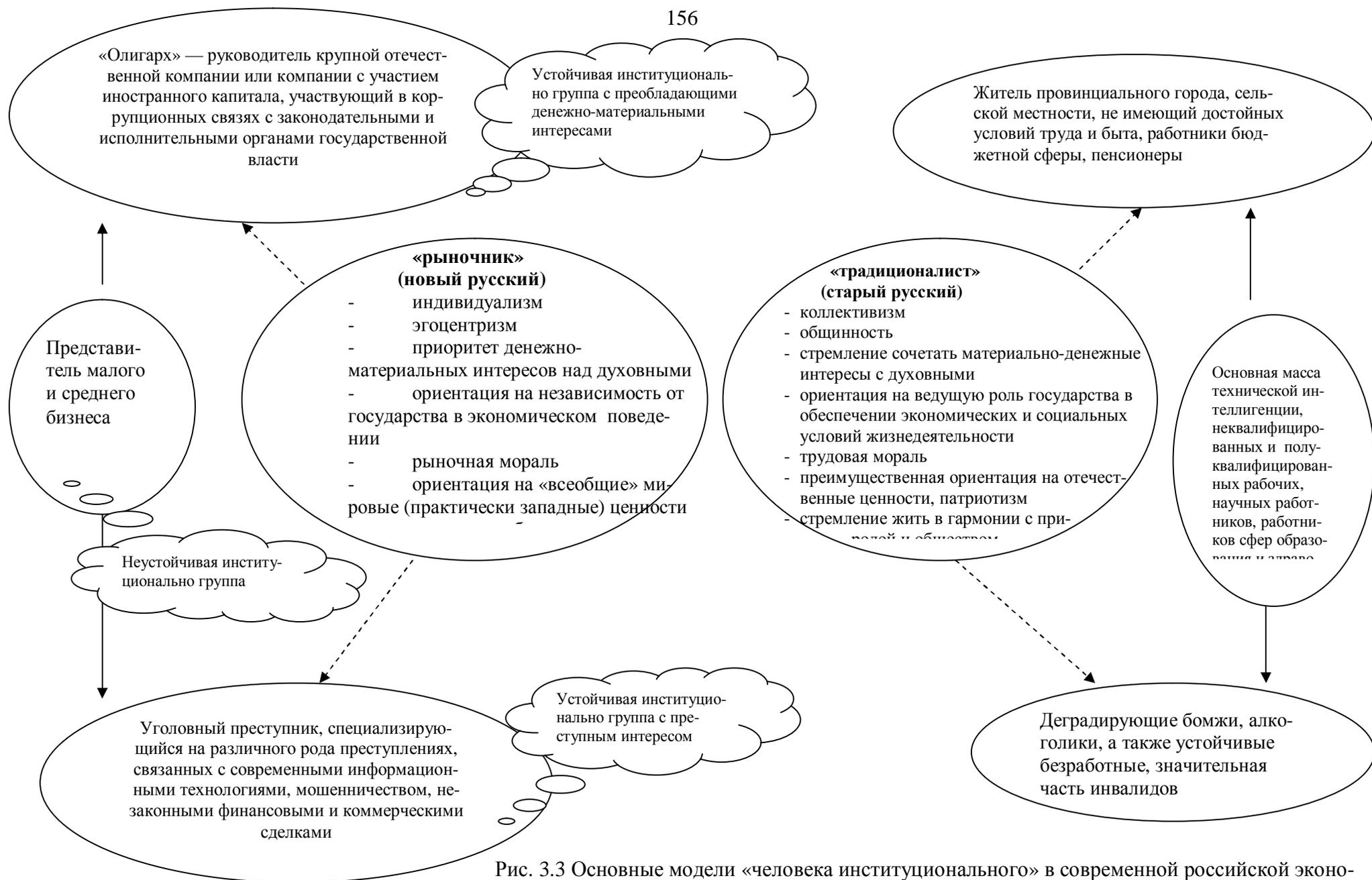

Рис. 3.3 Основные модели «человека институционального» в современной российской экономике

В приведенной схеме выделены в качестве центральных две основные модели, условно названные «рыночник» и «традиционалист», и представлены их отдельные модификации в «высшем», «среднем» и «низшем» вариантах. Применительно к «рыночнику» в «высшем варианте» выделен «олигарх» — представитель современной российской бизнес-элиты, имеющий «выход» на самые верхние этажи государственной власти и получающий монопольно высокие доходы не только от своего бизнеса, но и от коррупционных связей, оказывающий влияние на политические решения в стране. В «среднем» варианте сюда могут быть отнесены ведущие топ-менеджеры или профессионалы-руководители крупных компаний, стремящиеся к развитию своего дела и своей карьеры. В «низшем варианте» данной модели нами выделен тип преступника, характерного преимущественно для «городской» преступной среды, т.е. специализирующегося на различного рода спекуляциях, мошенничестве, незаконных финансовых сделках.

Применительно к «традиционалисту» нами выделен в «высшем варианте» житель российских провинциальных городов и сельских местностей с низкой рыночной мотивацией и нереализуемой в новых условиях должным образом деловой активностью (преобладающая часть российской интеллигенции, квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, работников бюджетной сферы, пенсионеров), а в «низшем» — современный люмпен, т.е. лица без места жительства, алкоголики, наркоманы и другие представители «низов», не сумевшие найти свое место в новых экономических условиях, при разрушении старых норм морали и жизненных ценностей.

В качестве тяготеющих к «традиционалистам» институциональных групп могут быть, на наш взгляд, выделены также (в значительной их части) научные работники, работники образования и культуры, которые в основной своей массе также остаются в стороне от активного участия в специфических российских отношениях.

Т.к. модель человека-«традиционалиста» является все еще преобладающей сейчас в России, то это обстоятельство, на наш взгляд, выступает еще одним важным аргументом в пользу того, что постиндустриальная модернизация в России не может осуществляться без направляющего воздействия государства.

К настоящему времени в экономической литературе преобладают два основных варианта характеристик эволюции институтов собственности, с помощью которых экономисты считают возможным попытаться обеспечить большей части трудно адаптирующегося к частной собственности российского населения функционирование в рамках благоприятной для них институциональной среды. Один из этих вариантов разрабатывается Н.

Попадюком, который называет этот вариант характеризует как «ведомственным группизмом» и опирается при его характеристике, прежде всего, на богатый позитивный опыт использования подобного института в Японии¹.

Как полагает Попадюк, ведомственный группизм потенциально можно было бы использовать в России для создания институциональных моделей, сходных с японским корпоративизмом, «использующим общинность как семейно-клановую разновидность власти-собственности в интересах развития «своих» компаний-ведомств и соответственно занятых в них работников. В постсоветской России,— по мнению автора,— это лишь отчасти удалось нефтегазовой отрасли, и то во многом «благодаря благополучной мировой конъюнктуре»².

Японский корпоративизм выделяется Попадюком потому, что, как он отмечает, опыт Японии и всех «азиатских драконов» показал, что общинные институты обладают мощным внутренним потенциалом, который при должной рационализации и умелой организации может обеспечить технологический прорыв через индустриальную и постиндустриальную стадию экономического роста. Японская модель сформировалась как взаимосвязанный комплекс семейно-клановых структур с культивированием корпоративно-общинного духа в контексте национально значимых целей во всех компаниях независимо от их размеров, с использованием многих других общинных институтов (например, получение определенного дохода только за принадлежность к данной общине-корпорации) и так называемого группизма³. Следование этой модели могло бы, как полагает автор, помочь мобилизовать российское население на основе традиционно присущего стране института власти-собственности. (Пока в России группизм проявляется только в негативных для общества вариантах в виде организованных преступных «бригад», семейно-клановых или ведомственно-местнических группировок, всевозможных «землячеств», использующих национальные связи для осуществления «серых схем», «команд» менеджеров, обеспечивающих управление приватизированными предприятиями в интересах своих новых владельцев в обход интересов общества).

Главной причиной, по которой японские модели семейно-клановой организации частного бизнеса не смогут прижиться в России как позитивные для российского общества институты, Попадюк считает то, что «в отличие от Японии, где высоко этническое патриотическое самосознание, российская элита им не обладает и сама готова при случае, в том числе собрав

---

¹ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 150.

² Там же.

³ Пронников В. Управление персоналом в Японии: Очерки / В. Пронников, И. Леданов.— М., 2003.— С. 125–129.

достаточный капитал, перебраться в ту или иную «тихую» западную страну. Этого, — отмечает Попадюк, — не было в Японии даже с ее высоким уровнем коррупции, где любой гражданин считал свою нацию высшей (японизм по Тосаке Дзюну), и потому различные формы взяточничества и мздоимства в конечном счете «конвертировались» в платежеспособный спрос на потребительские товары японского производства и прямые капитальные вложения в национальную экономику, заставляя работать эти деньги на процветание нации»¹.

Автор предлагает разрабатывать в России так называемый коллективистский группизм, основанный на частной корпоративно-коллективистской собственности. Эта форма, если ее хорошо простимулировать государством или крупным бизнесом, может способствовать мобилизации «коллективистских начал, свойственных всем этническим составляющим России, не знавшим в своей истории *реальной* частной собственности», и «социально-психологическому оздоровлению населения путем формирования коллективов, поставленных в жесткие рамки коллективно-групповой конкуренции и потому учащих своих членов ценить добросовестное отношение к выполняемым обязанностям, к тому же стимулируемое соответствующими бонусами». На макроуровне стимулирование различных вариантов такого коллективно-группового предпринимательства помогло бы государственным органам и крупному бизнесу овладеть новыми «индустриальными и постиндустриальными макротехнологиями через иерархическое выстраивание «сетей кооперации», интегрирующих коллективно-групповых субъектов экономической деятельности и стимулирующих их к выполнению социально-значимых задач»². Автор полагает, что даже в современных развитых странах есть элементы группизма, причем группизм постепенно становится одним из устойчивых субъектов так называемой «новой экономики». Он ссылается при этом на такого известного теоретика глобализации, как И. Валлерстайн, который отмечает, что «мы живем в эпоху «группизма» — образования групп, имеющих защитный характер»³. Если уже на Западе с высоко развитой идеологией частной собственности и индивидуализма развивается группизм, то тем более не следует пренебрегать этим институтом России, где группизм базировался бы на давно отработанных, известных и понятных всем технологиям «коллективостроения».

---

¹ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 153–154.

² Там же. С. 154.

³ Валлерстайн И. После либерализма.— М.: Едиториал. УРСС, 2003.— С.10.

Свой вариант разработки адаптирующих к рыночным условиям институтов выдвигает Г. Клейнер¹. С его позиций, таким стабилизирующим институтом в переходной России могли бы служить производственные предприятия. Они могут выполнять следующие три важные функции (роли) в институциональном процессе:

§ роль *генератора* и распространителя производственных институтов и соглашений;

§ роль *инкубатора* институтов;

§ роль индивидуального институционального *интегратора* (имеется в виду функция вовлечения работников в состав носителя данной нормы).

Для того, чтобы российские предприятия могли выполнять такие важные институциональные функции в современных условиях, Клейнер предлагает государству обеспечить особое отношение к производственным предприятиям и промышленности в целом, по крайней мере — обеспечить значительно более тонкий и бережный, чем сейчас, подход к вопросам создания и ликвидации предприятий, совершенствования корпоративного управления, взаимодействия предприятия и локальной среды. Предприятия следует рассматривать не только как товаропроизводителей, но и как своеобразных «институтопровайдеров», которые могут сыграть очень важную роль в России в интересах основной массы экономически активного населения. Эта функция предприятий могла бы помочь России преодолеть тот глубокий институциональный кризис, который породили в стране своими «топорными» реформами сторонники ультралиберальных идей и принципов.

На наш взгляд, между двумя рассматриваемыми подходами к институциональным преобразованиям в интересах работников и экономики нет принципиальных расхождений, поэтому на практике целесообразным было бы использование различных сочетаний обоих подходов согласно специфике тех или иных отраслей, производств, «внутрифирменных традиций» (насколько уместно говорить о таковых применительно к российским условиям).

Итак, наряду с общей функцией производства и распределения общественных благ государство (и в том числе государственная собственность) необходимо также в периоды решения задач ускоренной модернизации национальной экономики. Поскольку очередной такой период объективно наступил для современной России, а государство и государственная собственность в связи с негативными результатами реформ явно не способны к

---

¹ Клейнер Г.Б. К методологии моделирования принятия решений экономическими агентами / Г.Б. Клейнер // Экономика и математические методы. 2003. том 39. № 2. С. 182.

эффективному участию в решении стратегически важных для страны задач данного периода, необходима разработка широкого круга мер, которые способствовали бы преодолению сформировавшегося кризиса института собственности в России. В концептуально-теоретическом плане необходимо, прежде всего, уточнение вопроса о том, ради какой модернизации можно или нужно сейчас мобилизовать российскую экономику и население, и по каким направлениям целесообразно использовать государственную собственность в этой модернизации. На наш взгляд, для России целесообразнее всего является сейчас ориентироваться на концепцию «опережающей модернизации». Во-первых, на мировых рынках сейчас конкуренция особенно сильна именно по современной сложной бытовой технике, так что шансы у России достичь реальных успехов в конкурентной борьбе с помощью освоения производства такой же техники близки к нулевым. Во-вторых, России относительно легче, чем развитым западным странам, попытаться «перескочить» через этап позднеиндустриальной модернизации, т.к. она не ограничена необходимостью дожидаться должной отдачи от огромных вложенных ранее в эту модернизацию средств. В-третьих, у России в отличие от большинства отставших стран есть (несмотря на все усилия реформаторов) уникальный по своим возможностям национальный научный потенциал, способный обеспечивать России лидерство в целом ряде принципиально новых «пионерных» направлений развития НТП.

Теоретически и практически важным представляется также уточнение критериев эффективности государственной собственности с тем, чтобы определить ее место в процессе модернизации. Во-первых, учитывая с очевидностью проявившуюся низкую экономическую и социальную эффективность частного капитала в ведущих базовых отраслях, надо, очевидно, признать если не оправданным, то вынужденно необходимым взятый президентом курс на усиление роли государственной собственности в командных, т.е. ведущих, отраслях индустриального сектора российской экономики. Во-вторых, несомненно, должны быть усилены позиции государственной собственности в сферах образования и науки, т.к. это общие тенденции современного мирового развития и т.к. (как показала практика периода реформ) бывшая социалистическая государственная система образования в России действительно была лучшей в мире. В-третьих, по примеру широкого круга других стран, российское государство должно активнее искать пути и направления совпадения интересов страны и частного бизнеса в процессах модернизации, т.е. разрабатывать крупные общенациональные проекты в возможных прорывных направлениях опережающей модернизации на основе совместного использования и частной, и государственной собственности. В-четвертых, государственная собственность в финансовой сфере должна активно использоваться для изменения

характера стимулирования труда тех, кто является фактически главными субъектами в реализации предстоящей постиндустриальной модернизации — ученых, специалистов-профессионалов высшего класса. Ведь постиндустриальная модернизация и достижение передовых позиций в конкурентной борьбе не могут осуществляться сейчас без использования в производстве результатов новейших научных идей, новых «научных продуктов», которые могут либо сами по себе продаваться по монополюно высоким ценам, либо использоваться в прогрессивных недоступных другим странам технологиях и в производстве принципиально новых потребительских благ, за которые мировой рынок захочет платить высокие цены.

К актуальным и нерешаемым теоретико-методологическим вопросам отнесен также вопрос, связанный с необходимостью обеспечения поддержки модернизации населением России. Определены основные «модели человека институционального», характерные для современного российского общества, значение которых необходимо для обеспечения успешного осуществления современной модернизации российской экономики. Поскольку преобладающей сейчас в России является модель человека «традиционалиста», ориентирующегося на общинность и государство. Государство должно разработать комплекс мер по формированию институциональной среды, способной помочь большей части населения адаптироваться к рыночному индивидуализму. Основными звеньями этой среды, по мнению отечественных экономистов, должны стать производственные предприятия, сочетающие традиционные производственные функции с функциями коллективизма и группизма, к которым привыкло российское население.

Для успешного использования государственной собственности в очередном «рывке» модернизации экономики немаловажную роль может сыграть установление достаточно четкой последовательности в достижении поставленных целей и задач. В этой связи было сочтено целесообразным разработать общий алгоритм участия государства в постиндустриальной опережающей модернизации российской экономики. В качестве основных последовательных шагов в данном алгоритме нами выделены следующие: выбор типа ускоренной модернизации, необходимого для экономики России в первой трети XXI в.; определение главных акторов модернизации экономики в зависимости от ее типа; определение приоритетов (направлений и объектов) модернизации, при формировании и функционировании которых необходимо усилить роль государственной собственности; разработка механизма обеспечения ускоренной модернизации и роста конкурентоспособности российской экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение длительного периода времени государственная собственность не была объектом особо пристального внимания экономистов большинства школ за исключением марксизма. Реальное усиление внимания к государственной собственности началось лишь в условиях перехода развитых стран к смешанной экономике, когда основным аспектом исследований данной собственности стало ее влияние на производство «общественных благ». Наиболее глубокий вклад в исследования государственной собственности вносят институционалисты, которые рассматривают эту собственность в качестве одного из необходимых ведущих институтов общества.

В современных исследованиях при определениях государственной собственности преобладает юридический подход и недостаточно внимания уделяется характеристикам государственной собственности как экономической категории.

Нами предлагается определять государственную собственность, как одну из стратегически важных экономических категорий, базирующуюся на принадлежащем государству имуществе, размеры и структура которого, а также характер, круг и методы решаемых с его помощью задач, зависят от достигнутого уровня социально-экономической зрелости общества, особенностей исторического пути развития данной страны, сформировавшегося в данной стране типа государства, специфики стоящих перед этим государством целей и задач, степени политической воли руководителей государственного аппарата и доверия к нему со стороны общества.

Влияние государственной собственности на экономику и общество проявляется через ее функции. Хотя экономисты уделяют значительное внимание характеристикам данных функций, не все они четко выделены и определены. Исходя из реальностей целого ряда последних десятилетий, представляется целесообразным выделить в качестве одной из важных в современных условиях функцию государства по обеспечению ускорения модернизации национальной экономики в целях усиления конкурентоспособности страны. Роль этой функции становится все более важной в условиях ужесточения межстрановой конкуренции, в рамках которой используются все более агрессивные технологии, вплоть до технологий развязывания различных геополитических и информационных войн на территориях стран-конкурентов. Предлагаемая нами функция призвана отразить деятельность современного государства, направленную на преодоление образовавшихся ограничений и (или) отставаний в прогрессивных изменениях экономики страны с позиций межстрановой конкурентной борьбы, т.е. с позиций решения задачи сохранения и упрочнения положения данной

страны относительно других стран. Так как государственная собственность является главным «инструментом» государства в решении стратегических задач, то выполнение государством выделенной нами функции неизбежно предполагает участие в ней (наряду с другими факторами) государственной собственности.

Подводя итоги проведенной систематизации основных видов издержек трансформации государственной собственности в России, связанных с рыночными реформами, можно, на наш взгляд, выделить следующие важнейшие проявления кризиса отношений государственной собственности, которые в случае осуществления Россией очередного необходимого «рывка» ускоренной модернизации российской экономики объективно будут выступать в качестве главных тормозов этого процесса.

1. Добровольное лишение государством (самого себя) роли ведущего собственника финансовых и кредитных ресурсов, с помощью законодательства, предоставляющего возможности государственному сектору в массовом порядке уклоняться от уплаты налогов, а также — множества «серых» и черных схем, перераспределяющих бюджетные средства в частные руки. В результате государство лишило себя возможности выполнения той роли, с помощью которой государства большинства других стран, осуществляющих модернизацию национальных экономик, добивались от частных экономических субъектов необходимой степени переориентации их усилий от цели получения краткосрочных текущих выгод на цели получения доходов от ускоренной модернизации и роста конкурентоспособности своего производства. Причем, будучи коррумпированным на всех уровнях, вплоть до законодательного, государство фактически возглавляет не только процесс раздачи государственных финансовых ресурсов бизнес-элите, но и процесс вывоза государственного финансового капитала за рубеж.

2. Свертывание (резкое сокращение) доли и роли государственной собственности в сферах науки и образования, т.е. именно в тех отраслях, которые, с одной стороны, объективно являются центральными в предстоящем модернизационном «рывке», и, с другой стороны, являются общепризнанными во всем мире производителями «общественных благ», т.е. таких благ, производство которых во всех без исключения странах осуществляется при особо активной роли государственной собственности. Причем, государство взяло курс на свертывание сфер науки и образования в стране, несмотря на то, что государственная система образования в СССР (как убедительно показывают годы реформ) была лучшей в мире, а в сфере науки, в период ее базирования на государственной собственности, было достигнуто немало блестящих результатов, позволивших СССР выйти на второе

место в мире (после США) по уровню развития наиболее важных направлений знаний.

3. Крайне неэффективное «присутствие» и использование государственной собственности в традиционных отраслях и предприятиях «материальной сферы производства», практически лишь прикрывающее непрерывный процесс незаконного или полузаконного перераспределения государственной собственности и доходов от нее в пользу бизнес-элиты, государственных чиновников, «иностранного сектора», широкого круга всевозможных посредников без какой-либо пользы для развития экономики страны и роста благосостояния населения. Причем, критика института «государственных представителей» в советах директоров смешанных предприятий идет в течение всего периода его существования, но не вызывает никаких ответных реакций со стороны центральных государственных органов. Представители государства не только не заинтересованы в ускоренной модернизации, но, наоборот, фактически тормозят этот процесс, т.к. участвуют в перераспределении государственных ресурсов на непродуманные нужды элиты.

4. Формирование настолько высокого уровня коррупции государственного аппарата, что государство само (руками коррумпированных чиновников) продало и раздало за годы реформ иностранным конкурентам огромное количество предприятий, причем включая даже самые высокодоходные, и даже принадлежащие военно-промышленному комплексу России. Между тем, это те предприятия, которые не должны были подлежать приватизации ни по каким схемам, т.к. именно на их «секретном производстве» базируется почти на 100% и обороноспособность, и конкурентоспособность страны, и возможности постиндустриальной модернизации ее экономики.

5. Настолько откровенная за годы реформ переориентация государственной собственности от обслуживания интересов развития экономики на обслуживание интересов бизнес-элиты и чиновников, что произошло разочарование основной массы населения и утрата доверия к этой собственности, разрушение того макроэкономического «институционального каркаса», который в течение более четырехсот лет помогал России оставаться самостоятельной страной. Имеется в виду произведенное в России в процессе реформ одновременное разрушение традиций сильного государства (что всегда подпитывало ее институциональную систему «сверху»), и традиций общинности, коллективизма (что всегда присутствовало в российской институциональной системе «внизу»). Разрушив и «верхний» и «нижний» основные институты и не заменив их ничем лучшим, российские реформаторы лишили страну необходимой институциональной устойчивости и возможности объединения усилий «верхов» и «низов» для

осуществления очередного «рывка». На этом фоне по меньшей мере наивными представляются приводимые в печати высказывания экономистов о том, что в современной России почему-то «прогресс в сфере системно-институциональной трансформации парадоксальным образом сочетается с жесточайшим экономическим кризисом структурно-вещественной составляющей экономики»¹. Причиной этого парадокса является как раз то, что население России фактически воспринимает реформы не как прогрессивный процесс, а как непрерывно идущее ограбление страны и ее граждан. В результате этого происходит фактическое отторжение массовым общественным сознанием так называемых «цивилизованных рыночных институтов»². На наш взгляд, правы отечественные экономисты, полагающие, что за исключением только отдельных сырьевых производств (да и то только лишь благодаря благоприятной мировой конъюнктуре), для всей страны отход от государственной собственности оказался отнюдь не прогрессом, а прямым «откатом назад», к варварству и дикости, когда с нарастанием нищеты одних и богатства других оживляются самые низменные человеческие инстинкты и качества. Как можно считать прогрессом то, что связано «не только с разрушением многих общинно-демократических институтов страны, но и с полной деградацией некоторых ее регионов: рабство и торговля похищенными людьми, феодализация ряда республик в составе России, криминализация целых городов и регионов с кровавым переделом сфер влияния, расцвет лоточной торговли, кровная месть и т.д.»³, а также — с тем, что привело к небывалому в прошлом росту преступности, алкоголизма, наркомании, цинизма и духовной опустошенности людей, бродяжничеству, воровству и другим проявлениям деградации, чрезвычайно усилившимся в России с установлением приоритета частной собственности.

Таким образом, все перечисленные негативные характеристики современной государственной собственности в России позволяют сделать вывод о том, что эта собственность в настоящем своем состоянии не может выполнять объективно необходимую роль «локомотива» в очередном «рывке» российской модернизации. В то же время, если Россия не осуществит такой рывок, она окончательно утратит шанс закрепиться в составе постиндустриальных стран (т.е. шанс быть в числе полноправных субъектов, а не объектов современной мировой политики и международных экономических отношений). Сочетание двух данных реальностей представляет со-

---

¹ Нестеренко А.М. Экономический рост на основе институциональных изменений / А.М. Нестеренко // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 19.

² Зойдов К.Х. Уроки трансформационного кризиса / К.Х. Зойдов // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 45.

³ Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 150.

бой, на наш взгляд, одну из наиболее сложных проблем для современной России.

Итак, наряду с общей функцией производства и распределения общественных благ государство (и в том числе государственная собственность) необходимо также в периоды решения задач ускоренной модернизации национальной экономики. Поскольку очередной такой период объективно наступил для современной России, а государство и государственная собственность в связи с негативными результатами реформ явно не способны к эффективному участию в решении стратегически важных для страны задач данного периода, необходима разработка широкого круга мер, которые способствовали бы преодолению сформировавшегося кризиса института собственности в России. В концептуально-теоретическом плане необходимо прежде всего уточнение вопроса о том, ради какой модернизации можно или нужно сейчас мобилизовать российскую экономику и население, и по каким направлениям целесообразно использовать государственную собственность в этой модернизации. На наш взгляд, для России целесообразнее всего является сейчас ориентироваться на концепцию «опережающей модернизации». Во-первых, на мировых рынках сейчас конкуренция особенно сильна именно по современной сложной бытовой технике, так что шансы у России достичь реальных успехов в конкурентной борьбе с помощью освоения производства такой же техники близки к нулевым. Во-вторых, России относительно легче, чем развитым западным странам, попытаться «перескочить» через этап позднеиндустриальной модернизации, т.к. она не ограничена необходимостью дожидаться должной отдачи от огромных вложенных ранее в эту модернизацию средств. В-третьих, у России в отличие от большинства отставших стран есть (несмотря на все усилия реформаторов) уникальный по своим возможностям национальный научный потенциал, способный обеспечивать России лидерство в целом ряде принципиально новых «пионерных» направлений развития НТП.

Теоретически и практически важным представляется также уточнение критериев эффективности государственной собственности с тем, чтобы определить ее место в процессе модернизации. Во-первых, учитывая с очевидностью проявившуюся низкую экономическую и социальную эффективность частного капитала в ведущих базовых отраслях, надо, очевидно, признать если не оправданным, то вынужденно необходимым взятый президентом курс на усиление роли государственной собственности в командных, т.е. ведущих, отраслях индустриального сектора российской экономики. Во-вторых, несомненно должны быть усилены позиции государственной собственности в сферах образования и науки, т.к. это общие тенденции современного мирового развития и т.к. (как показала практика периода реформ) бывшая социалистическая государственная система обра-

зования в России действительно была лучшей в мире. В-третьих, по примеру широкого круга других стран, российское государство должно активнее искать пути и направления совпадения интересов страны и частного бизнеса в процессах модернизации, т.е. разрабатывать крупные общенациональные проекты в возможных прорывных направлениях опережающей модернизации на основе совместного использования и частной, и государственной собственности. В-четвертых, государственная собственность в финансовой сфере должна активно использоваться для изменения характера стимулирования труда тех, кто является фактически главными субъектами в реализации предстоящей постиндустриальной модернизации — ученых, специалистов-профессионалов высшего класса. Ведь постиндустриальная модернизация и достижение передовых позиций в конкурентной борьбе не могут осуществляться сейчас без использования в производстве результатов новейших научных идей, новых «научных продуктов», которые могут либо сами по себе продаваться по монополю высокими ценам либо использоваться в прогрессивных недоступных другим странам технологиях и в производстве принципиально новых потребительских благ, за которые мировой рынок захочет платить высокие цены.

К актуальным и не решаемым теоретико-методологическим вопросам отнесен также вопрос, связанный с необходимостью обеспечения поддержки модернизации населением России. Определены основные «модели человека институционального», характерные для современного российского общества, значение которых необходимо для обеспечения успешного осуществления современной модернизации российской экономики. Поскольку преобладающей сейчас в России является модель человека «традиционалиста», ориентирующегося на общинность и государство. Государство должно разработать комплекс мер по формированию институциональной среды, способной помочь большей части населения адаптироваться к рыночному индивидуализму. Основными звеньями этой среды, по мнению отечественных экономистов, должны стать производственные предприятия, сочетающие традиционные производственные функции с функциями коллективизма и группизма, к которым привыкло российское население.

Для успешного использования государственной собственности в очередном «рывке» модернизации экономики немаловажную роль может сыграть установление достаточно четкой последовательности в достижении поставленных целей и задач. В этой связи было сочтено целесообразным разработать общий алгоритм участия государства в постиндустриальной опережающей модернизации российской экономики. В качестве основных последовательных шагов в данном алгоритме нами выделены следующие: выбор типа ускоренной модернизации, необходимого для экономики Рос-

сии в первой трети XXI в.; определение главных акторов модернизации экономики в зависимости от ее типа; определение приоритетов (направлений и объектов) модернизации, при формировании и функционировании которых необходимо усилить роль государственной собственности; разработка механизма обеспечения ускоренной модернизации и роста конкурентоспособности российской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгалидов Н. О соотношении внутренних и внешних условий развития / Н. Абдулгалидов, С. Губанов // Экономист. 2005. № 4. С. 3–15.
2. Абдуллаев Н. Государственная собственность и ее структура / Н. Абдуллаев // Журнал для акционеров. 2004. № 6. С. 12–16.
3. Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. — М.: Экономика, 1992.— 493 с.
4. Азгальдов Г.Г. Об учете категории качества при вычислении сравнительной эффективности объектов / Г.Г. Азгальдов, Т.Н. Береза // Экономика и математические методы. 1996. Т. 32. №. 3. С. 66–84.
5. Алчиан А. Права собственности / Экономическая теория. Под ред. Дж. Этуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. Пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 2004.— 714 с.
6. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) // Юридический мир. 2005. № 1. С. 7–33.
7. Андреев В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза / В. Андреев // Вопросы экономики. 2003. № 12. С.120–136.
8. Андреев В. Российская приватизация: подходы и последствия / В. Андреев // Вопросы экономики. 2004. № 6. С. 57–78.
9. Андриевский И. Гонка за вооружением. Акционирование и приватизация предприятий ОПК в 2004–2006 гг. Проблемы и тенденции / И. Андриевский // Деловые люди. 2004. № 162. С. 8–11.
10. Аренд Р. Источники посткризисного экономического роста в России / Р. Аренд // Вопросы экономики. 2005. № 1. С. 28–48.
11. Аукционек С. Доминирующие категории собственников и их влияние на хозяйственное поведение предприятий / С. Аукционек, В. Жуков, Р. Капелюшников // Вопросы экономики. 1999. № 8. С. 108–127.
12. Афанасьев М. Корпоративное управление глазами директората (по материалам обследований 1994–1996 гг.) / М. Афанасьев, П. Кузнецов, А. Фоминых // Вопросы экономики. 1997. № 5. С. 84–101.
13. Бадалов Л.М. Настоящая собственность и настоящие собственники / Л.М. Бадалов // Собственность и рынок. 2004. № 7. С.2–3.
14. Бадалов Л.М. Особенности смены собственников в российской экономике в постприватизационный период / Л.М. Бадалов // Собственность и рынок. 2004. № 5. С. 8–13.
15. Бакалавр экономики. Хрестоматия в 3 томах. Рос. экон. академия им. Г.В. Плеханова. Том 2. — М.: Информационно-издательская фирма

- «Триада», 1999.– С.94–98.
16. Балацкий Е. Государственный сектор в системе макроэкономического регулирования / Е. Балацкий // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С.59– 65.
  17. Балацкий Е. Особенности государственного сектора промышленности/ Е. Балацкий // Экономист. 2002. № 6. С.3–7.
  18. Балацкий Е. Взаимодействие государственного и частного секторов России: проблемы достижения равновесия / Е. Балацкий, В. Конышев // Общество и экономика. 2004. № 1. С. 3–17.
  19. Балацкий Е. Критерии и приоритеты приватизации государственной собственности / Е. Балацкий, В. Конышев // Общество и экономика. 2002. № 12. С.147– 166.
  20. Балацкий Е. Новые инструменты в технологии принятия решений о приватизации / Е. Балацкий, В. Конышев // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 1. С. 34–40.
  21. Балацкий Е.В. Функциональные средства институциональных ловушек / Е.В. Балацкий // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. № 3. С. 54–72.
  22. Балог А. Приватизация в Венгрии / А. Балог // Экономические науки. 1991. № 3. С. 69–75.
  23. Баранов И.М. Экономические механизмы и количественные методы управления корпоративной собственностью / И.М. Баранов // Собственность и рынок. 2005. № 2. С.19–24.
  24. Батунин К. Нефтегазовое слияние / К. Батунин // Деловые люди. 2004. № 162. С. 12–15.
  25. Белоусов А.Р. Российская экономика в среднесрочной перспективе: сценарии развития / А.Р. Белоусов // Проблемы прогнозирования. 2004. № 4. С. 3–29.
  26. Бердникова Т.Б., Лямин М.А. Региональные особенности приватизации и акционирования / Т.Б. Бердникова, М.А. Лямин // Экономист. 2000. № 11. С. 79–85.
  27. Бердникова Т.Б., Лямин М.А. Социальные последствия приватизации / Т.Б. Бердникова, М.А. Лямин // СОЦИС. 2001. № 1. С.62–65.
  28. Бирюков В. Госсобственность и госсектор в рыночной экономике / В. Бирюков, Е. Кузнецов // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3. С. 14–21.
  29. Блохин А.А. Институциональный аспект анализа цены российских реформ / А.А. Блохин // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1. С. 116–135.
  30. Блохин А.А. Кризис системы собственности в российской экономике / А.А. Блохин // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С.21–28.

31. Бляхман Л. Глобализационное измерение реформы и задачи промышленной политики / Л. Бляхман, М. Кротов // Вопросы экономики. 2001. № 3. С. 12.
32. Болгария тоже любит инвесторов // Деловой экспресс. 1996. № 42. С. 16.
33. Браева Э.Х. Правовое регулирование государственной собственности в Российской Федерации / Э.Х. Браева // Автореферат на соискание ученой степени канд. юрид. наук.— М., 1998.
34. Букин А. Эффект тормозного пути / А. Букин // Деловые люди. 2004. № 162. С. 23–28.
35. Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн.— М.: Едиториал. УРСС, 2003.— С. 10.
36. Валянский С. Понять Россию умом / С. Валянский, Д. Калюжный. — М.: Алгоритм, 2001.
37. Васильев Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – Т. 1.— М.: Высшая школа, 2001.— 560 с.
38. Венгерский опыт трансформации собственности // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 5. С. 23–27.
39. Веснин В.Р. Собственность: научная категория, политические мифы и реальность / В.Р. Веснин // Социально-гуманитарные знания. 2002. №3. С. 126–145.
40. Вильд К. Концепция и результаты приватизации в Восточной Германии / К. Вильд // Политэконом. 1996. № 3. С. 20–24.
41. Виноградов В. Приватизация: опыт Франции на фоне глобальных тенденций / В. Виноградов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 24–40.
42. Виньков А. Пять угольных драм / А. Виньков, Д. Сиваков // Эксперт. 2001. № 19. С. 30–36.
43. Виссарионов А. Государственный сектор: границы, контроль, управление / А. Виссарионов, И. Федорова // Экономист. 2003. № 6. С. 3–12.
44. Возьмитель А.Г. Глобализация для России / А.Г. Возьмитель // Власть. 2003. № 8. С. 29.
45. Волконский В.А. Современная многоярусная экономика: монополизм и государство / В.А. Волконский, Т.И. Корягина // Экономическая наука современной России. 2005. №4. С. 25.
46. Всемирный банк. Собственность и контроль предприятий // Вопросы экономики. 2004. № 8. С. 4–35.
47. Гаврилин Е.В. Методические подходы к организации управления государственной собственностью в условиях рыночных преобразований / Е.В. Гаврилин // Финансы и кредит. 2005. № 16. С. 38–45.

48. Глазьев С. Государство должно быть эффективным собственником своего имущества / С. Глазьев // Экономические стратегии. 2003. № 5. С. 24–28.
49. Глазьев С. Очередной «клон» правительственных рыночных фундаменталистов (о «Программе социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2005–2008 гг.)» / С. Глазьев // Российский экономический журнал. 2005. № 2. С. 3–20.
50. Гологенгова З.Т. Профессионалы — портрет на фоне реформ / З.Т. Гологенгова, Е.Д. Игитханян // Социс. 2005. № 6. С. 28–36.
51. Горанова О.А. Ключевые моменты процесса управления государственной собственностью в корпорациях / О.А. Горанова // Собственность и рынок. 2004. № 12. С. 7–10.
52. Горшков М.К. Собственность в жизни россиян (опыт социологического анализа) / М.К. Горшков // Собственность и рынок. 2005. № 10. С. 2–6.
53. Госкомстат РФ, Ирк. обл., Ком. гос. статистики. Институциональные преобразования в Ирк. обл.— Иркутск, 2004.— С. 18–19.
54. Государственная политика в промышленном комплексе России и его трансформация в период реформ // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 92–107.
55. Государство и собственность: новый смысл доверительного управления // Рынок ценных бумаг. 2001. № 14. С. 8–10.
56. Гражданский кодекс РФ
57. Гранберг А. Валовой региональный продукт как индикатор дифференциации экономического развития регионов / А. Гранберг, И. Масакова, Ю. Зайцева // Вопросы статистики. 1998. № 9. С. 3–11.
58. Гребенев Л. Собственность и хозяйствование: комментарий к новому образовательному стандарту / Л. Гребенев // Вопросы экономики. 2001. № 3. С. 117–134.
59. Гринберг Р. О социальной политике современной России / Р. Гринберг, А. Рубинштейн // Экономические стратегии. 2004. № 1. С. 65.
60. Гуриев Корпоративное управление в российской промышленности / Гуриев и др.— М.: SEFIR, 2003.
61. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. Пер. с англ. / Под общ. ред. Иноземцева Н.Н., Милейковского А.Г.— М.: Прогресс, 1976.— 404 с.
62. Дементьев В. Доверие — фактор функционирования и развития современной рыночной экономики / В. Дементьев // Российский экономический журнал. 2004. № 8. С. 46–65.
63. Дементьев В. О характере российской «догоняющей модернизации» и ее институциональном обеспечении / В. Дементьев // Российский

- экономический журнал. 2005. № 2. С. 21–29.
64. Дерябина М. Реструктуризация российской экономики через передел собственности и контроля / М. Дерябина // Вопросы экономики. 2001. № 10. С. 55–69.
65. Добрышина Л.Н. Современная концепция преобразования отношений собственности в России / Л.Н. Добрышина, А.В. Гридчина // Собственность и рынок. 2004. № 1. С. 2–6.
66. Дорогов Н. Регулирование структуры собственности / Н. Дорогов // Журнал для акционеров. 2000. № 6. С. 12–16.
67. Дорогов Н. Управление экономикой при многообразии форм собственности / Н. Дорогов // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 1. С. 27–32.
68. Дранкина Е. Провокация с приватизацией / Е. Дранкина // Эксперт. 2001. № 19. С. 28.
69. Дранкина Е. Наследники Менделеева / Е. Дранкина, Д. Кабалинский // Эксперт. 2001. № 16. С. 48–56.
70. Елькин В.А. Реформа собственности и ее последствия / В.А. Елькин, Е.Н. Невзорова, Н.С. Хохлова.— Иркутск: Из-во ИГЭА, 2000.— 110 с.
71. Ерзнкян Б.А. Развитие института собственности в условиях глобализации / Б.А. Ерзнкян // Экономические науки современной России. 2004. № 3. С. 17–30.
72. Ерзнкян Б.А. Эволюционное направление российской экономической мысли / Б.А. Ерзнкян // Экономические науки современной России. 2005. № 4. С. 169.
73. Жаворонков С. Неэффективное управление государственной собственностью / С. Жаворонков // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 44–53.
74. Жуков С. Роль государства в сотворении «южнокорейского чуда» / С. Жуков // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 98–104.
75. Завгородняя М. Выкуп предприятия работниками во Франции / М. Завгородняя // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7. С. 118–122.
76. Закон РФ «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г. № 178–ФЗ.
77. Зекрист Р. Есть ли у казахстанского барса шанс стать драконом / Р. Зекрист // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 4. С. 114.
78. Зоидов К.Х. Уроки трансформационного кризиса / К.Х. Зоидов // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 44–56.
79. Зотов В.В. О парадигмах собственности / В.В. Зотов // Собствен-

- ность и рынок. 2004. № 11. С.2–6.
- 80.Ивашковский С.Н. Экономика: микро- и макроанализ: Учебно-практическое пособие / С.Н. Ивашковский — 2-е изд., испр. и доп.— М.: Дело, 2001.— 376 с.
- 81.Игнатовский П. Собственность, ее истоки в настоящем и будущем / П. Игнатовский // Экономист. 1999. № 11. С. 43–54.
- 82.Илларионов А. Секрет китайского экономического «чуда» / А. Илларионов // Вопросы экономики. 1998. № 4. С. 24–29.
- 83.Илларионов А. Размеры государства и экономический рост / А. Илларионов, Н. Пивоварова // Вопросы экономики. 2002. № 9. С.18–45.
- 84.Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. 2000. №12. С. 3–13.
- 85.Камышева Л. Национальные особенности приватизации / Л. Камышева // Деловые люди. 2004. № 162. С. 16–19.
- 86.Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности / Р.И. Капелюшников. — М.: ИМЭМО АН СССР, 1990.
- 87.Капелюшников Р. Крупные и доминирующие собственники в российской промышленности / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. 2000. № 1. С.99–108.
- 88.Капелюшников Р. Собственность и контроль в российской промышленности / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. 2001. № 12. С. 103–124.
- 89.Капелюшников Р. Влияние характеристик собственности на результаты экономической деятельности российских промышленных предприятий / Р. Капелюшников, Н. Демина // Вопросы экономики. 2005. № 2. С. 53–68.
- 90.Карнышев А.Д. Собственность: психолого-экономический анализ / А.Д. Карнышев, Т.Д. Бурменко.— Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002.— С. 42–78.
- 91.Кирдина С. Институт земельной собственности в России / С. Кирдина // Вопросы экономики. 2003. № 10. С.146–153.
- 92.Кириллов А. Китай проголосовал за частную собственность / А. Кириллов // Эхо планеты. 2004. № 12. С. 22–23.
- 93.Клейнер Г. Эволюция институциональных систем / Г. Клейнер // Российский экономический журнал. 2005. № 4. С. 78–85.
- 94.Клейнер Г. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике / Г. Клейнер, Д. Петросян, А. Беченов // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 25–41.
- 95.Клейнер Г.Б. К методологии моделирования принятия решений экономическими агентами / Г.Б. Клейнер // Экономика и математиче-

- ские методы. 2003. том 39. № 2. С. 167–182.
96. Клепач А. Корпоративное управление в России в 1995–1996 гг. / А. Клепач, П. Кузнецов, П. Крючкова // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 73–87.
97. Клоцвог Ф. О выборе перспективы развития до 2010 года / Ф. Клоцвог, Л. Чернова, А. Сухотин // Экономист. 2005. № 8. С. 12–23.
98. Кляйн В. Приватизационная политика Попечительного ведомства с позиций конкурентной политики / В. Кляйн // Политэконом. 1996. № 3. С. 28–31.
99. Ковалев М. Интеллектуальная собственность в экономике / М. Ковалев // Экономист. 2003. № 1. С. 35–43.
100. Койчуев Т. Собственность: фундаментальные принципы и постсоветская общественная практика / Т. Койчуев // Общество и экономика. 2005. № 7–8. С. 165–185.
101. Комлев С. Экономика Канады — радикальные перемены / С. Комлев // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 8. С. 68–75.
102. Кондратьев В. Государство устало от собственности / В. Кондратьев // Деловые люди. 2004. № 162. С. 20–23.
103. Кондрашова Л. Приватизация с китайской спецификой (проблема классификации форм собственности) / Л. Кондрашова // Российский экономический журнал. 2004. № 7. С. 42–55.
104. Концепция управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации, от 29.11.2000, № 903.
105. Корнаи Я. Дефицит: Пер. с венг./ Предисл. Богомолова О.; науч. ред. Макова Д., Усиевич М. — М.: Наука, 1990. — 607 с.
106. Крюков В. Анализ развития системы недропользования в России / В. Крюков // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 86–101.
107. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз / Пер. с англ.— М.: Дело, 1993.— 192 с.
108. Кох А. Приватизация – 1996: итоги и выводы / А. Кох, С. Моложавый, З. Рустамова // Общество и экономика. 1997. № 4. С. 147–177.
109. Красильников О. Еще раз к критике теоремы Коуза / О. Красильников // Вопросы экономики. 2002. № 3. С. 138–142.
110. Красникова Е.В. Трансформация отношений собственности в постсоциалистической экономике — основное направление институциональных преобразований / Е. В. Красникова // Вестник Моск. ун-та. Сер.6. Экономика. 2004. № 6. С. 3–27.
111. Крылов В.К. Исторические традиции отношения к собственности в России / В.К. Крылов // Собственность и рынок. 2004. № 11. С. 12.
112. Кувалин Д.Б. Экономическая открытость для России: преимущест-

- ва и проблемы / Д.Б. Кувалин, А.К. Можеев, А. Харченко-Дорбек // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 117–129.
113. Кузнецов Б.В. Проблемы собственности и управления в процессах реструктуризации промышленных предприятий России. Бюро экономического анализа / Б.В. Кузнецов и др.— М., 2000.
114. Кузнецов П. Структура акционерного капитала и результаты деятельности фирм в России / П. Кузнецов, А. Муравьев // Экономический журнал ВШЭ. 2000. Т.4. № 4.
115. Кузьминов Я. Институты: от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. 2005. № 12. С.5–28.
116. Кулешов Е.В. Государственная собственность субъектов РФ как основа их экономической самостоятельности / Е.В. Кулешов // Государство и право. 2005. № 6. С. 40–47.
117. Кушлин В. Стратегия развития / В. Кушлин // Экономист. 2006. № 1. С. 3–9.
118. Лафт Дж. К. Эффективность менеджмента организации: Учеб. пособие / Дж. К. Лафт.— М.: Русская деловая литература, 1999.— 320 с.
119. Левада Ю. Власть, элита и массы: параметры взаимоотношений в российских кризисах / Ю. Левада // Вестник общественного мнения. 2006. январь-февраль. С 10-13.
120. Левита Р.Я. Эволюция категории «собственность» в экономической теории / Р.Я. Левита // Экономика и математические методы и модели. 2002. том 38. № 3. С. 30–39.
121. Лексин В. Феномен конкурентоспособности регионов в условиях глобальной экономики / В. Лексин // Российский экономический журнал. 2005. № 4. С. 86–91.
122. Лексин В. Государственная собственность в динамике рыночных перемен / В. Лексин, Б. Мильнер, А. Швецов // Российский экономический журнал. 1993. № 11. С. 3–13.
123. Лесных В. Минимизация трансакционных издержек / В. Лесных, Е. Попов // Общество и экономика. 2005. № 5. С. 36–53.
124. Лисичкин Б. Горе без ума / Б. Лисичкин // Труд. 2003. 24 апреля.
125. Лузан С. Регулирование и управление предприятиями с государственным участием: международный опыт / С. Лузан // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 35–44.
126. Лысенко Г.И. Государственный механизм управления отношениями собственности / Г.И. Лысенко // ЭКО. 2005. № 3. С. 145–152.
127. Львов Д. Концепция национального имущества / Д. Львов, В. Гребенников, Е. Устюжина // Вопросы экономики. 2001. № 7. С. 139–140.

128. Львов Д.С. Экономика развития / Д.С. Львов. — М: Экзамен, 2002.
129. Львов Д.С. Об эффективной системе недропользования / Д.С. Львов, С.А. Кимельман // Экономическая наука современной России. 2005. № 4 (31). С. 18–22.
130. Люфт К. Итоги приватизации, осуществленной Попечительским ведомством: оно вело себя как орган власти, а не как собственник / К. Люфт // Политэконом. 1996. № 3. С. 25–27.
131. Мазаев В.Д. Публичная собственность в России. Конституционные основы / В.Д. Мазаев.— М., 2004.
132. Малова Т.А. Экономическая теория прав собственности и ценность капитала / Т.А. Малова // Собственность и рынок. 2005. № 2. С.2–7.
133. Малышев Б. Критика критики теоремы Коуза / Б. Малышев // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 100–104.
134. Мальгинов Г.Н. Структура собственности в российских регионах и ее динамика в период рыночной трансформации. Экономика переходного периода. Сборник избранных работ. 1999–2002 / Г.Н. Мальгинов, А.Д. Радыгин, А.Д. Юдин.— М.: Дело, 2003.— С. 857–875.
135. Маркс К. Сочинения. Изд. 2. Т. 24 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Госполитиздат, 1961.— 745 с.
136. Маршев В. Власть и бизнес: новое осмысление старого / В. Маршев, М. Крупцева // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 5. С.115.
137. Матвеева Ю. Проблемы управления зарубежной собственностью (имуществом) РФ / Ю. Матвеева // Общество и экономика. 2004. № 9. С. 48–54.
138. Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития / В. Мау // Вопросы экономики. 2002. № 7. С.4–25.
139. Мау В. Экономическая политика в 2005 г.: определение приоритетов / В. Мау // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 4–27
140. Модернизация: зарубежный опыт и Россия.— М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, «ИНФОРМАРТ», 1994.
141. Мясникова Л. Инновационно-инвестиционный комплекс. Иллюзии и реальность / Л. Мясникова, Л. Куринский // РИСК. 2004. № 3. С. 55.
142. Мизаделинская В. Эффективность приватизации предприятий: опыт и перспективы / В. Мизаделинская, Т. Смуга // Вопросы экономики. 1993. № 4. С. 103–108.
143. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической

- теории / Л. Мизес. — М.: Экономика, 2000.— 878 с.
144. Мовсесян А. Институциональный подход к стратегии социально-экономического развития / А. Мовсесян // Экономист. 1998. № 4. С. 24–29.
145. Москвицкий А. Пределы институционализма / А. Москвицкий // Вопросы экономики. 2005. № 6. С.74–81.
146. Наймушин В. Рыночные реформы в России: можно ли разорвать замкнутый круг истории? / В. Наймушин // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 114–128.
147. Невзорова Е.Н. Государственное регулирование отношений собственности: Учеб. пособие / Е.Н. Невзорова.— Иркутск: Изд-во БГУ-ЭП, 2003.— 83 с.
148. Нестеренко А.М. Экономический рост на основе институциональных изменений / А.М. Нестеренко // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 19.
149. Нешиной А. Необходима смена приоритетов / А. Нешиной // Экономист. 2006. № 2. С. 3–8.
150. Нигматулин Р. Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста / Р. Нигматулин // Вопросы экономики. 2003. № 3. С.125–131.
151. Новрузов Р. Об эффективности управления государственной собственностью / Р. Новрузов // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 1. С. 21–26.
152. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт.— М.: Начала, 1997.— 156 с.
153. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. 1997. № 3. С.6–17.
154. Нуреев Р.М. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности / Р.М. Нуреев, А.Б. Рунов // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 5–31.
155. Нуреев Р.М. Россия: неизбежна ли деприватизация? / Р.М. Нуреев, А.Б. Рунов // Вопросы экономики. 2002. № 6. С.10–25.
156. Одинцова А. Управление предприятиями государственной и смешанной форм собственности во Франции / А. Одинцова // Вопросы экономики. 1993. № 10. С. 30–37.
157. Олейник А. «Институциональные ловушки» постприватизационного периода в России / А. Олейник // Вопросы экономики. 2003. № 12. С. 79–94.
158. Олейник А. Модель сетевого капитализма / А. Олейник // Вопросы экономики. 2003. № 8. С. 132–149.
159. Олейник А. Роль государства в установлении прав собственности

- (к вопросу о теореме Коуза) / А. Олейник // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 7. С. 54–61.
160. Олейник А.Н. Институциональная экономика. Учебное пособие / А.Н. Олейник. — М.: ИНФРА-М, 2002.— 450 с.
161. Ольсевич Ю. Институционализм — новая панацея для России / Ю Ольсевич // Вопросы экономики. 1999. № 6. С.39.
162. Ослунд А. Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма / А. Ослунд // Вопросы экономики. 2000. №7. С.115–138.
163. Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 148–159.
164. Панарин И. Технология информационной войны / И. Панарин.— М., 2003.
165. Папава В. Роль государства в современной экономической системе / В. Папава // Вопросы экономики. 1993. № 11.С. 33–41.
166. Паршев А. Почему Россия не Америка? / А. Паршев.— М, 1999.— 411 с.
167. Пивоваров Ю.С. Русская собственность, русская власть, русская мысль / Ю.С. Пивоваров // Россия и современный мир. 2002. №1. С. 5–36.
168. Плышевский Б. Частный капитал: образование и особенности / б. Плышевский // Экономист. 2004. № 1. С. 11–21.
169. Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. Полтерович // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–40.
170. Полтерович В.М. Институциональные ловушки есть ли выход / В.М. полтерович // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–15.
171. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В.М. Полтерович.— М., 1998.
172. Попадюк Н. Частная ли частная собственность в России (вероятные сценарии развития бизнеса) / Н. Попадюк // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 144–156.
173. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М. Делягина.— М., 2000.
174. Проценко А. От греха подальше / А. Проценко // Труд. 2004. 26 октября. С. 3–4.
175. Пронников В. Управление персоналом в Японии: Очерки / В. Пронников, И. Леданов.— М., 2003.
176. Радаев В. Деформация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности / В. Радаев // Вопросы экономики. 2001. №

6. С.60–79.
177. Радыгин А. Внешние механизмы корпоративного управления и их особенности в России / А. Радыгин // Вопросы экономики. 1999. № 8. С.84–85.
178. Радыгин А. Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе / А. Радыгин // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 26–45.
179. Радыгин А. Собственность, корпоративные конфликты, эффективность (некоторые эмпирические оценки) / А. Радыгин, С. Архипов // Вопросы экономики. 2000. № 11. С. 114–133.
180. Радыгин А.. Структура акционерного капитала и корпоративный контроль: контрреволюция управляющих? / А. Радыгин, В. Гутник, Г. Мальгинов // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 47–69.
181. Радыгин А. Российская корпоративная экономика: сто лет одиночества / А. Радыгин, И. Сидоров // Вопросы экономики. 2000. № 5. С. 45–61.
182. Радыгин А. Институциональные проблемы развития корпоративного сектора: собственность, контроль, рынок ценных бумаг / А. Радыгин, Р. Энтов.— М.: ИЭПП, 1999.
183. Радыгин А. Инфорсмент прав собственности и контрактных обязательств / А. Радыгин, Р. Энтов // Вопросы экономики. 2003. № 5. С.83–100.
184. Радыгин А. Трансформация отношений собственности: сравнительный анализ российских регионов и общие проблемы становления новой системы прав собственности в России / А. Радыгин, Р. Энтов, Г. Мальгинов и др.— М.: ИЭПП, 2001.
185. Радыгин А. Проблемы корпоративного управления в России и регионах / А. Радыгин, Р. Энтов, М. Турунцева и др.— М.: ИЭПП, 2002.
186. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь —2-е изд., испр. / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. — М.: ИНФРА–М, 1999.— С. 321.
187. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы.— М., 2001.
188. Рассадина А. Государственный сектор в развитых странах (опыт Франции и Великобритании) / А. Рассадина // Экономист. 2002. № 6. С. 9–22.
189. Раханов М. Этапы преобразования отношений собственности в республике Казахстан / М. Раханов // Экономист. 2003. № 11. С. 41–49.
190. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат.

- сборник– 2002.— М., 2002.— С.332–333.
191. Российская экономика в 2004 году: тенденции и перспективы // Вопросы экономики.— 2005.—№ 6.— С. 34–60.
192. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва / Под ред. Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. — М.: Экономика, 2004.— С. 52–69.
193. Россия в цифрах – 2004. Краткий сборник / Госкомстат России.— М., 2003.— С.158–159, 163.
194. Руденко Л.Н. Особенности приватизации в арабских странах / Л.Н. Руденко // БИКИ. 1996. № 113. С. 1–4.
195. Русская философия собственности (17–18 вв.) — СПб, 1993.— С. 93.
196. Савруков Н.Г. Национальная экономика / Н.Г. Савруков, Е.А. Егорова.— СПб: Политехника, 1999.— 179 с.
197. Саморукова А. Опыт приватизации в Румынии / А. Саморукова // Проблемы теории и практики управления. 1995. № 5. С. 58–64
198. Свирчевский В.Д. Госсобственность: достояние страны или источник обогащения менеджмента / В.Д. Свирчевский // Собственность и рынок. 2004. № 3. С.10–18.
199. Свирчевский В.Д. У больших денег нет хозяина. Особенности формирования частной собственности в России / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // Собственность и рынок. 2004. № 7. С. 4–10.
200. Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. Бизнес и социальная потребность. Собственность и общество / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // Собственность и рынок.— 2004. № 8. С. 10–17.
201. Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. Рост и развитие. Собственность: сохранение или приумножение / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // Собственность и рынок. 2004. № 9. С. 2–6.
202. Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. Война внутри компании. Менеджерская революция или борьба за чужую собственность / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // Собственность и рынок. 2004. № 11. С. 6–10.
203. Свирчевский В.Д. Настоящая собственность и настоящие собственники. «Менеджеры-оборотни» или новая хижина дяди Тома / В.Д. Свирчевский, В.А. Чеботарев // Собственность и рынок. 2004. № 12. С. 2–6.
204. Седлак М. Экономическая реформа и приватизация в Чехии и Словакии / М. Седлак // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 1. С. 35–40.
205. Семеренко А.Г. Федеральная комплексная система обеспечения экономической безопасности как основной инструмент защиты соб-

- ственности в России / А.Г. Семеренко // Собственность и рынок. 2004. № 9. С.11–15.
206. Сибирякова Г. Дому нужен хозяин.../ Г. Сибирякова // Российская газета. 2006. 9 февраля.– С.6.
207. Слепенкова Е.М. Становление акционерной собственности в современной российской экономике / Е.М. Слепенкова // Вестник Моск. университета. Сер. 6. Экономика.2000. № 4. С.13–29.
208. Собственность в XX столетии.— М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.– 960 с.
209. Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова.— М., 1998.
210. Собственность. Корпорирование. Инвестиции // Российский экономический журнал. 2005. № 4. С. 3–14.
211. Совершенствование управления государственной собственностью в условиях рыночной экономики. Заключительный отчет— М.: ФГУ-ЭП «Межведомственный аналитический центр», 2000.
212. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора / Дж. Ю. Стиглиц / Пер. с англ. — М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997.– 720 с.
213. Страшко В. Формирование государственной собственности на результаты интеллектуальной деятельности (на примере предприятий оборонно-промышленного комплекса) / В. Страшко // Экономист. 2003. № 6. С. 13–18.
214. Субботина Т. Россия на распутье: два пути к международной конкурентоспособности / Т. Субботина // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 46–64.
215. Супян В. Роль государства в экономике: американский опыт / В. Супян // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 4. С.14–17.
216. Сэй Ж.-Б. Трактат по экономической теории / Ж.-Б. Сэй.— М.: Дело, 2000.
217. Тамбовцев В.Л. Собственность и эффективность / В.Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 3–31.
218. Тамбовцев В. Теоретические вопросы институционального проектирования / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 82–84.
219. Тамбовцев В. Улучшение защиты прав собственности — неиспользуемый резерв экономического роста России? / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 22–38.
220. Уильямсон О. Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка. В кн.: Теория фирмы / О. Уильямсон.— СПб.: Экономическая школа, 1995.— С. 411–442.

221. Управление государственной собственностью: Учебник / Под ред. В.И. Кошкина, В.М. Шупыро.— М.: ИНФРА-М, 1997.— 496 с.
222. Устюжина Е.В. Отличительные особенности и актуальные проблемы становления института собственности в РФ / Е.В. Устюжина // Собственность и рынок. 2004. № 5. С. 2–9.
223. Федоренко Н.П. Вопросы оптимального функционирования экономики.— 2-е изд., перераб. и доп./ Н.П. Федоренко — М.: Наука, 1990.— 304 с.
224. Фирюлина Н.В. Принципы формирования механизма обеспечения внешнеэкономической безопасности региона / Н.В. Фирюлина, А.И. Смирнов, Д.Е. Кацик // Проблемы прогнозирования. 2005. № 1. С. 89–101.
225. Фоминых А. Сопоставление эффективности государственного и негосударственного секторов экономики: статистический подход / А. Фоминых // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 64–75.
226. Ханкель В. Российские реформы и глобализация: движущая сила или взрывчатая смесь? / В. Ханкель // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 5. С.24.
227. Хашутогов А.С. Проблемы и опыт приватизации государственной собственности в Великобритании / А.С. Хашутогов // БИКИ. 2000. 7 сент. (№104). С. 4–5.
228. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд и др.— М., 2004.
229. Хрусталева Н. Франция на исходе столетия: смена модели регулирования экономики / Н. Хрусталева // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 6. С. 61–70.
230. Хубиев К. Государственная собственность и условия ее эффективности (методологический аспект) / К. Хубиев // Экономист. 2003. № 1. С. 45–56.
231. Хучек М. Приватизация польских предприятий / М. Хучек // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 73–78.
232. Цзиньвэнь Л. Роль государственного регулирования в реформировании экономики Китая / Л. Цзиньвэнь // Вестник Моск. универ. Сер.6. Экономика. 1997. № 5. С.73–102.
233. Цзиньвэнь Л. Роль государственного регулирования в реформировании и развитии экономики Китая /Л. Цзиньвэнь // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 4. С. 54–59.
234. Чен С. Общие права собственности / Экономическая теория. Под ред. Дж. Этуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. Пер. с англ.— М.: ИНФРА-М, 2004.— 102 с.
235. Чернявский В.О. Очерки по вопросам экономической эффективно-

- сти / В.О. Чернявский.— М.: Экономиздат, 1963.— 137 с.
236. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории / А. Шаститко // Вопросы экономики. 2003. № 1. С.24–41.
237. Шаститко А. Теорема Коуза: проблемы и недоразумения / А. Шаститко // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 96–99.
238. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко.— М.: ТЕИС, 2002.
239. Шаститко А.Е. Экономическая теория институтов / А.Е. Шаститко.— М.: МГУ, ТЕИС, 1997.— 91 с.
240. Шелистов Ю.И. Частная собственность в России: проблемы институциональных искажений / Ю.И. Шелистов // Вестник Моск. университета. Сер. 12. Политические науки. 2003. № 2. С.5–19.
241. Шершунов В. Оптимизация структуры государственной собственности / В. Шершунов // Журнал для акционеров. 2000. № 6. С. 12–16.
242. Широков Г.К. Диверсификация форм собственности: западно-восточные параллели / Г.К. Широков // Восток. 2001. № 1. С. 60–68.
243. Широков Г.К. Запад-Восток: Эволюция форм собственности в XX веке / Г.К. Широков // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 137–153.
244. Шмелев Н.П. Ключевые проблемы современной социально-экономической политики России / Н.П. Шмелев // Проблемы прогнозирования. 2004. № 3. С. 3–15.
245. Щербаков А. Приватизация собственности в России: последствия и перспективы / А. Щербаков // Приватизация в России. 2002. № 7. С. 52–64.
246. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. / Т. Эггертссон / Пер. с англ. Под ред. А.Н. Нестеренко.— М.: Дело, 2001.— 125 с.
247. Экономика / Под ред. А.Г. Грязновой, И.П. Николаевой, В.М. Каддыкова.— М., 2001.
248. Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России. 1998–2002.— М.: Дело, 2003.— С. 337–544.
249. Экономика: Учебник / Под ред. доц. А.С. Булатова. 2-е изд.; перераб. и доп. — М.: Издательство БЕК, 1997.
250. Экономическая теория (политэкономия): Учебник / Под общ. ред. В.И. Видяпина, Г.П. Журавлевой. — 4 изд.— М.: ИНФРА, 2004.— 640 с.
251. Экономическая теория: Учебник / Под ред. Н.И. Базылева. — Мн.,

- 1997.– С. 35–38.
252. Экономическая теория: Учебник. В 2 ч. Ч.1.— 2–е изд, испр. и доп. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998.— 480 с.
253. Экономическая энциклопедия / Гл. ред. Л.И. Абалкин. — М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1999.— 736 с.
254. Эксперт–400: рейтинг крупнейших российских компаний // Эксперт. 2004. № 37. С.77–187.
255. Явлинский Г. Какую экономику и какое общество мы собираемся построить и как этого добиться? / Г. Явлинский // Вопросы экономики. 2004. №4. С. 10.
256. Яновский К. Размеры государственного сектора экономики / К. Яновский // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 25–34.
257. Ясин Е. Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) / Е. Ясин // Вопросы экономики. 2002. № 11. С.4–30
258. Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации / Е. Ясин // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 4–30.
259. Ясин Е. Экономика наполовину не бывает / Е. Ясин // Деловые люди. 2004. № 162. С. 5–7.
260. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: The Commerce Clarnig House, 1932.
261. Locke J. The Second Treatise of Government. Chap. V. 27. 2–4.
262. Gerschenkron C. A. The Early Phases of Industrialization in Russia and their Relationship to the Historical Study of Economic Growth. N.Y., 1963.
263. Thurow L. Fortune Favors the Bold: What We Must Do to Build a New and Lasting Global Prosperety. N.Y.: Harper Collings Publishers Inc., 2003.

Основные школы и направления экономической мысли	Характеристика категории собственности
Аристотель	Аристотель, рассматривая проблему щедрости, говорил об имуществе и о владении им, но не о собственности, что можно рассматривать как самые первые подходы к исследованию собственности.
Дж. Локк «The Second Treatise of Government» <u>XVII в.</u>	В данном случае понятие собственности рассматривалось в абсолютном, если можно так выразиться, смысле. Именно в этом контексте Дж. Локк указывал, что «каждый человек имеет собственность в своем личном владении, ...мы можем сказать, что результаты труда его тела и работы его рук принадлежат ему». Он разработал законченную естественно-правовую концепцию собственности, определившую во многом развитие экономической науки, правоведения и этики. Собственно, дальнейшая история этих областей состояла в развитии или опровержении идей Локка.
<u>Классическая школа:</u> А. Смит «Исследования о природе и причинах богатства народов», Д. Рикардо <u>середина XIX в.</u>	Собственность как экономическая категория не имеет самостоятельного облика и отождествляется с богатством.
Ж.–Б. Сэй «Трактат по политической экономии»	Есть упоминание о собственности, которое с некоторой натяжкой можно рассматривать как определение, в контексте определения богатства.
П.–Ж. Прудон «Что такое собственность?»	«Собственность — это кража». Автор впервые рассматривает собственность не как богатство (запас), а как действие, отношение между людьми по поводу имущества. Продолжение табл. 1.1
<u>Марксизм:</u> К. Маркс «Капитал», К. Маркс, Ф. Энгельс «Сочинения»	Собственность — это система отношений между людьми. Эти отношения характеризуют присвоение средств производства и потребительских благ. Отношения соб-

	ственности играют ведущую роль в экономических системах любых типов.
<u>Немецкая историческая школа:</u> Г.Д. Маклеод <u>Вторая пол. XIX в.</u>	Ввел в оборот понятие неимущественного (нематериального) имущества и собственности на него
В. Рошер, Б. Гильдербранд, К. Кинс, Г. Шмоллер	Собственность выступала как воплощение этико–правовых начал, т.е. рассматривалась как категория, базирующаяся на морально–правовом фундаменте.
<u>Маржинализм:</u> К. Менгер	Сравнивает характеристику собственности с особо важным для современных экономистов положением о факторе редкости благ. «И человеческое хозяйство, и собственность имеют общее хозяйственное происхождение, так как и то, и другое своим конечным основанием имеют существование благ, доступное распоряжению количество которых меньше, нежели потребности людей...».
Л. Вальрас	Уделяет особое внимание понятию собственности, но он характеризовал содержание данной категории весьма противоречиво. Он связывает собственность (отождествляя ее с богатством) с полезностью для человека и с редкостью. Л. Вальрас выводит собственность из экономической науки, утверждает, что теория собственности образует науку о морали.
<u>Институционализм:</u> Т. Веблен <u>нач. XX в.</u>	В работах институционалистов собственность занимает существенное место. Т. Веблен делает акцент на эволюции собственности. Он отмечает, что у истоков собственности всегда стояли насилие, обман и подавление добрых начал человека. Продолжение табл. I.1
Дж. Коммонс <u>нач. XX в.</u>	Уделял собственности особое внимание. Однако, собственность у него имеет преимущественно юридическую окраску. Определяется как совокупность определенных прав, обязанностей, без четкой

	фиксации которых общество не может функционировать.
Л. Мизес «Социализм. Экономический и социологический анализ», «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории» <u>20–30 е гг. XX в.</u>	Дал развернутое толкование категории собственности как общественного явления. Собственность — это актив, но как таковой она выступает лишь в руках тех, кто знает как наилучшим образом использовать ее на удовлетворение нужд потребителя. Экономическая трактовка о праве собственности четко отграничена от юридического понимания права собственности.
А. Берли, Г. Минз «The Modern Corporation and Private Property» <u>1932 г.</u>	В это время установилось безусловное господство корпораций, базирующихся на акционерной собственности. Происходит отделение собственности на факторы производства от контроля над их использованием, т.к. реальный контроль над корпоративной собственностью оказывается в руках управляющих, деятельность которых вовсе не служит интересам акционеров. Отсюда авторы делали вывод о том, что необходимо изменение точки зрения на сущность собственности.
<u>Неоинституционализм:</u> Р. Коуз «Фирма, рынок, право», «Природа фирмы», Д. Норт «Институты, идеология и эффективность экономики от плана к рынку: будущее посткоммунистических республик» <u>30–е гг. XX в.</u>	Характеристика прав собственности как санкционированных обществом, но не обязательно государством, указывает на необходимость учета при их анализе не только формальных нормативных правил, исходящих от государства, но и неформальных установлений (неписаных законов, традиций). Права собственности представляют собой совокупность, а именно, сложную комбинацию, или пучок правомочий по использованию ресурсов. Окончание табл. 1
А. Алчиан, Т. Эггертссон «Экономическое поведение и институты», Х. Демзец, С. Чен, Р. И. Капелюшников «Экономическая теория прав собст-	В трактовке неоинституционалистов особо выделяется роль собственности как регулятора экономического поведения. Т.е. то обстоятельство, что в рыночном хозяйстве «правила игры» не навязывают

<p>венности», А. Е. Шаститко «Экономическая теория институтов», А. Н. Нестеренко «Экономика и институциональная теория» и др. <u>кон. XX в.</u></p>	<p>каждому субъекту его действий, но через права (и соответственно, через запреты) стимулируют (или не позволяют) осуществление тех или иных действий. Если предшественники неoinституционализма молчаливо исходили из того, что в экономической системе правомочия собственности четко определены и — по крайней мере, теоретически — безусловно защищены, то неoinституционалисты отвергают этот постулат. Они утверждают, что точное определение прав собственности отсутствует, и требуются существенные усилия и издержки для такого определения (спецификации). Без спецификации хозяйственные решения субъектов рискуют быть ошибочными или малоэффективными, так что благосостояние субъектов поставлено под угрозу. От спецификации прав зависит и возможность их защиты.</p>
<p><u>Отечественная экономика:</u> Д.С. Львов «Экономика развития» <u>кон. XX в.</u></p>	<p>Строго говоря, основным объектом рассмотрения в его работах является не собственность как экономическая категория, а лишь специфический вид собственности — собственность на природные ресурсы. Но из логики изложения данного аспекта вырисовывается, на наш взгляд, авторская трактовка собственности как таковой. «Основу института собственности составляет свобода перераспределения имущественных прав между различными субъектами хозяйственной деятельности». Важнейшим правом собственности, по Львову, является право на получение дохода.</p>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ	7
1.1 Эволюция исследований государственной собственности в экономической литературе	7
1.2 Расширение круга функций современного государства и роль государственной собственности в решении стратегических макроэкономических задач	34
2. КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	51
2.1 Реформы отношений государственной собственности и их социально-экономические последствия в экономических системах разных типов	51
2.2 Характеристика основных видов издержек трансформации государственной собственности в период рыночных реформ	71
2.3 Нарушение траектории институционального развития в условиях реформирования государственной собственности	97
3. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ УСКОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	113
3.1 Система критериев эффективности государственной собственности применительно к реализации функции модернизации современной экономики	113
3.2 Возможные варианты стратегии модернизации российской экономики в целях роста ее конкурентоспособности	129
3.3 Характеристики моделей «человека институционального» в связи с курсом на модернизацию современной российской экономики	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170
ОГЛАВЛЕНИЕ	187
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	188

Научное издание

Макарова Галина Николаевна
Седых Ольга Геннадьевна

**Государственная собственность в стратегии ускоренной
модернизации национальной экономики**

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 17.03.08. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 300 экз. Заказ ....

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.